

АКАДЕМИЯ ВОЕННЫХ НАУК

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
УЧЕНЫХ 1 ОТДЕЛЕНИЯ –
ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩИХ ПРОБЛЕМ
ВОЙНЫ, МИРА И АРМИИ
АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК**

Том 5

*100-летию со дня рождения первого президента
Академии военных наук посвящается*

Москва – 2023

УДК 32
ББК 66
НЗ4

Рецензент:

Емец Валерий Сергеевич – доктор политических наук, профессор

НЗ4 Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук. Том 5 / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. – М.: Изд-во НИЦ «Национальная безопасность», 2023. – 190 с.

Коллективная монография **Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии (Том 5)** содержит материалы и авторские статьи ученых отделения, посвященные осмыслению важнейших вопросов теории и практики обеспечения военной и национальной безопасности Российской Федерации.

В монографии нашли отражение вопросы, связанные с анализом основных аспектов обеспечения военной и национальной безопасности Российской Федерации, геополитические аспекты развития системы международных отношений, теории и практики применения информационно-коммуникативных технологий, психологии и педагогики, а также истории развития современной российской государственности.

Материалы монографии могут быть использованы в процессе планирования и организации научно-исследовательских работ, а также найти применение в преподавании отечественной истории, политологии и других социально-гуманитарных наук.

УДК 32
ББК 66

**ГЕНЕРАЛ АРМИИ
ГАРЕЕВ МАХМУТ АХМЕТОВИЧ
ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ
ВОЕННЫХ НАУК**

И.В. Бочарников

В современной отечественной истории и военной науке трудно найти личность масштаба, подобного М.А. Гарееву, который одновременно обладал бы качествами военачальника, военного теоретика, историка и дипломата. Конечно же, в России много достойных и военачальников, и теоретиков, и историков. Хватает и военных дипломатов. Но вобрать в себя все достоинства этих направлений деятельности и военной службы смог только М.А. Гареев. В этом очевидна его уникальность. И вполне закономерно, что уже при жизни он был отнесен к той категории людей, которых принято называть человек-легенда. Он и вся его жизнь, а также многолетняя служба Отечеству действительно таковыми, легендарными, были.

Более полувека М.А. Гареев прослужил в Вооруженных Силах СССР и более 80 лет России и прошел путь – от красноармейца – воспитанника кавалерийского полка – до заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, президента Академика военных наук. Был участником 5 войн и вооруженных конфликтов, в том числе Великой Отечественной войны и боевых действий на Дальнем Востоке на завершающем этапе Второй мировой войны. Свою ратную службу он начал еще в 30-х годах в возрасте 14 лет. Будучи воспитанником кавалерийского полка, он воевал с басмачами в Средней Азии. Весной 1941 года, накануне Великой Отечественной войны, стал курсантом Ташкентского пехотного училища, но учиться ему пришлось недолго – уже в ноябре 1941 года в жесточайших сражениях под Москвой молодой лейтенант Гареев принял первое боевое крещение. С этого времени и до самого последнего дня войны он находился на передовой: воевал на Западном и 3-м Белорусском фронтах. Великую Отечественную вой-

ну М.А. Гареев закончил под Кенигсбергом, а Вторую мировую – в Маньчжурии. Шесть боевых орденов стали признанием его военных заслуг перед Родиной в годы Великой Отечественной войны и войны с Японией. Всего же Махмут Ахметович был кавалером 19 орденов и множества медалей.

В послевоенные годы он с отличием и золотой медалью окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе (1950) и Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (1959). Находился на различных командных и штабных должностях в Дальневосточном, Белорусском и Уральском военных округах.

Помимо этого, в качестве представителя советской военной миссии М.А. Гареев принимал участие в арабо-израильском конфликте 1970–1971 годов, а в 1989 году – возглавлял миссию советских советников в Демократической Республике Афганистан тогда, когда из этой страны уже был выведен советский контингент.

В 1995 году создал и почти четверть века возглавлял Академию военных наук, объединившей под его руководством интеллектуальный потенциал военных ученых и направившей его на обеспечение интересов и безопасности России.

На этом посту Махмут Ахметович был до последних дней своей жизни. Его военно-научная работа, безусловно, внесла значимый вклад в осмысление вопросов характера и содержания современных войн и вооруженного противоборства, обеспечения национальной и военной безопасности Российской Федерации. Одновременно с этим генерал армии М.А. Гареев исполнял обязанности Генерального инспектора Управления Генеральных инспекторов Министерства обороны, заместителя председателя Общественной палаты при Министерстве обороны, а также ряд иных должностей, непосредственно связанных с боевой подготовкой и жизнедеятельностью Вооруженных Сил России.

И, конечно же, важнейшим направлением его служения Отечеству стали его сражения на историческом фронте. Когда история страны, которой он служил повсеместно, в том числе и на государственном телевидении (не говоря уже о других источниках массовой информации), «охаивалась», генерал армии М.А. Гареев был одним из тех, кто оказался на переднем крае борьбы с фальсификаторами истории. И в этой борьбе он одержал одну из своих наиболее знаковых побед – побед с ложью, подлостью и предательством национальных интересов и исторической памяти.

Все это вехи биографии генерала армии профессора Гареева Махмута Ахметовича, отдавшего служению Отечеству более 80 лет своей замечательной жизни.

Родился Махмут Ахметович 23 июля 1923 года в г. Челябинске, куда семья Гареевых переехала из Чишминского района Башкирии

ещё в 1910 году. Отец – Ахмет Гареев был рабочим, мать – Рахима Гареева – домохозяйкой.

Семья была многодетной – восемь сыновей и дочерей. Махмут был средним сыном, но именно ему, по легенде, было предсказано великое будущее и знаменитость. Так предсказала его судьбу старая женщина в Челябинске, соседка Гареевых, и оказалась права [5]. По крайней мере, сам М.А. Гареев это доказал.

Голод и лишения вынуждали искать место жительства, где можно было работать и обеспечивать условия жизни своих близких. Поэтому родители М. Гареева вынуждены были переехать из Челябинска сначала в Омск, а затем в Среднюю Азию в Узбекистан. Как вспоминал в последующем сам М.А. Гареев, «в начале 30-х годов в стране была страшная безработица. В поисках лучшей доли отец решил перевезти семью в Среднюю Азию, где, по слухам, жить было более сытно» [25]. Средняя Азия тогда действительно была оазисом молодой Советской Республики, обложенной со всех сторон не только враждебно настроенными государствами и действовавшими на их территории антисоветскими организациями. Очень большой урон народному хозяйству наносили экономические санкции ведущих стран мирового сообщества того времени (прежде всего, США и Великобритании), ухудшавшими и без того разрушенную революцией и Гражданской войной экономику и особенно продовольственную сферу страны. Голод был одним из наиболее распространенных явлений для Советской России в 20-х – начале 30-х годов. На этом фоне выделялся Туркестан, или Средняя Азия, со столицей Узбекистана г. Ташкентом, продовольственная обстановка в котором значительно отличалась от других регионов страны. Неслучайно в обиход того времени вошло выражение «Ташкент – город хлебный». Таковым он не только воспринимался, но и был в реальности, что способствовало притоку населения из других регионов страны и, прежде всего, Урала и Поволжья.

Тогда, как вспоминал М.А. Гареев, вышло постановление Совнаркома, «чтобы татарских и башкирских переселенцев целевым образом направляли в Среднюю Азию. Общие тюркские языки и все такое. Так что почти во всех советских учреждениях Узбекистана и других республик татар много было» [25].

В 1931 году Гареевы переехали в Узбекистан. Сначала, по словам М.А. Гареева, в Ташкент на разведку послали старшего брата, «он оттуда написал: приезжайте, здесь какую палку в землю ни воткни, всё вырастет. Семья собралась и поехала» [25]. Так Гареевы оказались в Карши¹. В 1932 году переехали в Китабский район Кашкардарьинской области.

¹ Областной центр Кашкардарьинской области. *Прим. автора.*

Здесь Махмут пошел в школу, где в первом классе пришлось учиться сначала на узбекском языке, а потом уже на русском. В результате только для того, чтобы получить аттестат зрелости, будущему генералу армии пришлось учиться в узбекской, таджикской и русской школах. Сам Махмут Ахметович вспоминал об этом с присущим ему юмором: «Мол, зато теперь легче понять узбекских и таджикских коллег».

Начальная школа с преподаванием на русском языке представляла собой всего одну комнату на три класса. Поэтому учились в три смены. Махмут был самым способным учеником, знал гораздо больше своих сверстников, и вскоре учитель доверил ему вести занятия с первоклашками. Когда он окончил 4-й класс, Гареевы в силу обстоятельств оказались сначала в Киргизии, потом в Башкирии и вновь вернулись в Узбекистан [21].

Обстановка в Туркестане в тот период была чрезвычайно сложной в плане обеспечения общественной и государственной безопасности. «На город, где мы жили, как вспоминал М.А. Гареев, регулярно нападали басмачи. Они приходили из Афганистана, где хозяйничали англичане, которые через них стремились дестабилизировать обстановку в СССР. Басмачи убивали коммунистов, совслужащих, вырезали семьи, в которых дети учились в русских школах» [25].

Для отражения набегов басмачей руководство страны вынуждено было держать в приграничной с Афганистаном территории войсковые части и соединения. В городе Карши, где проживала семья Гареевых, для защиты от набегов басмачей дислоцировался 82-й кавалерийский полк. Очевидно, это сыграло знаковую роль в судьбе Махмута Гареева. Он, как и все советские мальчишки того времени, буквально жил героикой Гражданской войны и поэтому стал частым гостем в полку, с интересом наблюдал за повседневной жизнью красноармейцев и представлял себя на месте командира. Но только этим интерес к военной службе у молодого М.А. Гареева не ограничивался. С ранних лет он увлекался военной историей. Много читал о сражениях и полководцах. Одна из его первых любимых книг была о полководце А.В. Суворове, а фильм – «Чапаев».

Обладая хорошим слухом, Махмут научился играть на струнных инструментах и стал устраивать самодеятельные концерты для красноармейцев. В конце концов его заметили в полковом оркестре. В итоге он был зачислен воспитанником в кавалерийский полк. По сути, это стало началом военной карьеры. Так, уже в возрасте 14 лет в 1937 году М.А. Гареев встал в строй и посвятил себя военной службе. Несмотря на то что в полку он был всего лишь воспитанником, тем не менее он принимал непосредственное участие во всех сферах жизнедеятельности полка, в том числе и в отражении набегов басмачей, получив свой первый боевой опыт в возрасте 14 лет.

В 1940 году он решил попробовать свои силы на гражданском поприще. Узнав о том, что в Ленинабаде (Таджикистан) был открыт планово-экономический техникум, он начал в нем учиться. Но ни экономиста, ни бухгалтера из него не получилось. М.А. Гареева манила военная служба, поэтому, проучившись в техникуме менее года, он забрал из него документы и уже в марте 1941 года поступил в Ташкентское пехотное училище имени В.И. Ленина. «С апреля – марта начали учиться, – вспоминал Махмут Ахметович. – Уклон был артиллерийско-пулеметный, хотя училище и пехотное. А у каждого курсанта свой конь был» [5].

Перед уходом на фронт 1941 года с отцом

Ему предстояло учиться три года, но война сократила этот срок до полугода. 22 июня 1941 года курсантов училища собрали на стадионе. Прозвучала речь В.М. Молотова о вероломном нападении нацистской Германии на СССР. Тогда же было объявлено об ускоренном выпуске.

В ноябре курсантов выпустили из училища в должности командиров взводов и направили на фронт под Москву. Многие из выпуска попали в 316 дивизию, ставшую потом Панфиловской, а самого М.Гареева направили в 99-ю отдельную стрелковую Таджикскую бригаду. Из Ленинабада молодых офицеров привезли в Москву в район Даниловского рынка, а далее предстояло самостоятельно добираться до своих частей.

*Лейтенант Гареев
после училища, 1941 г.
Фото «Красная Звезда»*

«До прифронтовой Москвы (50–60 километров), – как вспоминал в последующем М.А. Гареев, – добирался то пешком, то на попутках. Далее – ползком на пузе, поскольку предназначенный мне 3-й батальон вел бой в окружении. Добрался. Навстречу – старшина с перевязанной рукой. Ни одного офицера в строю не осталось, да и бойцов человек 40 при штатной численности 400 человек. Командовал батальоном этот старшина, получил ранение, сдал мне дела и отбыл в медсанбат. Так что первая моя должность на войне – комбат. Был я им, правда, недолго, пока не прибыл более опытный офицер, капитан Губкин. Я получил 1-ю роту. А взводом так ни разу и не покомандовал» [23].

Так, уже в ноябре 1941 года в жесточайших сражениях под Москвой молодой лейтенант М.А. Гареев принял первое боевое крещение. До последнего дня войны он находился на передовой. О том, как воевал, говорят его многочисленные награды, среди которых два ордена Боевого Красного знамени, два – Красной Звезды и орден Отечественной войны. Он был четырежды ранен и дважды контужен.

Спустя два месяца молодого офицера зачислили слушателем курсов «Выстрел». А еще через четыре месяца Махмут Гареев в составе 120-й отдельной стрелковой бригады в должности командира роты направляется на Западный фронт. В это время шли жестокие оборонительные бои под Вязьмой и Ржевом. В ротах во время летних боев на Западном фронте 1942 года было по 30–40 человек.

Принять должность командира роты лейтенанту М.А. Гарееву было не суждено. Ему, только что прибывшему на командный пункт (КП) бригады, предстояло под непрерывным огнем противника по открытой местности добраться до расположения третьего батальона, отрезанного огнем противника от основных сил. Ползком, используя естественные укрытия, он все же пробился до наблюдательного пункта (НП) батальона, где в строю не осталось ни одного офицера. Гареев вновь принял командование батальоном на себя. Два дня дрался батальон. Немцы, потеряв немало техники и живой силы, вынуждены были отойти на исходные позиции.

В августе 1942 года лейтенант М.А. Гареев в должности исполняющего обязанности комбата впервые участвовал в наступательном бою. Два взвода батальона, которым он командовал, ворвались в первую траншею противника и завязали бой, но остальные подразделения застряли под сильным огнем. Положение крайне обострилось, однако благодаря личному примеру и грамотным действиям комбата М.А. Гареева, организовавшего стремительный бросок бойцов под прикрытием минометного огня, опорный пункт гитлеровцев был взят.

В том бою М.А. Гареев во время атаки был впервые ранен. Пуля прошла левую кисть. В запале боя комбат не обратил внимания на рану, не обработал ее и после боя. В результате полтора месяца провел в госпитале, рана не заживала, и врачи уже хотели ампутировать кисть. В полевых условиях это был один из наиболее распространенных видов хирургических операций, и у полевых хирургов был поток подобного рода операций. Отказавшись от ампутации, как шутил по этому поводу М.А. Гареев, «я портил врачам все показатели» [5]. Спасти руку будущему генералу армии помогла пожилая санитарка, отправившая его в санитарном эшелоне в госпиталь в Рязань. Чуть позже он получил и первый орден – Красной звезды по итогам московской наступательной операции и в связи с ранением [1].

После госпиталя получил назначение начальником штаба батальона 50-й отдельной лыжной бригады (Западный фронт), участвовавшей в боях под Ржевом. В этот период Ставкой ВГК была разработана отвлекающая Ржевско-Сычëвская операция (кодовое наименование – «Марс»), ход которой и совместные действия Западного и Калининского фронтов координировал генерал армии Г.К. Жуков. Ее главной задачей было недопустить переброски немецких частей под Сталинград. И эта задача была решена, противник не смог снять с этого участка фронта ни одной дивизии, что, безусловно, способствовало успешному завершению Сталинградской битвы [2].

В феврале 1943 года М.А. Гареев был назначен на должность помощника начальника 1-й части штаба 36 отдельной стрелковой бригады. За участие в боях на Курской дуге капитан М.А. Гареев был награжден вторым орденом Красного Звезды. О событиях этого периода он вспоминал: «Рассказал бы кто другой эту историю, не поверил бы. Батальон нашей бригады отрезали от своих. Меня со связным ночью отправили его искать. В темноте миновали лощину, вышли на командный пункт батальона. Командир глазам не поверил: «Как прошли? Там же мины – ступить некуда». Когда рассвело, испугался и я. Даже днем по тому полю проскочить шансов не было. Но ведь прошли. Повезло...» [22].

В наградном же листе, подписанным начальником штаба 36 осбр, было отмечено: «При выполнении своих обязанностей тов. Гареев не-

однократно проявлял храбрость и находчивость. Тов. Гареев честный и преданный Родине офицер, достоин правительственной награды, орден Красной звезды» [28].

В конце 1943 – начале 1944 годов М.А. Гареев в составе 36-й отдельной стрелковой бригады, входившей в 33-ю армию, участвовал в боях за освобождение Советской Белоруссии. Боевая задача армии предполагала прорыв глубокоэшелонированной обороны противника – укрепрайона Витебска с кодовым названием «Медвежий вал». В дальнейшем предполагалось с ходу форсировать реку Лососина, овладеть населенными пунктами Павлюки, Огородники, Герасименки, Соломаны, обеспечить ввод в прорыв подвижной группы фронта и ударом с юга освободить Витебск.

36-я отдельная стрелковая бригада была введена в бой 25 декабря 1943 года с задачей развить успех 1-го эшелона корпуса и выйти на шоссе Орша – Витебск в районе Липовец – Дыманово. После упорных трехдневных боев части бригады вышли на указанные рубежи, но были трижды контратакованы и вынуждены были отойти. Потери бригады составили порядка 60–65% личного состава, что свидетельствовало об ожесточенности и кровопролитности боев.

29 декабря во время рекогносцировки были убиты командир и начальник штаба бригады. Ряд офицеров штаба бригады были тяжело ранены. Командование бригадой принял подполковник Андрианов, а исполняющим обязанности начальника штаба бригады стал капитан М.А. Гареев [18].

Начало 1944 года для М.А. Гареева знаменовало не только участие в освобождении Советской Белоруссии, с которой его в дальнейшем будет связывать и война, и послевоенная служба, но и новое направление его служебной деятельности. С этого времени и до самого конца войны он будет на штабной оперативной работе. Командование армии разглядело в молодом капитане аналитические способности и умение планировать и разрабатывать боевые операции, а также участвовать в их осуществлении.

Так, уже в январе 1944 года капитан М.А. Гареев был назначен начальником оперативного отделения своей 36-й отдельной стрелковой бригады, а весной 1944 года – помощником начальника оперативного отдела штаба 45-го стрелкового корпуса 5-й армии (3-й Белорусский фронт).

Должность офицера-оператора предполагала постоянное знание боевой обстановки, а этого можно было достичь, только находясь в боевых порядках частей и соединений. Как вспоминал в последующем М.А. Гареев, «офицеры-операторы не вылезали с передовой. Комполка реже на своих передовых бывал, чем операторы из штаба армии: надо было помочь, подтолкнуть, все время решать какие-то тактические про-

блемы» [5]. С этими обязанностями М.А. Гареев справлялся блестяще, о чем свидетельствовали его боевые награды.

Капитан М.Гареев с группой боевых товарищей, 1944 год

Так, уже в должности помощника начальника оперативного отдела штаба 45 стрелкового корпуса капитан М.А. Гареев был награжден орденом Отечественной войны I степени. В представлении к ордену командованием было отмечено, что «капитан Гареев за короткий период времени образцово поставил штабную работу в Оперативном отделе штаба корпуса и умело руководил штабной службой дивизий и корпусных частей. Выезжая в штабы соединений, четко организует контроль за выполнением ими боевых приказов командира корпуса. При прорыве сильно укрепленной обороны противника на реке Суходровка тов. Гареев по заданию командования корпуса выезжал в боевые порядки частей 159 стрелковой дивизии для проверки действительной обстановки на переднем крае наступающих частей и оказания помощи в выполнении ими поставленных боевых задач» [29].

Значимость действий капитана М.А. Гареева определялась тем, что в этот период (с 23 июня 1944 года) была начата операция «Багратион», в которой 159-й дивизии отводилась значимая роль в прорыве обороны противника на Богусhevском направлении и освобождении г. Витебска. Приказом Верховного Главнокомандующего № 0175 от 2 июля 1944 года в ознаменование одержанной победы и за отличие в

боях при прорыве обороны противника на Оршанском направлении, активные и решительные действия, способствовавшие успеху Витебско-Оршанской операции, дивизии присвоено почетное наименование Витебская. Очевидно, что заслуга в этом была и офицера-оператора штаба корпуса капитана М.А. Гареева, координировавшего боевые действия дивизии.

Во время одного из таких выездов на передовую он был в очередной раз ранен. Ранение оказалось серьезным, и в госпитале он находился вплоть до февраля 1945 года. А уже после выхода из госпиталя был назначен на должность старшего офицера оперативного отдела штаба 5-й армии. По штатному расписанию это была «полковничья» должность. 21-летний М.А. Гареев же был назначен на нее в звании капитана, что свидетельствовало о высокой оценке его штабных и военно-профессиональных качеств со стороны командования.

В этот период с 13 января по 25 апреля войска 3 Белорусского фронта, в составе которого находилась 5-я армия, проводили Восточно-Прусскую стратегическую наступательную операцию.

13 марта, после непродолжительных оборонительных действий, в ходе которых удалось восстановить боеспособность частей и соединений, войска 3-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза А.М. Василевского перешли в решительное наступление. А уже 29-го перестала существовать Хайльсбергская группировка противника – самая мощная и многочисленная из всех восточно-пруссских группировок врага. Настал черед города-крепости Кёнигсберга. На одной из городских стен в преддверии штурма красовалась надпись: «Слабая русская крепость Севастополь держалась 250 дней, а Кёнигсберг не будет сдан никогда» [6].

*Майор М.А. Гареев,
1945 год*

На штурм города-крепости Кёнигсберг, в котором принимала непосредственное участие 5 армия, ушел 81 час.

В планировании и подготовке этой операции принимал участие и майор М.А. Гареев. Штурм начался 6 апреля, а уже 9 апреля 1945 года за месяц до подписания капитуляции нацистской Германией город-крепость Кёнигсберг был взят.

При этом при взятии Кёнигсберга М.А. Гареев получил очередное ранение, что свидетельствовало о его непосредственном участии в штурме в боевых порядках. Но на этом война для него не за-

канчивается. День Победы он встретил в воинском эшелоне по пути на Дальний Восток. Сам М.А. Гареев об этом в последующем вспоминал: «Мы 9 апреля взяли Кенигсберг, и нас сразу стали грузить в эшелоны – никто не говорит куда. Рядом была 28-я армия, ее под Берлин отправили, вот мы и решили, что и нас туда повезут. Но 2 мая мы уже стояли в Москве, в каком-то тупике. Я тогда впервые видел салют в честь взятия Берлина. Потом пошел слух, что повезут воевать против Турции – за пролив. А когда уже Волгу переехали, стало понятно, что против японцев. 9 мая наш эшелон стоял в Свердловске, тоже в каком-то тупике – скрыто же перевозили. Я в тот день даже получил выговор: дежурил по эшелону, в пять утра просыпаюсь – стреляют! Вышел. Говорят, война кончилась! Командующий, Крылов Николай Иванович, сгоряча и влепил: демаскируете, мол, эшелон» [5].

Так, боевой офицер, кавалер двух орденов Красной Звезды и двух орденов Боевого Красного Знамени, а также ордена Отечественной войны I степени встретил Победу. Но встретил он ее не на немецкой территории, а на советской – на границе Европы и Азии. Впереди его ждала война с Японией, победа над которой стала завершением Второй мировой войны

Вступление Советского Союза в войну против милитаристской Японии в августе 1945 года и победоносная кампания на Дальнем Востоке, как считал сам М.А. Гареев, имели важнейшее военно-политическое значение. По его словам: «Наконец был смыт позор поражения в войне 1904–1905 годов, тяжелой памятью, лежавший в сознании нашего народа. России возвращены Южный Сахалин и Курильские острова. За короткий срок разгромлена миллионная Квантунская армия» [16].

Все это, безусловно, ускорило окончание Второй мировой войны. Свой весьма весомый вклад в достижение победы над Квантунской армией внес и М.А. Гареев. В должности старшего офицера оперативного отдела штаба той же 5-й армии, вошедшей в состав 1-го Дальневосточного фронта, он непосредственно участвовал в разработке и проведении Маньчжурской стратегической наступательной операции.

Эта операция, как он в последующем считал, по оригинальности замысла и мастерству исполнения является одной из выдающихся. В ней, по словам М.А. Гареева, «нашел воплощение весь сгусток военной мысли и военного искусства, накопленный Советскими Вооруженными Силами в ходе Великой Отечественной войны. Неслучайно за рубежом она была взята за основу моделирования стратегических операций будущего [16].

В ходе проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции майору М.А. Гарееву пришлось исполнять не только штабные обязанности офицера-оператора, но и командирские функции. Так, на

одном из ее этапов на стыке манчжурско-корейской границы в окружение попала 84-я кавалерийская дивизия. Это случилось к северовостоку от китайского города Ненани. Противник отрезал все коммуникации, и наши были в очень трудном положении. Вроде бы не пустыня, а фураж кончился. Выявилось, что лошади не едят местную траву, она, как осока, режет им язык. Тогда, по словам М.А. Гареева: «Мне дали батальон, снабдили фуражом и медикаментами, поставили задачу – организовать прорыв дивизии. Тогда я действовал не как помощник начальника оперативного отдела штаба армии, а как командир батальона» [7]. Гареев сумел вывести дивизию из окружения, «задачу удалось выполнить, это было расценено как проявление храбрости» [7]. За этот подвиг и умелое руководство войсками М.А. Гареев был награжден орденом Александра Невского.

После разгрома милитаристской Японии он продолжает службу в Приморском военном округе, а в 1946 году был направлен советником в Китай, где принял непосредственное участие в становлении его Вооруженных Сил – НОАК. Деятельность М.А. Гареева на этом посту была, безусловно, плодотворной, о чем свидетельствуют исключительно теплые отношения к М.А. Гарееву на протяжении всей его последующей жизни со стороны военно-политического руководства Китайской Народной Республики.

Летом 1947-го в Китае М.А. Гареев тяжело заболел тифом. По выздоровлении талантливый подполковник получил направление на учебу слушателем основного факультета в Военную академию имени М.В. Фрунзе, которую окончил в 1950 году с золотой медалью. Тогда им были написаны первые научные работы, обобщающие его военный опыт. Но тогда военная наука еще не стала основным направлением его деятельности, но она способствовала его службе на командных и штабных должностях.

В 1950 году подполковник М.А. Гареев был направлен в Брест, в Белорусский военный округ на должность начальника штаба 152-го гвардейского стрелкового полка 50-й гвардейской стрелковой дивизии. Дивизия дислоцировалась в разрушенной Брестской крепости, подвиг защитников которой стал известен во многом благодаря именно М.А. Гарееву.

Как вспоминал сам Махмут Ахметович, «сначала мы жили в землянках – все же разрушено. Потом стали разбирать развороченные кирпичи крепости для строительства казарм, парков, хозяйственных построек. И стали находить оружие, а на стенах – надписи. Я написал в журнал «Огонек» с просьбой прислать корреспондента. Приехал Сергей Смирнов с целой группой таких же, как он сам, дотошных журналистов. Мы организовали нештатный музей. Я назначил работать туда одного человека из политотдела, еще одного из оперативного отделения

дивизии. Тогда и стало все выявляться» [19]. Важнейшим итогом этой работы стало написание С.С. Смирновым книги «Брестская крепость». После ее выхода в Министерстве обороны СССР была организована работа по представлению к государственным наградам военнослужащих гарнизона, а также реабилитации тех защитников крепости, кто оказался в немецком плену, а в последующем был несправедливо осужден на Родине, которую они защищали. Безусловно, в этом большая заслуга писателя С.С. Смирнова, но все же, очевидно, что если бы не позиция начальника штаба полка подполковника М.А. Гареева, то едва ли эта книга была бы написана, по крайней мере, в том виде, в каком она увидела свет в 1957 году.

Таким образом, во многом именно благодаря М.А. Гарееву были заложены истоки работы по восстановлению истории героической защиты Брестской крепости. Аналогичным образом М.А. Гареев способствовал восстановлению исторической справедливости в отношении легендарного советского татарского поэта М. Джалиля, а уже в 90-х годах – памяти солдат 825-го «татарского батальона» из Волго-татарского легиона, который в результате агитационно-пропагандистской работы «джалилевцев» перешел со всем вооружением на сторону белорусских партизан и воевал против фашистов [19].

Но не это, несмотря на всю значимость, было главным в тот период жизни М.А. Гареева. Главным – являлась служба, боевая подготовка вверенных его командованию частей и соединений. Именно этому делу М.А. Гареев отдавал все свое время.

*Полковник Гареев (второй слева) на учениях, 1955 г.
Фото «Красная Звезда»*

Безусловно, это способствовало не только повышению качества боевой подготовки частей и соединений, но и его карьерному росту, а следовательно, и новым задачам, которые необходимо было решать уже на новом уровне должностных обязанностей. Через пять месяцев после назначения начальником штаба полка М.А. Гареева, учитывая его боевой опыт и штабную подготовку, переводят в отдел оперативного управления штаба Белорусского военного округа на должность старшего офицера. Спустя еще четыре с половиной года полковник М.А. Гареев становится начальником штаба 120-й гвардейской стрелковой дивизии.

Вторая половина 50-х годов XX столетия отмечается эскалацией военно-политической напряженности в Европе в рамках развернувшейся по инициативе США «холодной войны». Все это предполагало повышение интенсивности не только боевой учебы, но и отработки вопросов отражения возможного нападения на СССР, теперь уже новых претендентов на мировое господство в лице США и их союзников по НАТО. Именно на это и была ориентирована боевая подготовка войск Белорусского военного округа, находившихся на направлении главного удара вероятного противника. Среди них особое место занимала 120 гвардейская стрелковая дивизия, начальником штаба которой являлся полковник М.А. Гареев. На базе дивизии проводились учения по вопросам применения войск с учетом появления новых видов вооружения и, соответственно, изменения характера вооруженного противоборства.

С конца 1957 года Махмут Ахметович – слушатель Военной академии имени К.Е. Ворошилова (с 1958 года – Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил СССР), которую окончил также с золотой медалью [17]. Местом дальнейшей службы вновь определен Белорусский военный округ.

С ноября 1959 года по сентябрь 1970 года полковник, а позднее генерал М.А. Гареев, последовательно занимает должности: заместитель командира гвардейской мотострелковой дивизии, командир гвардейского учебного мотострелкового полка, заместитель командира гвардейской учебной танковой дивизии, командир дивизии, наконец, начальник штаба – первый заместитель командующего 28-й общевойсковой армией. На всех этих должностях М.А. Гареев отличало стремление максимально приблизить боевую подготовку к условиям вооруженного противоборства и применения войск в войнах и конфликтах того времени. Неотъемлемым атрибутом боевой учебы в вверенных Гарееву частях и соединениях являлось сочетание войсковой подготовки с научно-исследовательской работой.

Офицеры, служившие под его началом в 307 гвардейском учебном мотострелковом полку, 45-й учебной танковой дивизии Белорусского военного округа, с благодарностью вспоминали школу генерала Гарее-

ва. По воспоминаниям сослуживцев, он не терпел шаблона, требовал разрабатывать и применять новые подходы к подготовке личного состава. Главным же командирским принципом обучения для него являлось правило «делай, как я». Так, в частности, по воспоминаниям Ф. Сафиуллина: «Полковник Гареев прибыл к нам заместителем командира дивизии из Бреста, с должности командира мотострелкового полка. Очень скоро, став комдивом, он удивил всех своим первым командирским решением. Собрал весь офицерский состав и объявил, что за те же шесть месяцев обучения курсантов он, командир дивизии, решил пройти полный курс учебной программы курсантов по всем трем танковым специальностям. Со сдачей экзаменов! Распорядился составить расписание занятий с ним в вечернее время, а темы и проведение занятий распределить по офицерам-танкистам дивизии. А в заключение заявил, что после овладения этими специальностями он сам будет устраивать экзамен, прежде чем подписывать представления на очередные воинские звания или на повышение по должности» [17]. В конечном итоге он добился того, чтобы принцип «делай как я» был не громким лозунгом, а неотъемлемым правилом боевой подготовки.

М.А. Гареев был не только командиром, но и учителем. Его выступления и лекции перед офицерами дивизии, по словам Ф. Сафиуллина, покоряли глубокой и разносторонней эрудицией, широтой мышления, великолепным ораторским мастерством, талантом увлечь всех своими замыслами. По собственной инициативе М.А. Гареев разработал курс лекций по проблемам войны и мира, по истории войн и личным фронтовым воспоминаниям и читал его перед слушателями Университета марксизма-ленинизма (одна из основных форм общественно-государственной подготовки офицерского состава того времени). Офицеры, как вспоминает Ф. Сафиуллин, слушали «его уроки с фанатическим интересом к содержанию и с эстетическим наслаждением от культуры речи и красоты изложения» [26].

Важнейшим направлением деятельности генерала М.А. Гареева в этот период являлось исследование и разработка важнейших проблем боевой готовности, военного строительства, боевой и оперативной подготовки Вооружённых Сил, автоматизации управления войсками. По его настоянию и при его непосредственном участии была разработана и впервые опробована на практике методика боевой подготовки войск с использованием элементов программированного обучения, которая в приказном порядке внедрялась потом во всех соединениях Сухопутных войск.

В результате 45 учебная танковая дивизия, благодаря нововведениям комдива в боевой подготовке, его нетерпимости к шаблонам, стала школой не только для тех, кто в ней служил и учился. Это был своего рода учебно-методический центр Вооружённых Сил СССР и армий

стран Варшавского договора. На базе 45-й учебной танковой дивизии проводились показательные учения, научно-практические конференции, сборы с участием высшего командования Советской Армии и наших союзников [26].

Служба в Белорусском военном округе, его деятельность на различных командных и штабных должностях, научно-исследовательской работа по совершенствованию выучки подчиненных соединений и частей во многом предопределила его дальнейшую судьбу и как военачальника, и как учёного.

В 1968 году он был назначен начальником штаба 28 армии, что открывало новые возможности для внедрения в войска, наработанные им методики боевой подготовки. С этой должности в 1970 году М.А. Гареев направляется на Ближний Восток в качестве главного военного советника в Объединённой Арабской Республике (так некоторое время назывались Египет и Сирия). Командировка оказалась непродолжительная и не в полной мере содержательной для М.А. Гареева. 7 августа 1970 года военные действия между Египтом и Израилем были прекращены подписанием соглашения о прекращении огня без территориальных изменений у сторон конфликта. 28 сентября 1970 года президент ОАР Г. Насер умер, его место занял А. Саддат, взявший курс на сворачивание контактов с СССР и переориентацию внешней политики на США. Тем не менее, опыт, полученный М.А. Гареевым в должности главного советника, был использован в его дальнейшей службе.

По прибытии в СССР, в декабре 1971 года, он был назначен начальником штаба Уральского военного округа. В этой должности генерал-лейтенант М.А. Гареев проходит службу чуть более двух лет и уже в феврале 1974 года назначается начальником Военно-научного управления Генерального штаба, в 1977 году – заместителем начальника Главного оперативного управления Генерального штаба. В этом же году он защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора военных наук. В 1984 году состоялось его новое назначение – заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

Сферой деятельности генерала М.А. Гареева на этих должностях стал широкий круг вопросов в сфере развития Советских Вооруженных Сил и повышения обороноспособности страны, среди которых: обоснование принципов классификации военных знаний, предмета и структуры военной науки, соотношения военной науки и военного искусства, военной теории и военной доктрины. Все это нашло отражение в его фундаментальной монографии «М.В. Фрунзе – военный теоретик» [10], изданной в 1985 году, а также в книге «Советская военная наука» (1987 год) [11]. Ранее в 1977 году им была издана книга «Тактические учения и маневры», а в 1983 году – «Общевойсковые учения».

В Генеральном штабе, таким образом, появился военный теоретик, не уступающий по своему потенциалу таким военным мыслителям как, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, В.К. Триандафиллов, М.В. Фрунзе и др. Это было особенно важно в условиях господства идеологических догматов в деятельности органов военного и государственного управления, тормозивших развитие советской военной науки.

Постепенно генерал-полковник М.А. Гареев становится одним из центров сосредоточением военно-научной мысли Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. При его непосредственном участии был создан Центр оперативно-стратегических исследований Генерального штаба. Основной задачей Центра было проведение исследований по наиболее важным проблемам стратегии, оперативного искусства и строительства Вооружённых Сил.

Особое внимание М.А. Гареев уделял изучению истории войн и военных конфликтов, в том числе таких эпохальных, как Вторая мировая война и Великая Отечественная война. При его активном участии были подготовлены многие фундаментальные труды, в том числе 12-томник «История Второй мировой войны. 1939–1945» [20]. Как заместитель председателя Главной редакционной комиссии М.А. Гареев руководил подготовкой издания Советской военной энциклопедии. Тогда же он взялся за осмысление Маньчжурской стратегической наступательной операции. Но поскольку отношения с Китаем тогда еще были напряженные, в завершённом виде работы по данной тематике увидели свет только в 2000-х годах [13].

В целях изучения и обобщения боевого опыта Махмут Ахметович несколько раз в составе оперативных групп Министерства обороны и Генерального штаба побывал в Афганистане после ввода в него ограниченного контингента советских войск, работал в войсках 40-й армии, а также в афганских частях. Первая командировка в Афганистан состоялась в 1980 году, затем были командировки 1985 и 1987 годов. Афганский театр военных действий, таким образом, был ему хорошо знаком, что, безусловно, сыграло свою роль на заключительном этапе войны в Афганистане.

События 1988–1989 года, связанные с выводом ограниченного контингента советских войск из Афганистана, востребовали не только военно-научный талант М.А. Гареева, но и его командные, штабные и дипломатические качества.

За неделю до завершения вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана (7 февраля 1989 года) генерал-полковник М.А. Гареев был направлен в Кабул в качестве Главного военного советника президента Республики Афганистан (ДРА) М. Наджибуллы.

Как вспоминал в последующем сам М.А. Гареев: «Напутствуя меня перед дорогой, министр обороны СССР генерал армии Дмитрий Тимо-

феевич Язов говорил: «Поработай там 2–3 месяца, а там посмотрим. Поработать же мне там, как оказалось, предстояло до осени 1990 года» [9].

В этот период ситуация в Афганистане после вывода советских войск складывалась критической. Ответственность за дальнейшее развитие ситуации в Афганистане, безусловно, лежит на высшем советском политическом руководстве того времени М.С. Горбачеве и его соратнике «белом лисе» – главе МИД Э.А. Шеварнадзе. Действия этого политического дуэта, а также ряда других «прорабов перестройки» ничем иным как предательством национальных интересов СССР не назовешь. Афганистан был первым звеном в этой цепочке предательства, сам же Советский Союз – завершающим.

Главе советской военной миссии генерал-полковнику М.А. Гарееву предстояло в условиях явного превосходства антиправительственной проамериканской коалиции с небольшой группой военных советников из СССР координировать действия афганской армии. Безусловно, нужно было обладать большим запасом мужества, ответственности, а также чувством офицерского долга, чтобы направиться в командировку в Афганистан в качестве советника обреченного на поражение и гибель М. Наджибуллы.

*Главный военный советник
генерал-полковник М.А. Гареев в Афганистане*

Как вспоминал в последующем сам М.А. Гареев, при встрече с Наджибуллой, тот неожиданно в ироничной форме спросил: «Как же вы осмелились прибыть к нам в такое время, когда уже нет советских войск, как же мы будем держаться?» [9]. На что генерал М.А. Гареев, по его словам, ответил шуткой о том, что в русской армии издавна бытует поговорка: «Хороший командир может и одного татарина построить в две шеренги». Будем, мол, стараться все вместе, как мусульмане, удваивать наши шеренги и напрягать наши силы до последней возможности...» [9]. Через несколько дней военные разведчики доставили ему газету из Пакистана, в которой сообщалось, что «сто тысяч русских из Афганистана вывели – одного татарина ввели» [9]. Очевидно, что это не только значительно повысило оценку М.А. Гареева в глазах афганского военно-политического руководства, но и добавило ему оптимизма в той непростой ситуации.

Свой служебный и интернациональный долг генерал-полковник М.А. Гареев исполнил безукоризненно. Он до последнего оставался в Афганистане и руководил советской военной миссией – оперативной группой Министерства обороны, прибывшей вместе с ним в составе 25 человек. Офицеры оперативной группы под его руководством участвовали в планировании операций правительственных войск, организовывали проводку их колонн в зоны боевых действий и через территории, захваченные мятежниками, оказывали помощь руководству министерств и ведомств республики в организации связи, а также практическую помощь командирам частей и подразделений в организации боевых действий.

Нередко выполнять задания приходилось с риском для жизни. В результате несколько человек из состава группы были ранены и контужены. Во время выезда на одну из рекогносцировок контужен был и сам М.А. Гареев. «Снаряд упал рядом с бронированным УАЗом, это было на окраине Кабула, – как вспоминал он в последующем» [9].

Подводя итог своей командировки, М.А. Гареев в последующем отмечал, что «неудивительно и обидно, что ДРА так быстро проиграла оппозиции: после ухода 40-й армии страна осталась без военной техники и без войсковой разведки. Спасти можно было бы только артиллерийскими и авиационными ударами, тогда наступление оппозиции можно было остановить» [24]. Но на это нужна была политическая воля, которой у руководства страны в тот период не было.

Обо всём этом Махмут Ахметович расскажет потом в книге «Афганская страда» и других своих трудах, посвящённых анализу боевых действий наших войск в горячих точках.

На Родину генерал М.А. Гареев вернулся в сентябре 1990 года, а в 1991 году произошла геополитическая катастрофа – развал Советского Союза.

С 1990 года он занимал пост Военного советника – инспектора Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. С 1992 года – в отставке.

Конечно же, развал Советского Союза стал очень сильным потрясением для многих советских граждан и, прежде всего, тех, кто с оружием в руках отстаивал свободу и независимость своей Родины в годы Великой Отечественной войны. Трудно сказать, какие чувства тогда испытывал генерал армии М.А. Гареев. Очевидно, что для него это, безусловно, была трагедия. До последних дней своей жизни Махмут Ахметович был убежден, что Советский Союз можно было спасти [25]. Если бы свой долг надлежащим образом исполнили те, кому была вверена страна и ее судьба, но у них, как показали события, связанные с распадом СССР, были иные интересы.

Несмотря на произошедшую трагедию, М.А. Гареев не «опустил руки», напротив уже, будучи в отставке, сконцентрировал весь свой мощнейший интеллектуальный потенциал и направил его на осмысление произошедших политических процессов и их последствий для безопасности уже Российской Федерации. М.А. Гареев был одним из немногих военных ученых того времени, которые не поддались эйфории стратегического партнерства с США, осознавая, что распад СССР – лишь звено в их дальнейшей экспансии на постсоветское пространство. Интересы безопасности России требовали не эйфорического идеологизированного проамериканского, а реалистического подхода к проблемам военной безопасности, как России, так и мирового сообщества в целом. Все эти мысли он изложил в научных публикациях уже в первой половине 90-х годов XX столетия. Уже в 1993–1995 годах вышли такие его работы, как «Национальные интересы и военная безопасность России»; «Приоритеты государственных интересов Российской Федерации»; «Если завтра война»; «Контурсы вооружённой борьбы будущего» и другие, в которых был представлен анализ развития военно-стратегической обстановки в мире и регионах, сопредельных России, потенциальных угроз ее национальной безопасности и задач по обеспечению обороны и безопасности страны.

В центре внимания М.А. Гареева был весь спектр вопросов обеспечения военной и национальной безопасности, стратегического планирования, характера и содержания современных войн и вооруженных конфликтов. С учетом актуализации вопросов военного строительства М.А. Гареев представил свое видение, какой должна быть армия у современной России, какие задачи и функции она должна реализовывать и выполнять.

Всего же М.А. Гареев был автором более 250 научных и публицистических трудов по проблемам, связанным с обеспечением военной и национальной безопасности России.

А в 1995 году произошло событие, которое навечно вписало его имя в историю военной науки России. По его инициативе была создана Академия военных наук, объединившая военных ученых, многие из которых в результате реформирования, модернизации, оптимизации и иных процессов уничтожения Вооруженных Сил оказались фактически оторваны от проблем обеспечения военной безопасности государства.

Ее президентом был избран генерал армии доктор военных наук, доктор исторических наук, профессор М.А. Гареев. Этот пост он занимал до конца жизни.

Сейчас появляется очень много воспоминаний и заявлений относительно того, кто и как вместе с М.А. Гареевым создавал Академию и был чуть ли не идеологом, теоретиком, практиком, организатором, соавтором и т.д. Все это по большей мере фантазии, обусловленные стремлением вписать свое имя в историю. Думается, что в данной ситуации вполне уместен афоризм «у победы много отцов, поражение всегда сирота». Создание Академии военных наук было идеей самого М.А. Гареева. В плане же практической реализации, безусловно, нужны были помощники и исполнители. Одним из таких помощников, благодаря которому состоялось подписание Указа Президента России «Об Академии военных наук» [27], был ученик М.А. Гареева Алексей Иванович Витковский. Именно он, будучи в тот период советником председателя Совета Федерации сумел убедить своего руководителя В.Ф. Шумейко, представить на подпись Б.Н. Ельцину проект Указа об образовании Академии. 20 февраля 1995 года, таким образом, стало днем рождения Академии военных наук.

Сейчас, по прошествии четверти века с момента образования Академии, очевидно, следует констатировать, что свою историческую миссию она выполнила, реализовала и те задачи, которые были сформулированы М.А. Гареевым и нашли отражение и в Указе «Об Академии военных наук», и ее Уставе.

Во многом это стало следствием работы самого М.А. Гареева. Примечательно, что он не только сам выступал с докладами ежегодных научных конференциях Академии с участием начальника Генерального штаба и представителей высшего командования Вооруженных Сил Российской Федерации, но и сам готовил эти доклады. Именно поэтому они были всегда актуальны и нацелены на решение конкретных задач в области обороны и безопасности страны. Одним из любимых выражений М.А. Гареева, которым он зачастую завершал свои доклады, была фраза: «Нужно ставить себе оборонительные задачи, иначе их поставит противник»². Думается, что этот «гареевский» постулат едва ли можно опровергнуть.

² Из личного архива автора.

Выступление начальника Генерального штаба ВС РФ генерала армии В.В. Герасимова на военно-научной конференции Академии военных наук

Генерал армии М.А. Гареев с руководством Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности и книгой «Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности», изданной Центром

***На конференции «Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве»
1 отделения Академии военных наук
и факультета «Социальные и гуманитарные науки»
МГТУ имени Н.Э. Баумана***

Махмут Ахметович не сторонился работы с учеными отделений. В результате с его участием были проведены конференции и круглые столы по таким актуальным вопросам, как «Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах», «Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве» и другие. В этом, очевидно, величие этого выдающегося человека и ученого, не только позволявшего слышать и видеть себя, но и самому умевшему слушать и видеть окружающих.

Конечно же, как и всякая успешная общественная организация, Академия обросла определенным балластом в лице тех функционеров, которые использовали авторитета М.А. Гареева ради достижения личного благополучия. Но, думается, рано или поздно, как и всякое временное явление, эта категория «соратников» уйдет в небытие.

М.А. Гареев сумел превратить Академию военных наук, по сути, общественную организацию в интеллектуальный центр военно-научной мысли. Академия стала постоянно действующим органом общественно-экспертно-аналитического обеспечения и сопровождения принятия решений по вопросам военной и национальной безопасности. Аналога подобного рода организации в мире нет. В США есть целый ряд, так называемых «фабрик мысли» и «мозговых трестов», но они являются

коммерческими структурами, работают на деньги работодателя и под заказ. У Академии военных наук России идеология деятельности кардинально противоположная – это некоммерческая, а общественная и общенародная организация, ориентированная на обеспечение интересов не заказчиков, а государства – Российской Федерации. Исходя из этого, думается было бы вполне логично и справедливо присвоить Академии военных наук имя генерала армии М.А. Гареева.

В рабочем кабинете

Важнейшим направлением научной деятельности М.А. Гареева едва ли не сразу же после развала СССР стало противодействие искажению отечественной истории, особенно военной. Общественное сознание России в начале 90-х годов было подвергнуто мощнейшей обработке с целью представления всей истории СССР не иначе, как истории тоталитарного режима, переход от которого к демократии является величайшим достижением, невзирая на все катаклизмы и потрясения, прокатившиеся катком по судьбам миллионов людей, причем не только советских. Под обоснование целесообразности и оправданности разрушения СССР и искажение отечественной истории выделялись значительные финансовые средства со стороны зарубежных неправительственных общественных организаций и структур (НПО/НКО), получивших в последующем в российском законодательстве название «иностранные агенты». Особое значение в тот период обрели так называемые «соросовские» гранты, по имени американского миллиардера Дж. Сороса. Осуществлявшиеся под предлогом оказания финансовой помощи представителям научного сообщества,

эти гранты имели избирательный характер и присуждались только тем, кто историю России и, особенно ее советского периода, отражал исключительно в негативном аспекте. В результате был издан целый комплекс учебников, учебных и методических пособий, монографий, статей и иных изданий, искажавших и оскорблявших историю России.

Примечательно, что наибольшую активность в этом плане проявляли преподаватели и эксперты в области марксистско-ленинских общественных дисциплин (научного коммунизма, партийно-политической работы, истории КПСС и др.), вовремя перестроившиеся и, таким образом, «познавшие истину», в отличие от тех, кто не хотел предавать ни свою страну, ни историческую память.

Под особым информационным прессингом оказались события Великой Отечественной войны. Уже в начале 90-х годов XX столетия российское информационное пространство заполнили произведения ряда авторов, в том числе и российских, обосновывавших концепцию «агрессивности советского режима». Вследствие этого, развязанная гитлеровским руководством война, по замыслу авторов этих фальшивок и их спонсоров, была превентивной, а следовательно, оправданной. Что же касается непосредственно событий Великой Отечественной войны, то победа в ней, по мнению «продвинутых историков», была одержана исключительно усилиями «сволочей» и «штрафбатов». По крайней мере, именно эту мысль активно продвигали кинофильмы с одноименным названием. Были и другие книги и фильмы, оскверняющие память ветеранов Великой Отечественной войны.

Примечательно, что тиражи произведений и В. Резуна, и соросовских грантополучателей были чрезвычайно высокими. В конечном итоге, Россия стояла на пороге утраты «молодого поколения» – поколения 90-х и последующих годов. То, что этого не произошло, является заслугой таких ученых и мыслителей, как М.А. Гареев.

С самого первого года (после развала СССР) и до конца своей жизни Махмут Ахметович боролся с фальсификацией отечественной истории, искажения событий Великой Отечественной войны. Уже в 1992 году вышли его публикации по данной проблематике: «Об изучении истории Великой Отечественной войны», «О мифах старых и новых» и др. Он один из первых поднялся на защиту памяти Маршал Победы – Г.К. Жукова, подвергавшегося по вполне объяснимым причинам обструкции со стороны антисоветских и русофобских авторов.

В 1996 году была издана его книга «Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства», удостоенная Государственной премии Российской Федерации имени Г.К. Жукова. И символично, что первым лауреатом этой престижной премии стал именно генерал армии М.А. Гареев.

Большое значение в борьбе с фальсификацией истории Великой Отечественной войны сыграл историко-документальный фильм «Пролог Великой Отечественной войны: мифы и факты». Автором художественной идеи и руководителем работавшего над кинолентой творческого коллектива был генерал армии М.А. Гареев. Автору посчастливилось быть в составе творческого коллектива и работать над фильмом под руководством легендарного генерала М.А. Гареева. Тогда в результате поиска и изучения архивных документов (в том числе немецких) [8] были установлены события и факты предвоенного периода, развеявшие фейковые утверждения о якобы планировавшемся нападении СССР на Германию. В преддверии войны, в июне 1941 года у Советских Вооруженных Сил, не было планов не только нападения на Германию, но и стратегического развертывания на случай нападения на СССР. Единственный документ, который регламентировал действия Красной Армии на случай войны, был План стратегического развертывания еще 1938 года. В ходе работы над фильмом были изучены и представлены общественности директивы и приказы командующих округами, а также иные документы, свидетельствующие о том, что никаких мероприятий по подготовке к войне в приграничных округах не проводилось.

*На конференции, посвященной 70-летию Битвы под Москвой
в МГТУ имени Н.Э. Баумана*

Безусловно, фильм сыграл свою роль. Его значение заключалось в том, что он пробил брешь в наслоениях лжи относительно предвоенного периода и заложил основу для дальнейших работ по противодействию фальсификаций истории Великой Отечественной войны.

В последующем на протяжении почти двух десятилетий генерал армии М.А. Гареев последовательно освещал события Великой Отечественной войны и Второй мировой войны, руководствуясь при этом не только собственным опытом фронтовика, но и архивными документами, а также мемуарами и воспоминаниями ветеранов тех войн. Это нашло отражение в его фундаментальных изданиях по данной теме, таких как «Сражения на военно-историческом фронте», серии очерков о командующих фронтами и других работах, посвященных Великой Отечественной войне.

По сути, им был открыт свой фронт – военно-исторический. И на этом фронте он одержал одну из своих главных побед – побед над фальсификацией истории Великой Отечественной войны, СССР и России, в борьбе за мировоззрение российской молодежи, формирование и развитие общероссийского патриотизма. Это по достоинству было оценено и научным сообществом и руководством страны, а также всеми, кому не безразлична не только историческая память многонационального русского народа, но и его будущее.

*Парад Победы 2017 года. Рядом с Президентом России В.В. Путиным
и Председателем КНР Си Цзиньпином*

Вполне закономерно и справедливо, что на парадах Победы в последние годы своей жизни он был на трибуне рядом с Президентом России В.В. Путиным, а также главами других государств, в которых бережно хранится память о Великой Отечественной войне и итогах Второй мировой войны.

Литература и источники:

1. Бойко А. Генерал армии Махмуд Гареев: «Не дали мне фрицы взводом покомандовать!». <https://pda.kp.ru/daily/26858/3900900>.
2. Бочарников И.В. Георгий Константинович Жуков. Маршал великой победы // Человеческий капитал. 2020. №7.
3. Бочарников И.В. Политика «умиротворения» нацизма как фактор развязывания Второй мировой войны (к 80-летию начала второй мировой войны) // Человеческий капитал. 2019. № 9 (129). С. 29–37.
4. Величие подвига советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Гришин В.И., Гареев М.А., Гушер А.И., Емец В.С., Кошкин А.П., Бочарников И.В., Казаков А.В. Москва, 2015.
5. Военный советник и ученый: легендарный генерал Махмут Гареев отмечает 95-летие // Вечерняя Москва. 23 июля 2018.
6. «В логове зверя». Восточно-прусская наступательная операция. <https://www.rubaltic.ru/specialprojects/v-logove-zverya-vostochno-prusskaya-nastupatel'naya-operatsiya>.
7. Гаврилов Ю.А. «Мы не напрасно сражались». Ушел из жизни президент Академии военных наук Махмут Гареев. <https://rg.ru/2019/12/25/ushel-iz-zhizni-prezident-akademii-voennyh-nauk-general-armii-mahmut-gareev.html>.
8. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968–1971.
9. Гареев М.А. Моя последняя война. Афганистан без советских войск. М.: НПО «ИНСАН», 1996.
10. Гареев М.А. М.В. Фрунзе – военный теоретик: Взгляды М.В. Фрунзе и современная военная теория. М.: Воениздат, 1985.
11. Гареев М.А. Советская военная наука. М.: Знание, 1987.
12. Гареев М.А. Тактические учения и маневры. М.: Воениздат, 1977.
13. Гареев М.А. Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 года // Новая и новейшая история. 2005. № 5.
14. Гареев М.А. Афганская страда: (с советскими войсками и без них). 2. изд., уточн. и доп. М.: ИНСАН, 1999.
15. Гареев М.А. Моя последняя война. Афганистан без советских войск.
16. Гареев М.А. Победа, которую не затмить. <http://militarylib.com/articles/history-article/1957-pobeda-kotoruyu-ne-zatmit.html>.
17. Гареев Махмут Ахметович, генерал армии. <https://soyuzveteranov.ru/content>.
18. Журнал боевых действий 36 отдельной стрелковой бригад. <http://www.pobeda.witebsk.by/land/report/36sb/>
19. Измайлов Р. Гареев Махмут. О войне, о себе и о Победе. <http://viperson.ru/articles/gareev-mahmut-o-voyne-o-sebe-i-o-pobede>
20. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. (в 12 томах). М.: Воениздат, 1973–1982.

21. Лёшин Е.А. Через пять войн. Дуайену Министерства обороны Российской Федерации генералу армии Махмуту Гарееву – 95 лет. <https://www.vpk-news.ru/articles/43820>.
22. Махмут Гареев: За нашу победу постоим. <https://kazan.bezformata.com/listnews/mahmut-gareev-za-nashu-pobedu/34953263>.
23. Махмут Гареев: Я вам как солдат скажу // Труд. 2012. № 60.
24. Миранович Г. Уроки на все времена. Интервью с М.А. Гареевым // Красная звезда. 13.02. 2014.
25. Осипов С. Советский Союз можно было спасти! Четыре войны Махмута Гареева // Аргументы и Факты. № 37. 12.09.2018.
26. Сафиуллин Ф. «Преклоняюсь перед вами, мои генералы!» // ВПК. № 33. 20 августа 2008 года.
27. Указ Президента Российской Федерации от 20.02.1995 г. № 173 «Об Академии военных наук». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7560>.
28. ЦАМО. Фонд: 33. Описание: 686044. Единица хранения: 4102.
29. ЦАМО. Фонд: 33. Описание 687572. Единица хранения 2127.

ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ СОТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

*О.Г. Карпович,
Л.А. Смагина*

На данный момент возрастает напряженность в мире как глобального, так и регионального характера. Привычные для нас центры силы не пытаются ее снизить либо минимизировать, при этом зачастую сами способствуют ее эскалации. По этой причине будущее мира находится в состоянии крайней неопределённости. В новой Концепции внешней политики России 2023 года отмечено, что «Россия стремится к формированию такой системы международных отношений, которая обеспечила бы надежную безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равной возможности развития для всех государств независимо от их географического положения, размера территории, демографического, ресурсного и военного потенциалов, политического, экономического и социального устройства».

Продуктивное взаимодействие между странами осложняется многими факторами, возникает целый ряд проблем. Западные государства все больше руководствуются в своих действиях «порядком, основанным на правилах», который активно продвигается теми или иными методами. А на самом деле никаких правил нет, но есть их подлог в угоду собственных интересов.

Тема дискриминации, а именно ущемления людей по тем или иным признакам, занимает значимое место в политической повестке. Русофобия как социально-политическое явление является одной из классических форм дискриминации по этно-национальному признаку. Однако на фоне российской специальной военной операции на Украине следует отметить трансформацию русофобии от этно-национальной к государственно-гражданской форме, что выражается в дискриминации не только этнических русских, но и всего русского, а также всех лиц так или иначе аффилированных с Российской Федерацией в формальном (гражданство) и неформальном статусе (работают в России, взаимодействуют с Россией и т.д.).

Возникновение такого феномена, как «русофобия», имеет столь же длительную историю, как и антисемитизм. Некоторые историки, на-

пример, А.И. Филюшкин, считают, что начало зарождения общих стереотипов по отношению к русскому народу и московскому государству в целом – это Ливонская война (1558–1583 гг.), которая обозначила для западного человека восточные пределы Европы. К этому времени Россия воспринималась на Западе как государство, представляющее угрозу странам Европы [9]. Тогда и возникла целая программа западного национализма в отношении России, которую и следует назвать термином «русофобия», которая развивалась, дополнялась, но главная доктрина оставалась той же самой: «русские – это "варвары на пороге"».

Как и любая фобия, русофобия в существенной мере формируется в рамках так называемого «стереотипного мышления», которое обусловлено внедрением в общественное сознание определенных политических, социальных, культурных, этнических и религиозных нарративов. Стереотипы о русских людях, их черствости, холодности, балалайке и медведе – частая практика современного западного мира.

В настоящее время количество грубых нарушений прав российских соотечественников за рубежом по национальному, языковому, культурному, религиозному и другим признакам нарастает с каждым днем. Эксперты определяют нынешний уровень агрессии к русским как беспрецедентный. Для эффективного решения вопросов, связанных с реакцией на дискриминацию российских соотечественников, эксперты считают важным в первую очередь осуществлять сбор информации о случаях агрессивных действий в отношении наших соотечественников за рубежом, проведение мониторинга их правового положения в странах проживания, подготовку регулярных докладов Россотрудничеству и МИД России, уполномоченным по правам человека, а также представление этих докладов на международных площадках.

Сбор информации о случаях агрессивных действий в отношении соотечественников за рубежом

В настоящее время существует несколько подходов, позволяющих осуществлять сбор информации о случаях агрессивных действий в отношении соотечественников за рубежом в условиях политизированной русофобии и агрессивной дискриминации России и всего русского, российского. Приведенные ниже подходы обладают собственным необходимым инструментарием, помогающим осуществлять сбор информации в отношении нарушения прав наших соотечественников за рубежом и совершенных в отношении них агрессивных действий, и позволяют сформулировать актуальный комплекс мер противодействия, направленный на защиту их прав и интересов, координации их деятельности, информационного обеспечения, юридической поддержки и представительства интересов.

В качестве первого подхода, реализуемого в рамках институтов государственной власти, целесообразно рассматривать деятельность дипломатических и консульских учреждений МИД России, куда наши соотечественники вправе и должны обращаться за получением соответствующей помощи.

С учетом имеющегося ограничения инструментария российских дипломатических и консульских учреждений при использовании второго подхода, реализуемого в рамках институтов гражданского общества, следует обратиться к практике работы различных общественных организаций, осуществляющих сбор информации в отношении проявления актов русофобии по всему миру и оказание соответствующей помощи заявителям, находящимся как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами.

Третьим направлением противодействия русофобским настроениям является интернет-пространство. Практика создания русскоязычных сообществ для наших соотечественников в популярных социальных сетях является достаточно распространенной.

Мониторинг правового положения соотечественников в странах проживания

В рамках реализации задачи по защите дипломатическими средствами прав, свобод и интересов российских граждан и юридических лиц за рубежом МИД России ежегодно публикует доклад «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах» [5].

В опубликованном в 2022 г. докладе МИД России обращает на себя внимание следующая проблематика (отказ от предоставления различного рода услуг; введение жёстких рестрикционных мер против российского бизнеса; отстранение от спортивных соревнований спортсменов; бытовая дискриминация и угрозы). В настоящее время все эти факты абсолютно характерны для политики стран так называемого «коллективного Запада» в отношении России, российских граждан и наших соотечественников за рубежом.

В качестве отдельной проблемы МИД России акцентирует внимание на получившей широкое распространение дискриминации в отношении наиболее уязвимой части соотечественников – детей, имеющих российское гражданство или даже просто русские корни. Унижения и оскорбления учеников со стороны одноклассников при равнодушном отстранении и даже попустительстве со стороны учителей, психологическое давление, целенаправленное создание условий, препятствующих полноценному учебному процессу.

Защита прав и интересов соотечественников

Следует отметить, что основной функционал Министерства иностранных дел Российской Федерации, связанный с использованием дипломатических и международно-правовых механизмов защиты в случаях проявления политизированной русофобии, все-таки в большей степени направлен на защиту прав и интересов граждан Российской Федерации и не всегда может быть применим в отношении наших соотечественников за рубежом, имеющих гражданство (подданство) другого государства.

Очевидно, что в рамках формируемой в странах Запада «культуры отмены» всего, что так или иначе связано с Россией, отстаивать интересы наших соотечественников на официальном уровне становится все более затруднительно. В этой связи дипломатические и консульские учреждения в настоящее время сосредоточены на фиксации имеющихся фактов дискриминации и их доведении до сведения местных властей в установленном порядке, а также оказании правовой помощи российским гражданам и соотечественникам.

В данном случае мы можем говорить об актуализации поддержки деятельности общественных организаций, зарегистрированных в порядке, предусмотренном законодательством государства их фактического нахождения. Как правило, это организации так называемой «диаспоральной» формы.

Особенно устойчивые русофобские настроения укоренились на территории государств Прибалтики и в Польше, где такого рода дискриминация выражается в виде борьбы с памятниками и мемориалами в честь воинов Красной Армии, погибших в боях за освобождение Европы от нацизма. И в последний период времени в странах Балтии участились случаи героизации нацизма и коллаборационистов, сотрудничавших с фашистской Германией в период Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что такого рода русофобия поддерживается на законодательном уровне, прежде всего местной властью, которая инициирует различные локальные законодательные акты, создающие предпосылки для установления в различных сферах общественной жизни искусственных ограничений для русскоязычных жителей, в том числе для их уголовного преследования за сохранение своей культуры и поддержку России.

В этой связи отдельного внимания заслуживает вопрос мониторинга русофобских действий, направленных на снос памятников советским солдатам и полководцам Великой Отечественной войны.

Так, на фоне СВО и антироссийской пропаганды был снесен ряд памятников в Польше (Хжовице, Седльце, Гончарско, Мендзыблочи), Литве (Кедайняй, Клайпеда), Финляндии (Хельсинки), Эстонии (Пярну), Латвии (Рига).

С учетом изложенного представляется особенно актуальной задача по сохранению действующих памятников и захоронений времен Великой Отечественной войны на территории стран Западной Европы и закрепления, с оказанием материальной помощи, патронажа за ними, за действующими за рубежом российскими диаспоральными организациями, религиозными общинами или зарубежными общественными организациями, дружественными России и оказывающими соответствующие патронажные услуги.

Содействие консолидации соотечественников и проведению ими скоординированных мероприятий

Беспрецедентный уровень дискриминации всего, что связано с Россией, одновременно стал катализатором идеологического объединения русской диаспоры за рубежом, где, очевидно, стала прослеживаться тенденция к консолидации и объединению многих групп российских соотечественников, представляющих собой потомков различных волн эмиграции. В том числе это проявляется в усилиях любыми доступными способами привлекать внимание к торжественным мероприятиям в честь Дня Победы и иным памятным датам событий Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что тематика Великой Отечественной войны и победы над нацизмом может стать достаточно эффективным инструментом противодействия современной русофобии в отдельных государствах, где развитие русофобских настроений развивается по спирали развития антисемитизма в нацистской Германии.

Кроме того, мероприятия по консолидации русской диаспоры в зарубежье могут быть проведены и в рамках иных памятных дат русской истории, имеющих объединяющее значение, таких как День народного единства, День космонавтики и др.

Очевидно, что подобного рода работа должна быть скоординирована в рамках единого центра, которым бы мог стать Всемирный конгресс соотечественников, который является высшим представительным органом соответствующих организаций, находящихся за рубежом.

При этом следует учитывать, что деятельность организаций и активистов российской диаспоры за рубежом находится под пристальным вниманием местных компетентных органов. Особенно негативное внимание властей направлено на подобные общественные организации в странах Прибалтики, руководители и активисты которых регулярно подвергаются уголовному преследованию именно за представительство интересов наших соотечественников.

Данные факты также необходимо учитывать при организации дальнейшей работы на этом направлении.

Развитие информационного обеспечения соотечественников

Органами исполнительной власти Российской Федерации под эгидой МВД России принято решение о создании специальной рабочей группы, которая будет осуществлять оперативное консультирование соотечественников по вопросам переселения, окажет им содействие в оформлении необходимого пакета документов для участия в Государственной программе.

Официальный представитель МИД России М.В. Захарова отмечает, что «в каждом посольстве и консульстве создана круглосуточная горячая линия. Призываю вас сообщать нам о фактах нарушений, давления, шантажа, угроз. Мы будем все это систематизировать для работы с местными властями, в международных организациях, чтобы положить конец травле русских там, где имеются подобные проявления» [6].

Ввиду существенного давления, которое в связи с агрессивной русофобией испытывают российские дипломатические и консульские учреждения, а также пророссийские общественные организации, развитие информационного обеспечения и поддержки наших соотечественников становится предметной задачей и российских общественных организаций.

Так, Ассоциацией юристов России очень своевременно запущен информационный портал «За права соотечественников. Россия на связи» [2]. Возможности вышеназванного сервиса позволяют воспользоваться бесплатной юридической консультацией по вопросам разъяснения различной правовой информации, получить содействие в составлении заявлений, жалоб, процессуальных и других документов правового характера. Принимая во внимание, что агрессия и психологическое давление, которым подвергаются наши соотечественники, проживающие за рубежом, сильно травмирующее явление, на портале предусмотрена возможность оказания и психологических консультаций.

Помимо юридической и психологической помощи, общественные организации, наряду с дипломатическими и консульскими учреждениями, могут оказывать представительскую помощь российским гражданам и соотечественникам, находящимся за пределами Российской Федерации.

Более активное использование института Общественной палаты Российской Федерации позволит качественно расширить практику создания и поддержки сети центров правовой защиты соотечественников за рубежом, предусматривая их более активное «горизонтальное» взаимодействие в целях обмена наилучшим опытом и повышения эффективности правозащитной деятельности.

Значимым направлением информационной поддержки соотечественников являются профильные группы в известных социальных сетях. Тематика подобных групп направлена, как правило, на социальное взаи-

модействие русской диаспоры для решения различных вопросов правового, культурного, экономического и бытового характера. Данные группы не являются сообществами, реализующими функцию политического представительства в интернет-пространстве, скорее, наоборот: данные группы показательно декларируют свою аполитичность.

Вместе с тем в настоящее время фиксируется практика оказания давления на подобные группы не только в рамках администрирования контента популярных социальных сетей, но и со стороны властей отдельных государств «коллективного Запада» [4].

Так, после отказа публиковать фейковые украинские видео группа «Русскоговорящая Вена» в «Facebook» (одна из крупнейших – более 30 тыс. подписчиков – групп соотечественников в соцсети) подверглась масштабной атаке «троллей» и впоследствии была заблокирована. Параллельно начали озвучиваться призывы к блокировке другого крупного интернет-сообщества «Русская Австрия – *Russisches Osterreich*». Поводом стало то, что администраторы сообщества не публиковали по событиям на Украине ничего, кроме нейтральных сообщений об организации сбора помощи для украинских беженцев.

В сложившихся условиях становится очевидной необходимость переноса подобных площадок на российские сервисы и осуществление администрирования размещаемого контента с территории Российской Федерации. Информационное пространство Российской Федерации само по себе является скорее понятием геополитическим, у «Рунета» нет четких административных и физических границ, он распространяется на весь русскоязычный сегмент Интернета.

Говоря о ресурсах интернет-пространства, следует обратить внимание на эффективность работы и традиционных российских СМИ за рубежом, а также уровень поддержки, которые эти СМИ реально оказывают нашим гражданам и соотечественникам, подвергающимся дискриминации. Контроль информационных рисков требует отказа от беспорядочного использования существующих механизмов коммуникации, а также серьезного анализа целесообразности и эффективности использования конкретных инструментов с учетом долгосрочной перспективы. Это обусловлено тем, что ряд российских информационных проектов за рубежом в настоящее время все большее внимание уделяет пропагандистскому треку, игнорируя реальные имеющиеся проблемы местных русскоязычных жителей, что характерно не только для стран «коллективного Запада», но и постсоветского пространства. Такие проекты иногда воспринимаются частью соотечественников как предвзятые и пропагандистские и не способствуют укреплению солидарности.

Содействие сохранению российской языковой и этнокультурной идентичности

Важнейшим аспектом противодействия русофобии является механизмы «мягкой силы», которые в сложившейся ситуации в большей степени могут опираться на русскую культуру и традиционные ценности.

Одним из основных элементов «мягкой силы» является продвижение в сфере культуры. Очевидно, что потенциал российской культурной среды в настоящее время используется не в полной мере. Культурные факторы имеют огромное влияние на социально-экономические и международные отношения [7]. Именно поэтому культура является неотъемлемой частью внешней политики государств. С помощью нее можно продвигать идеологические образцы, внешнеполитические стратегии, а также национальные интересы.

В этой связи возрастает значимость деятельности Министерства культуры Российской Федерации, в функционал которого входит решение задач по защите и поддержке проектов, направленных на противодействие русофобии в сфере культуры и искусства и популяризацию русской культуры за рубежом.

При этом существенные вызовы безопасности России, связанные с гибридной войной коллективного Запада, преодолеть нелегко, это требует времени и концентрации усилий. Линия Запада на уничтожение российской государственности путем эскалации украинского кризиса подчеркивает существенную деградацию западного внешнеполитического мышления. В условиях, когда США и их сателлиты переживают, с одной стороны, череду внутренних конфликтов, а с другой, испытывают растущее беспокойство в связи с неизбежностью утраты лидирующих позиций во многих сферах, увеличивается риск принятия американо-европейской коалицией непродуманных, авантюрных решений, способных подвести мир к черте глобального противостояния.

В соответствующей ситуации от России требуется высокий уровень выдержки и стратегического терпения, что позволит без излишне эмоциональной реакции на западные провокации воспользоваться происходящими процессами для отстаивания национальных интересов в глобальном масштабе.

Поддержка молодых соотечественников и их объединений

Одним из направлений поддержки молодых соотечественников за рубежом является расширение возможностей их привлечения к обучению в образовательных организациях Российской Федерации, включая создание условий для очного обучения и осуществление образовательного процесса с использованием дистанционных образовательных технологий [8]. В этой связи необходима инициация соответствующей работы ведущих россий-

ских вузов по созданию системы проектов стажировок молодых соотечественников в России, организации отдельного конкурса их зачисления в вуз.

В данной связи не можем не упомянуть о работе в Дипломатической академии МИД России по данному направлению. В Дипломатической академии совместно с Россотрудничеством реализуется научно-образовательная программа «Лаборатория аналитики». Данный проект направлен на подготовку аналитиков-международников, молодой научной элиты в сфере международных отношений и международной безопасности. В программе принимают участие представители России и стран-партнеров – Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии. Проект позволяет популяризировать российскую науку в странах-партнерах, расширять наши профессиональные научные контакты и гуманитарное влияние за рубежом.

Выработка мер по правовому противодействию дискриминации соотечественников и русофобии в странах проживания

Оказание помощи соотечественникам за рубежом и их защита от дискриминации всегда являлась одной из основных целей государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников.

Говоря о положительных практиках противодействия русофобии, следует обратиться к нарративам традиционных ценностей.

В настоящее время «коллективный Запад» безвозвратно оторвался от основополагающих христианских догматов. Эпоха неолиберализма, пропагандируя депатологизацию ЛГБТ-сообщества, так называемого «гендерного многообразия», агрессивного феминизма, оправдания абортот, движения «чайлд-фри», а также культа потребления, оказала деструктивное воздействие на традиционный институт семьи и брака.

Вместе с тем, находящаяся на ином полюсе идеологического спектра консервативная идеология также имеет существенное число сторонников в государствах «коллективного Запада». Следует отметить, что современные русофобские тренды в настоящее время менее характерны для такого рода социальных групп и государств. Формирование в рамках современной России своего рода «консервативного ковчега» позволит аккумулировать поддержку достаточно широкого сегмента населения планеты, не имеющего российских корней, но идентифицирующего себя как людей, разделяющих традиционные ценности, рассматривающих современную Россию как оплот традиционализма.

Заключение

Проведенный анализ в области противодействия русофобии и выстраивания отношений с российскими соотечественниками за рубежом позволяет сделать вывод о том, что требуется не только дальнейшее со-

вершенствование инструментов защиты прав российских соотечественников, но и создание приемлемых условий для добровольного переселения соотечественников в Россию, активизация работы с российскими диаспорами, продвижение русского культурного наследия и русского языка, расширение сотрудничества между Россией и русскоязычным населением, проживающим в других странах.

Представляется необходимым расширить практику использования имеющихся дипломатических каналов для донесения информации до органов власти зарубежных государств о каждом случае дискриминации российских граждан, а также русскоязычных соотечественников, и осуществлять предметный контроль за принятыми решениями.

Вместе с тем в качестве легитимного инструмента защиты основных прав и свобод человека и гражданина относительно наших соотечественников приходится опираться на установленные нормы международного права, а также комплекс заключенных от имени Российской Федерации международных соглашений, с учетом законодательства иностранных государств. При этом данный инструментарий в настоящее время представляется малоэффективным, ввиду крайне избирательного подхода западных стран к реализации норм международного права и обязательств, отраженных в международных соглашениях, заключенных с Российской Федерацией, а значит, требуется актуализация неформальных институтов защиты, связанная с поддержкой деятельности общественных организаций и русской диаспоры за рубежом.

Литература и источники:

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.
2. За права соотечественников. Россия на связи. <https://pravanashih.com/#popup:myform>.
3. Карпович О.Г. Информационная война против России в условиях СВО // Вестник Академии военных наук. 2022. № 2 (79). С. 10–13.
4. Латов Ю.В., Осокин Р.Б., Сочнев Д.В. Системное противостояние радикальным экстремистским течениям в молодежной среде. Тамбов, 2010. 158 с.
5. МИД России. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/
6. Общественная служба новостей. <https://www.osnmedia.ru/politika/zaharova-prizvala-sootechestvennikov-za-rubezhom-soobshhat-pro-sluchai-diskriminatsii/>
7. Трунцевский Ю.В. К вопросу о необходимости закона о нравственности как национальной идее // Культура: управление, экономика, право. 2007. № 2. С. 10–11.
8. Трунцевский Ю.В., Ефремов А.А. Цифровая интеграция – путь в будущее // Международное публичное и частное право. 2018. № 1. С. 6–12.
9. Филюшкин А.И. Когда Россия стала считаться угрозой Западу? Ливонская война глазами европейцев // Россия – XXI. 2004, № 3.

ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

О.А. Овсянникова

Расположение Российской Федерации в центре Великой суши, выражаясь словами классиков геополитики, [12] определяет ее ключевое положение в мировой политике.

Таковым оно стало с начала XV века, после освобождения от вассальной зависимости от Золотой Орды. В этот период Россия осознала свою роль и значение в мировой политике и определила на столетия свою национальную идею словами монаха Филофея «Москва – Третий Рим».

Первоначально же с момента образования Древнерусского государства его важнейшими национальными интересами являлись обеспечение безопасности и суверенитета, предотвращение и нейтрализация внешних угроз и вызовов.

Решение этих задач уже в первой половине X века предопределило постановку других, не менее значимых, – обеспечение международного признания как равноправного актора и установление взаимовыгодного международного сотрудничества, обретших форму национальных приоритетов. Их реализация во второй половине X века осуществлялась дипломатически – развитием международных связей с императорами Римской и Византийской империй (княгиня Ольга) и военно-силовым путем (князь Святослав). Как показало развитие событий, и первый, и второй пути решения данной задачи оказались не вполне эффективными. Конечно же, определенные результаты были достигнуты, но не была решена главная задача для органов государственного управления того времени – международного признания Руси как равноправного политического актора.

Княгиня Ольга, добившись своего признания императорами Оттоном (Римским) и Константином (Византийским), не смогла обеспечить христианизацию населения страны, что являлось непременным условием международного признания того времени. Князь Святослав, решивший расширить пределы Руси, сделав столицей государства г. Преславу (г. Переяславец) в центре Болгарии, более четырех лет сражавшийся с Византийской империей, также не смог решить эти задачи. И только сыну Святослава Владимиру, совместившему военные, политические, дипломатические методы утверждения роли и статуса Руси, удалось обеспечить ее международное признание и взаимовыгодное международное сотрудничество. Сделано это было, с одной стороны, достиже-

нием военно-политического потенциала государства, позволившего не только обеспечить безопасность страны, но и диктовать условия ведущему государственному образованию того времени – Византийской империи. С другой стороны, князю Владимиру удалось вывести развитие отношений с Византией на равноправный уровень, что было достигнуто брачным союзом с византийской принцессой Анной. Наконец, важнейшим фактором утверждения России в системе международных отношений того времени стал выбор князем Владимиром государственной религии, ставшей в последующем на столетия мировоззренческой основой развития российской государственности.

Крестив Русь, Владимир, таким образом, преопределил цивилизационный поворот не только русской, но и мировой истории. На карте мира появилось государство, ставшее в последующем оплотом и надеждой стран и народов, не приемлющих диктат и порабощение со стороны претендентов на мировое господство.

Последующие десятилетия правления Владимира I стали периодом эффективного развития Древнерусского государства. Именно в этот период на Руси получили широкое развитие ремесла (как прообраза промышленности), в том числе каменное зодчество, образование и торговля. Была введена национальная валюта. Всего этого не было у большинства стран мирового сообщества того времени.

Наряду с созидательной деятельностью, широкое распространение получила благотворительность. Примечательно, что именно в этот период на Руси Указом Владимира была отменена смертная казнь, что на фоне пылающих костров в Европе была нонсенсом. Во внешнеполитическом плане деятельность князя Владимира способствовала усилению международного престижа Руси, дальнейшему укреплению и расширению уже традиционных связей с Византией, расширению контактов с южнославянским миром и странами Запада. Наиболее плодотворно развивались отношения с Византией, приобретшие характер союзнических. Результатом этого стало то, что был пересмотрен навязанный Святославу Договор, ущемлявший интересы Руси на Черном море. По новому Договору к Руси перешла непосредственная власть над Керченским проливом и прилегающими землями. Византия, таким образом, признала суверенитет над этими территориями (Тмутараканское княжество) Киевской Руси. Черное море опять по факту стало Русским [3].

Достигнув пика развития, Древнерусское государство уже после сына Владимира Ярослава стало постепенно деградировать. Причиной этого стала не только реализация процессов феодальной раздробленности, но и превалирование в качестве приоритетов развития не интересов государства, а личных интересов, местничества. В результате разгоревшегося междоусобия Древняя Русь значительно ослабила свои оборон-

ные возможности, что позволило наиболее недружественному тогда государству, Польше, одержать победу и оккупировать Киев, отторгнув ряд западных территорий. Только лишь приход к власти Ярослава Мудрого на некоторое время приостановил деградации древнерусской государственности. Утвердившееся в политической практике того времени местничество закономерно предопределило дезинтеграцию единого политического пространства Древней Руси и противопоставление русских княжеств друг другу.

В результате междоусобицы и братоубийственные войны продолжались на Руси еще более 200 лет, до тех пор пока с востока на Русь не пришло монолитное войско Монгольской империи и не разбило раздробленные и враждующие друг с другом русские княжества. В результате Россия более чем на 250-летний период попала в вассальную зависимость от Золотой Орды. Освобождение от нее стало ключевой национальной идеей, важнейшим интересом, в достижении которого принимали непосредственное участие Александр Невский, его сын и внук Даниил Московский и Иван Калита, Дмитрий Донской и другие представители военно-политической элиты Северо-Восточной Руси. Тем не менее преодолеть зависимость от Золотой Орды даже после Куликовской битвы 1380 года не представлялось возможным. Еще более 100 лет Русь с ее крупнейшим государственным образованием того времени Великим княжеством Московским находилась в политической зависимости от Золотой Орды.

Только лишь с приходом к власти во второй половине XV века в период правления Ивана III Великого, отказавшегося от зависимости от Золотой Орды и выплате ей дани и последующего «Великого стояния на Угре» 1480 года, Русь окончательно обрела суверенитет и начала реализовывать один из важнейших своих национальных интересов – собирание земель. При этом процесс собирания и объединения русских земель происходил в основном политико-дипломатическими мерами, за редким исключением, предполагавшим использование военной силы (против Великого Новгорода в 1471–1479 года).

Но если объединение русских земель происходило в основном мирным, то отстаивание завоеванного в 1480 года суверенитета осуществлялась вооруженным путем.

Заявив о себе как о полноправном участнике мировых политических процессов с начала XV века, Русское государство вынуждено было отстаивать свой суверенитет, безопасность и возможность реализации интересов вооруженным путем. Эти процессы наиболее емко характеризуют слова Н. Бердяева о том, что «русская государственность занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковывалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземных нашествиях» [5]. Этого не

было, да и не могло быть у большинства европейских государств, защищенных от экспансии с востока самой Россией. Поэтому для военно-политической практики ведущих европейских государств было характерно вооруженное соперничество, не затрагивавшее жизненно важных устоев государства и общества. В этом состоит основное отличие их военно-политических интересов от интересов России, а следовательно, и процессов их формирования и реализации.

Для России же решение этой задачи было сопряжено с решением другой, не менее значимой, – прорыва комплексной блокады, сформированной по отношению к ней враждебным внешним окружением. Это стало важнейшим национальным геостратегическим интересом России. Наиболее ожесточенно эти процессы происходили на северо-западном и юго-западном направлениях – балтийском и черноморском.

Решение этих задач, начавшееся при Иване III, завершилось в период правления Петра I, прорубившего окно в Европу в 1721 году по условиям Ништадского договора и в Азию (на каспийском направлении) в 1723 году по условиям Петербургского договора с Персией и таким образом прорвавшее комплексную блокаду России.

Петровские начинания заложили фундамент для реализации более масштабных задач по определению места и роли России в системе международных отношений. И это было достигнуто в период правления Елизаветы, а затем и Екатерины II. Буквально за десятилетия Россия превратилась в ведущее государство европейского и в целом мирового сообщества. Только за период правления Екатерины Россия окончательно закрепилась на Черном море, были присоединены земли, получившие название Новороссия: Северное Причерноморье, Крым, Прикубанье, – приняла под российское подданство Восточную Грузию (1783). Вследствие так называемых разделов Польши, Россией были возвращены отторгнутые поляками западнорусские земли. Население России возросло с 23,2 млн (1763 г.) до 37,4 млн (1796 г.). Таким образом, по численности населения Россия стала самой крупной европейской страной (на неё приходилось 20 % населения Европы).

Возросло и военно-политическое могущество России. Наиболее образно ситуация в этой области была охарактеризована словами бывшего канцлера Российской империи И. Безбородко. По его словам, «ни одна пушка ни в Европе, ни в Азии без ведома императрицы Екатерины не имели права выстрелить» [9].

Екатерининский период в развитии России стал пиком ее развития, после которого начались процессы стагнации российской государственности, завершившиеся поражением в Крымской войне. После данного поражения Россия на черноморском направлении была отброшена к состоянию допетровского периода, вновь оказавшись заблоки-

рованной на юго-западном направлении. России было запрещено иметь военно-морской флот на Черном море, ставшим для нее, таким образом, «закрытым озером».

Данное положение не могло продолжаться сколь угодно долго, и поэтому уже назначенный в 1856 году министром иностранных дел А.М. Горчаков 21 августа того же года направил циркулярную депешу русским послам за границей, в которой содержалось облетевшее весь мир выражение: «Россия не сердится, она сосредоточивается». Это означало, что Россия собирается с силами, сосредоточивает внимание на экономических и политических вопросах, связанных с внутренним развитием государства [11]. И хотя положения дискредитирующего Россию Парижского договора были отменены позднее [10], тем не менее уже тогда, с августа 1856 года, был определен важнейший вектор внешней политики России – ориентация на реализацию национальных интересов страны, а не жертвенность ими ради спасения европейских «стран-союзниц».

В наибольшей степени этот национально-ориентированный вектор проявился в период правления Александра III. Важнейшей спецификой его деятельности в качестве главы государства являлась реализация политического курса опоры на национальный суверенитет и национальную самобытность. Александр III фактически первым среди российских государей прекратил эту пагубную тенденцию благотворительности по отношению к европейским «партнерам». Более того, он окончательно разрешил спор западников и славянофилов о месте и роли России в мире, заявив о том, что Россия – это не Европа. «Мы, – по его словам, – конечно, европейцы по духу, но мы – другая цивилизация, мы отдельная цивилизация, и мы, русские, должны брать всё, что есть лучшее в Европе, всё, что есть лучшее на Востоке, и творить своё, опираясь на национальную самобытность» [13]. Именно эта его позиция восприятия национальных интересов определяла сущность и содержание государственной политики по их реализации.

Россия при Александре III получила мощный импульс развития. Она стала неуклонно подниматься, богатеть и наращивать мощь. В результате уже к концу 80-х годов XIX столетия Россия вошла в ведущую пятерку промышленно-развитых стран мира. Престиж России в мире в царствование Александра III поднялся на недостижимую прежде высоту, а в самой стране воцарились покой и порядок. Приняв страну, пораженной народовольческим террором, Александр III, сумел обеспечить внутривнутриполитическую стабильность и безопасность.

Следующий период, связанный с деятельностью Николая II, хотя и характеризовался эффективным социально-экономическим развитием страны в целом, в то же время был насыщен нарастанием социально-

политических кризисов, чрезвычайно обострившихся в ходе Первой мировой войны. Участие России в мировой войне и реализация «союзнических обязательств» в ущерб своим национальным интересам и недооценка внутривнутриполитических угроз и вызовов привели к крушению тысячелетней российской государственности. В данном случае очевидна недооценка и игнорирование национальных интересов высшим военно-политическим руководством страны, которое, сделав ставку на достижение военной победы, проигнорировало необходимость обеспечения внутривнутриполитической стабильности и безопасности государства. В результате Россия фактически подарила странам Антанты выигранную победу в мировой войне. Сама же Россия оказалась в числе государств, проигравших войну, и в отношении нее бывшими союзниками были приняты меры санкционного характера [6].

Национальные интересы Советского государства в предвоенный период в значительной мере определялись идеями мировой социалистической революции и пролетарской солидарности. И только лишь начало Великой Отечественной войны, когда в составе армий вторжения как самой нацистской Германии, так и ее европейских союзников были те же самые пролетарии, солидарность с которыми провозглашалась советским руководством, стало свидетельством ошибочности внешнеполитического курса. Осознав степень опасности, происходящей от данного интернационального врага, руководство СССР сделало ставку на патриотизм народов Советского Союза. И именно данное обращение к истокам государственности и стало одним из решающих факторов, который способствовал победе над нацистской Германией. Дальнейшая политика СССР, обусловленная выстраиванием пояса безопасности из стран Восточной Европы в условиях начавшейся «холодной войны», была, безусловно, оправдана. После же смерти И.В. Сталина политика нового советского руководства, обусловленная ревизией подходов к обеспечению глобальной безопасности, а также безопасности восточно-европейских стран, их социально-экономического развития и жизнедеятельности за счет ресурсов СССР, крайне негативно отразилась на реализации национальных интересов страны. Закономерным итогом стало ослабление государства, его потенциала и возможности противостоять кризисным явлениям.

Кризисные процессы на рубеже 80–90-х годов непосредственно были связаны с кризисом институтов государственной власти. Именно им, а не обществу и гражданам нужна была перестройка. Этот же период для СССР характеризовался глубоким социально-экономическим кризисом, во многом обусловленным как санкционной политикой по отношению к энергетическому сектору со стороны США, так и обострением межнациональных отношений в ряде регионов страны. Все это в сово-

купности определяло комплекс вызовов и угроз, решение которых являлось важнейшим национальным интересом государства.

Между тем, советское же руководство, не обратив внимание на данные потребности, в очередной раз провозгласило курс реализации глобальных, и как оказалось, эфемерных «общечеловеческих» ценностей. Именно данные ценности и стали определять политику Советского государства во второй половине 80-х годов, когда были поставлены национальные интересы в зависимость от внешнеполитической конъюнктуры, а точнее внешнеполитического восприятия лидеров государства [17]. Все это не могло не отразиться негативно на состоянии защищенности конституционных основ Советского государства, его социально-экономических, внутривластных и, наконец, внешнеполитических интересов.

1991–1992 годы стали переломными для российской государственности. В результате процессов суверенизации Советский Союз распался, что стало, по словам Президента России В.В. Путина, крупнейшей геополитической катастрофой XX столетия. На территории бывшего СССР образовался ряд государств, до этого не обладавших своим суверенитетом и не имевших опыта государственного строительства. В результате часть из них усилиями своей этнократической элиты избрала путь подчиненности национальных интересов интересам США и, соответственно, конфронтации с Российской Федерацией. В результате национальные интересы России под влиянием этих негативных факторов в очередной раз обрели характер обеспечения суверенитета и безопасности государства, общества и личности.

Таким образом, национальные интересы России на протяжении длительного времени определялись или же авторитарно политическим руководством страны, или же игнорировались в ущерб реализации имиджевых проектов, таких как освобождение Европы или отдельных ее стран, сохранение политических режимов, распространение, казалось бы, прогрессивных целей и задач регионального или глобального масштабов и т.д. Основу внешнеполитического курса России тогда, когда она занимала ведущие позиции в мировом сообществе, определяла борьба за мир, безопасность и справедливый миропорядок в Европе и Азии, зачастую в ущерб ее национальным интересам. Тогда же, когда ее позиции в мире ослабевали, количество ее противников максимально увеличивалось, в том числе за счет тех, кто обязан был России своим суверенитетом и в целом существованием. Это стало своего рода закономерностью, подмеченной еще Александром III, по словам которого «во всем свете у нас только два верных союзника: наша армия и флот. Все остальные при первой возможности ополчатся против нас» [8].

Все это определяло необходимость понимания сущности национальных интересов и концептуального определения их содержания в зависимости от складывающихся политических реалий, а также комплекса факторов, влияющих на возможность их реализации.

Первые шаги в этом направлении были сделаны с принятием Закона «О Безопасности» в 1992 году и Конституции Российской Федерации, в которых были определены нормативно-правовые основы безопасности личности, общества и государства. В то же время в данных актах не конкретизированы национальные интересы Российской Федерации и механизм их реализации.

Одной из первых попыток их определения стало принятие в 1997 году Концепции национальной безопасности [1], в которой впервые были определены основные принципы и направления развития государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, ее цели и задачи.

Очевидно, что положения Концепции в значительной мере имели декларативный характер, обусловленный стремлением руководства России войти в так называемое цивилизованное сообщество или, по крайней мере, выстроить с ним равноправные отношения. Иллюзорность реализации этих целей обозначилась уже в 90-е годы. Россию хотя и привлекали к обсуждению значимых международных проблем, но ее мнением зачастую попросту пренебрегали. Наиболее показательной в этом плане стала агрессия НАТО против Югославии, осуществленная без санкции ООН, отчетливо продемонстрировавшая игнорирование не только международного права, но и позиции России, призывавшей к мирному урегулированию внутривосточного конфликта в этой стране. Помимо этого, к концу 90-х годов все более явственной становилась амбивалентность политики США, Британии, Турции и ряда других стран, определявшаяся, с одной стороны, декларативностью уважения суверенитета России, а с другой, – всесторонней поддержкой сепаратистских террористических группировок, действовавших в ряде ее регионов. Еще одним событием, характеризовавшим позицию США и НАТО, стал так называемый юбилейный саммит Североатлантического альянса в апреле 1999 года, на котором бывшим союзникам России в Восточной Европе и на постсоветском пространстве было дано обещание о перспективах их вхождения в натовские структуры.

Примечательно, что в этот же период в США были приняты к исполнению две стратегии национальной безопасности США (1999 и 2000 годов), в которых декларировались устремления к глобальному американскому господству.

Все эти шаги США и их союзников наглядно демонстрировали игнорирование национальных интересов России, в том числе в плане обес-

печения безопасности, что потребовало пересмотра Концепции национальной безопасности и внесения в нее существенных корректив. В результате в окончательном виде редакция данной Концепции национальной безопасности была утверждена уже в январе 2000 года.

Несмотря на то что взаимоотношения России с США еще декларировались как партнерские, тем не менее на практике они предполагали возможность нанесения России максимального ущерба. Это нашло отражение и в ряде документов стратегического планирования США. Так, в частности, в Стратегии национальной безопасности 2002 года Россия хотя и была обозначена как государство, с которым США намерены выстраивать партнерские отношения, тем не менее реальная политика, направленная на утверждение американской гегемонии и эскалацию конфликтности на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, отчетливо свидетельствовала об игнорировании интересов России в области безопасности.

Отдельные положения противостояния с Россией нашли отражение в Стратегии национальной безопасности 2004 года, а также Упреждающей стратегии (Национальной стратегии упреждающего удара) 2006 года [4], ставшей, по сути, основным документом продвижения американской гегемонии посредством государственных переворотов, причем не только в недружественных государствах, но и в тех, в которых американское руководство определяло свои национальные интересы.

При этом, в отличие от других документов в области стратегического планирования (СНБ 2002, 2004 и др.), Упреждающая стратегия была направлена на борьбу и устранение не только актуальных, действующих, а, прежде всего, потенциальных угроз, угроз будущего для «американской исключительности». Самое главное, что она имела в виду, как минимум, деструкцию и ослабление, а максимально, – устранение субъектов подобных угроз России или любого другого государства, которое ставит под сомнение американскую исключительность [19].

В сфере практической реализации антироссийского политического курса стали, с одной стороны, государственные перевороты (цветные революции) в ряде стран постсоветского пространства («Революция роз» в Грузии в 2003 году; «Оранжевая революция» в 2004 году на Украине; в Молдавии. С другой стороны, деятельность американского руководства была сконцентрирована в этот период на провоцировании антироссийской политики политических режимов сопредельных стран (Грузии, Украины, государств Прибалтики). В этот же период новый импульс получило расширение НАТО и приближение его военно-стратегической инфраструктуры на Восток в сторону России. Так, в марте 1999 года за несколько дней до начала бомбардировок НАТО Югославии в альянс

вступили Венгрия, Польша и Чехия, в 2004 году к НАТО присоединились Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония. Таким образом, военная инфраструктура НАТО вплотную приблизилась к границам Российской Федерации. Одновременно с этим в Восточной Европе началось оборудование элементов американской системы противоракетной обороны.

Все это стало основанием для переосмысления подходов к проблемам, формам и методам обеспечения национальных интересов страны. Уже в начале первого десятилетия XXI века в российских официальных документах постепенно происходит смещение акцентов во внешнеполитической деятельности с попыток встроиться в систему глобальной системы обеспечения безопасности под эгидой США (НАТО, «G – 7», ЕС), прежде всего национальной безопасности.

Линией водораздела в отношениях с США и Западом в целом стала Мюнхенская речь В.В. Путина 10 февраля 2007 года, в которой он подверг критике складывающуюся однополярную модель и заявил о неприятии Россией подмены международного права правом силы со стороны США [15].

Эта речь, в целом нейтрально воспринятая на Западе, по сути, стала катализатором активизации антироссийской политики США и их союзников, прежде всего по НАТО.

Очевидно, что события 2008 года, связанные с вооруженной агрессией Грузии против Южной Осетии, геноцид российских граждан вынудили политическое руководство России принять меры по принуждению Грузии к миру и последующему обеспечению безопасности жителей Южной Осетии и Абхазии.

В 2008 году произошло еще одно знаковое событие, обусловленное созданием угроз национальным интересам и безопасности России. В рамках Бухарестского саммита НАТО (в апреле 2008 года) была сорвана попытка предоставить статус кандидата в члены Альянса Украине и Грузии, позволявшей максимально приблизить его военную инфраструктуру непосредственно к границам России на западном и юго-западном направлениях. Тогда усилиями Франции и Германии удалось предотвратить принятие этого решения, угрожающего интересам и безопасности России. Поскольку этого не произошло, США и их союзники решили принять меры по дальнейшей дефрагментации постсоветского пространства посредством вовлечения бывших союзных республик в различного рода соглашения. Одним из наиболее знаковых проектов в этой сфере стало «Восточное партнерство», предполагавшее подписание соглашений об ассоциации с Европейским союзом постсоветских государств. При этом речь шла лишь о декларации партнерских отношений без каких-либо гарантий возможного членства в ЕС.

Главное содержание Восточного партнерства – на антироссийской основе целенаправленное формирование «кольца друзей» ЕС, «европеизация» соседей на основе распространения пресловутых «общеевропейских ценностей», стимулирование в этих странах политических и экономических реформ, отвечающих интересам США и НАТО, потребностям европейского бизнеса [18].

Кульминация реализации этого проекта была представлена Вильнюсским саммитом (28–29 ноября 2013 года), на котором должна была быть институционально оформлена ассоциация с Европейским Союзом шести постсоветских государств (Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдовы и Украины). Отказ руководства Украины едва ли не в последний момент подписать данное Соглашение явился фактическим детонатором событий в Киеве в ноябре 2013 – феврале 2014 года.

Тем не менее на фоне событий на Украине осталось незамеченным и то, что Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом не подписали Армения и Азербайджан. Если говорить о Белоруссии, то ее участие в проекте было довольно условным, чтобы сравнить ее с Россией. В конечном итоге Соглашение об ассоциации с ЕС подписали только два самых бедных государства постсоветского пространства – Молдова и Грузия. После государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года Соглашение об Ассоциации было подписано и Украиной [16].

Подписание Соглашения об Ассоциации самой Украине никаких дивидендов не принесло за исключением разрекламированного пятым президентом П. Порошенко «безвиза», облегчившим отток трудовых ресурсов из страны в ЕС. Трудовая миграция, следовательно, явилась основным направлением взаимодействия Украины со странами Европейского Союза. Кроме того, Украина для ЕС предстала также рынком сбыта европейских товаров и источником сырья (лес, янтарь), а с принятием Закона о рынке земли в перспективе (с 1 июля 2024 года) еще и возможностью приобретения земельных угодий [14].

Наиболее же значимым аспектом взаимодействия Украины со странами Еросоюза и еще больше США стало освоение территории страны в военно-политическом отношении и подготовка вооруженных сил и других силовых структур к военным действиям против Российской Федерации.

Трансформация угроз и вызовов со стороны США и их союзников по НАТО вынудило военно-политическое руководство России пересмотреть основные подходы к обеспечению национальной безопасности. В результате в декабре 2015 года Указом Президента Российской Федерации была утверждена Стратегия национальной безопасности [2], в которой нашли отражение оценка политики сдерживания России, реализуемой США и их союзниками, блокового подхода к решению международных проблем, в том числе в отношении миграционных потоков

из стран Африки и Ближнего Востока, практики свержения легитимных политических режимов, провоцирования внутригосударственной нестабильности и конфликтов, что получает все более широкое распространение, поддержка США и ЕС государственного переворота в Киеве, других явлений и процессов, оказывающих влияние на состояние и уязвимость глобальной, региональной, а также национальной безопасности, в том числе Российской Федерации. Были определены национальные интересы России, в соответствии со складывающимися реалиями. Приоритетными, в соответствии с Стратегией – 2015 года, стали:

- укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации;
- укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;
- повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны;
- сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- повышение конкурентоспособности национальной экономики;
- закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

Таким образом, несмотря на эскалацию конфликтности на глобальном уровне, реализацию политики сдерживания и появление других угроз и вызовов интересам и безопасности России, в Стратегии определялась направленность внешней политики на поддержание стратегической стабильности и обеспечение взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

Данные положения, безусловно, актуальные в середине второго десятилетия, в связи с нарастанием системного давления на Россию со стороны США и их союзников, потребовали корректировки. В июле 2021 года была принята новая Стратегия национальной безопасности России, в которой в качестве приоритетных национальных интересов были определены:

- сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;

- защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;
- поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;
- развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;
- устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;
- охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;
- укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;
- поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений [3].

Сравнительный анализ положений, определяющих национальные интересы России в принятой в 2021 году Стратегии, свидетельствует о стремлении использовать потенциал государства на решение вопросов эффективного социально-экономического развития российского общества. В области внешней политики в качестве стратегического национального приоритета была определена стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

В то же время очевидно, что развитие современных политических процессов, связанных с процессами трансформации мирового политического порядка, обострением украинского кризиса и стремлением США и их союзников обеспечить за счет Украины и ее использования для ослабления России, предполагают необходимость корректировки концептуальных положений действующей Стратегии национальной безопасности России.

Список использованных источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 10.01.2000 г. № 24). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>. (электрон. ресурс. 01.04.2023).

3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.
4. Стратегии национальной безопасности США / Сост. Д.В. Кузнецов. – Б.м.: Б. изд., 2018. – С. 531.
5. Бердяев Н.А. Судьба России: опыт по психологии войны и национальности. – Пг., 1918. – С. 7.
6. Бочарников И.В. Приграничное сотрудничество как фактор обеспечения безопасности России в пограничном пространстве. // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2009. № 12 (379). С. 43–60.
7. Бочарников И.В., Чемезов Н.А. Проблемы и приоритеты политики цифровизации в России // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8. № 2 (23). С. 19.
8. Великий князь Александр Михайлович: Книга. Воспоминаний. Париж, 1932.
9. Документы к отмене некоторых статей Парижского трактата 1856 года. Циркулярная депеша министра иностранных дел России А.М. Горчакова. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М., Гос. изд-во полит. литературы, 1952.
10. Исторические портреты патриотов Отечества. Том 6. М.: НИЦ Безопасность, 2020.
11. Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века. – М.: Высшая школа, 1974.
12. Маккиндер Х. Географическая ось истории // Элементы. Евразийское обозрение. 1997. № 7. С. 43–58.
13. Мединский В. Александр III. Государь и Миротворец. <https://histrf.ru/read/articles/alieksandr-iii-gosudar-i-mirotvoriets-k-175-lietiiu-so-dnia-rozhdieniia-impieratora-vsierossiiskogho-alieksandra-alieksandrovicha>.
14. Овсянникова О.А. Внешнеполитический курс Украины: реалии и перспективы. В сборнике: Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Москва, 2022.
15. Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.
16. Соглашение об ассоциации Украины с ЕС. Досье. <https://tass.ru/info/1975718>.
17. Трипольский В.Б. Деятельность органов государственной власти российской федерации как фактор обеспечения национальной безопасности. Дисс. ... канд. полит. наук. М.: ВУ, 2007.
18. Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности / Под общ. ред. В.Н. Баранова, П.А. Дульнева, И.В. Бочарникова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2022.
19. Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах / Ремарчук В.Н., Бочарников И.В. и др. Москва, 2015.

УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Г.П. Герейханов

За последние пять с половиной тысяч лет в мире состоялось примерно 14,5 тыс. больших и малых войн (2,6 войны в год), в ходе которых погибло, умерло от голода и эпидемий свыше 3,6 млрд человек. Во Второй мировой войне участвовали 62 страны с населением 1,7 млрд человек (свыше 78% всего населения Земли на тот период), безвозвратные потери достигли 55 млн человек. На поле боя погибло 27 млн военнослужащих, в тылу от бомбардировок – 1,5 млн чел., в концлагерях – 11 млн чел., в партизанской борьбе более 2 млн чел., от голода и эпидемий 1 млн человек. Безвозвратные потери нашей страны во Второй мировой войне оцениваются на сегодня в 27,4 млн чел. Безвозвратные потери только за две мировые войны составили 87 млн чел. [11]

Предвидение войн будущего – проблема не только для военных ученых и не только для вооруженных сил вообще. Это общегосударственная научная проблема, связанная с определением и описанием на основе научных законов исторического опыта природы и характера войн нового поколения, которые реализуются в современных условиях и постоянно видоизменяются.

Авторы фундаментального труда «Военная стратегия», изданного под редакцией маршала Советского Союза В.Д. Соколовского еще в начале 60-х гг. XX в., утверждали: «Важность научного предвидения характера будущей войны состоит в том, что только при этом условии государственное и военное руководство может безошибочно направлять строительство вооруженных сил по наиболее правильному пути и целеустремленно решать вопросы подготовки страны в целом к войне» [3].

Война – социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военной политики [4, 205].

Всякая война является временем великих испытаний народа и власти, это исторический период, который во многом определяет характер развития государства. Война всегда находила свое отражение в военно-научной мысли, в том числе в философской. Военная научная фи-

лософская мысль на протяжении веков способствовала формированию у военных и невоенных граждан страны научного, адекватного обстановке понимания целей войны – их сущности и содержания, происхождения и характера, функций и социальной роли.

Исходным методологическим принципом научного анализа войны выступает правило – прежде всего, изучить «каковы причины войны, цели, которые она себе ставит, и классы, которые ее ведут» [9, 265].

Что мешает современным российским ученым, в том числе военным, обратиться к методологии советских ученых, которые убедительно вскрыли на ее основе причины агрессивности германского империализма в 1941–1945 гг.? Неужели её ненаучность? Конечно же, нет. Советскими учеными были научно доказаны и подтверждены документально цели фашистской Германии и ее союзников в войне против СССР: «Уничтожить Советское государство и его армию, истребить основную массу советских людей, оставшуюся часть превратить в рабов; захватив огромные богатства СССР, использовать их для обеспечения Германии в ее будущих военно-политических акциях против Англии, США, других стран; разрушить национальную культуру и государственность советских народов и, прежде всего, русского; закрыть все русские школы и сжечь все русские книги; духовно обезоружить советский народ, вытравить из сознания людей животворные идеи социализма и интернационализма. «Только германский народ будет народом воинов, остальные нации будут илотами (покоренными), работающими на касту тевтонских воинов. В Европе будет одна всемогущая Германия, США будут принуждены к полной и окончательной капитуляции» [6, 457].

Не секрет, что процесс формирования безопасности в регионе, который принято обозначать как «евразийское постсоветское пространство», отличается высокой динамикой и незавершенностью, а угрозоёмкость этого региона весьма высока. Усилиями России в указанном регионе были сформированы несколько структур, так или иначе направленных на обеспечение региональной безопасности: СНГ, ОДКБ и ЕАЭС.

При этом деятельность СНГ направлена на обеспечение политической стабильности и высокой степени политического взаимодействия между странами-членами этой организации. ОДКБ направлено на создание коллективного оборонительного потенциала и обеспечение военной взаимопомощи между ее участниками. ЕАЭС направлено на создание единого экономического пространства и тесное экономическое взаимодействие между бывшими советскими республиками, вошедшими в этот экономический союз.

Однако функционирование указанных структур пока далеко от того, чтобы удовлетворять насущным потребностям взаимодействующих государств в политической, военной и экономической сферах. В частности,

если говорить о структуре ОДКБ, непосредственно призванной обеспечивать военную безопасность в регионе, то она остается весьма аморфной организацией, стремящейся одновременно выполнять целый набор разнообразных и не всегда сочетающихся функций. До настоящего времени приоритеты ОДКБ в значительной мере были ориентированы на взаимодействие с внешними структурами (ООН, ШОС, НАТО), а не на практическое обеспечение региональной безопасности.

В то же время события годичной давности (январь 2022 г.) в Казахстане и оперативное вмешательство сил ОДКБ, не позволивших антиказахским силам дестабилизировать ситуацию в стране, показали большой потенциал этой организации, высокую выучку многонациональных военных сил и способность в кратчайшие сроки развернуться и выполнить поставленные задачи. Но, к сожалению, это пока единственная в истории существования этой организации успешно проведенная операция с участием многонациональных сил.

Для национальной безопасности Российского государства социально-политические процессы на постсоветском пространстве жизненно важны уже потому, что, с одной стороны, объединяемое в единый регион пространство уже давно перестало быть таковым, поскольку прибалтийские государства – Литва, Латвия, Эстония – вошли в НАТО. Далее, ввиду известных событий «Революции роз» в Грузии в 2003 году, нападения Грузии на Южную Осетию в 2008 г. и последующей «пятидневной» войны России против грузинских войск, закончившейся их разгромом, из постсоветского пространства выпала Грузия.

Замороженный приднестровский конфликт в Молдове, формируемый десятилетиями антироссийский настрой политического руководства этого государства, также позволяет утверждать, что она не ассоциирует себя с общим с Россией пространством и не видит свое будущее в тесной интеграции с Россией.

В целом, угрозоемкость рассматриваемого региона можно определить следующими наиболее опасными конфликтами: Приднестровским, Грузино-Югоосетинским, Грузино-Абхазским, Нагорно-Карабахским, Украинским, межгосударственными и внутригосударственными конфликтами в центрально-азиатских республиках. Подавляющее большинство конфликтов вспыхнули именно на фоне развала Советского Союза, ряд конфликтов получили продолжение в уже поздний период, а некоторые из них возникли внезапно недавно, часть продолжаются до сих пор.

Антиконституционный переворот в 2014 году на Украине, приход к власти профашистских националистических сил, последующий переход Республики Крым в состав Российской Федерации, начавшийся вскоре после майданного переворота, конфликт между Украиной и Донецкой и

Луганской народными республиками, фактическое формирование на территории Украины антироссийского плацдарма НАТО, попытки воздействовать на Россию санкциями через Евросоюз и США – все это позволяло утверждать, что Украине была уготована роль АнтиРоссии с сильным европейским вектором, направленным от РФ в противоположную сторону.

Специальная операция по оказанию помощи ЛНР и ДНР, имеющая цели демилитаризации и денацификации Украины, позволяет с уверенностью констатировать, что от достижения политических и военных целей на Украине будет зависеть обстановка на всем постсоветском пространстве.

В современных условиях можно проводить сколько угодно аналогий, но то, что США пытаются под своим контролем установить «новый мировой порядок», – это факт. То, что западные страны в лице НАТО ведут войну с Россией, – это непреложный факт. Специальная военная операция (СВО) на Украине выявила множество различных проблем, в том числе военно-научного плана, что требует серьезного осмысления. И самое главное – не все декларированное в теории войн 6-го поколения оказалось верным!

Вначале вспомним, что 6-е поколение войн связано с появлением высокоточного, дальнобойного, управляемого оружия всех видов базирования, обеспечиваемого современной информационной компонентой. Этот тип войн назван известным военным специалистом генералом Владимиром Слипченко – «бесконтактными войнами». По мысли автора, они берут свое начало с операции «Буря в пустыне» в войне США против Ирака 1991 года. В войнах этого поколения для достижения полной победы необходимо решить три главные цели войны:

- разгромить вооруженные силы противника; как правило, на его территории;
- уничтожить экономический потенциал противника;
- свергнуть старый и заменить его на новый политический строй.

Если эти три компоненты достигаются одновременно – победа может считаться полной. Самым современным способом его применения являются – разведывательно-информационные ударные боевые системы, то есть собираемые на период войны в единую организационную структуру средства разведки, программирования, управления, запуска, наведения и документирования результатов поражения [13; 15].

Сущность, содержание, методы войн 6-го поколения у большинства авторов строится на основе их особенностей. Давайте ознакомимся с ними и скажем, насколько они соответствуют действительности.

Первая особенность – войны 6-го поколения, в отличие от широкомасштабных и затяжных войн четвертого поколения, скорее всего, не будут носить длительного характера, и весь процесс вооруженной борьбы будет протекать по законам и правилам, навязанными сильнейшим – тем, кто в наибольшей мере подготовился к таким войнам. Принципиально важным является то, что стороне, ведущей войну шестого поколения, для достижения своих стратегических целей обязательно захватывать территорию противника и, тем более, удерживать ее длительное время.

Вторая особенность – государство, не подготовленное к ведению войн нового поколения, обрекает себя на неминуемое поражение, так как для противостояния массированному удару воздушно-космических средств противника надо иметь совершенно другие Вооруженные силы. Они должны создаваться не на базе крупных сухопутных группировок, а на основе эффективной стратегической системы воздушно-космической обороны, способной отражать длительные массированные удары высокоточных средств противника и достаточного количества собственных высокоточных средств поражения различной дальности действия и оружия, построенного на новых физических принципах.

Третья особенность – изменится координатная система войны. Если в войнах прошлых поколений координаты основных усилий противоборства лежали на поверхности земного шара (ширина, глубина наступления или обороны), а вертикальная, главным образом воздушная, использовалась лишь как вспомогательная, обеспечивающая, то в войне будущего произойдут противоположные изменения. Основные усилия в ней будут сосредоточены по вертикальной – воздушно-космической координате, а наземные координаты станут обеспечивающими.

Наряду с увеличением пространственного размаха вооруженной борьбы, в войне шестого поколения произойдет значительное повышение точности стрельбы обычными неядерными ракетами различной дальности действия и вида базирования.

Четвертая особенность – изменится роль видов Вооруженных сил. Во всех войнах доядерных поколений основная нагрузка военного противоборства ложилась на сухопутные войска, так как именно они самостоятельно (в войнах первых трех поколений) и при поддержке других видов Вооруженных сил (в четвертом поколении) должны были добиваться стратегических и политических целей войны. В войне будущего в большинстве случаев достаточно с помощью стратегических ударных сил, имеющих на вооружении высокоточное оружие, нанести тяжелое поражение средствам ответного удара противника, уничтожить его важнейшие ключевые военные объекты, разрушить экономику, системы энергоснабжения и коммуникаций. И тогда политическая система про-

сто не устоит. Не исключено, что уже в самом начале войны в результате нанесения внезапных массированных высокоточных ударов по органам и средствам управления может быть в значительной мере нарушено управление войсками противника, и его Вооруженные силы, построенные на концепции, где основная ставка сделана на сухопутные войска, потеряют способность вести эффективную вооруженную борьбу.

Пятая особенность – кардинально изменится понятие «победа». Во всех войнах прошлых поколений для достижения победы требовалось разгромить Вооруженные силы противника, разрушить его экономический потенциал и свергнуть политический строй. Этого нельзя было добиться без оккупации территории противника. В войне шестого поколения победа может быть достигнута, главным образом, лишь разрушением экономического потенциала противника. Более того, если противник оказался не готов к войне будущего и всю ставку сделал на свои сухопутные войска, то, как ни парадоксально, нет необходимости громить их. Они, кроме средств ответного удара, не представляют собой никакой угрозы для нападающего и в условиях разрушенной экономики обречены на потерю боеспособности и полный развал. В таких условиях неизбежно рухнет и политический строй. Таким образом, победа может быть достигнута без оккупации лишь проведением стратегической воздушно-космической наступательной операции и операции РЭБ.

Никто не сомневается в том, что перед ВС России всегда стояла задача быть готовыми к участию в вооруженных конфликтах (войнах) как известного, так и перспективного типа. Эта задача может быть решена только при условии понимания всех ключевых особенностей современных войн и вооруженных конфликтов.

Начнем с того, что неверно рассуждать о каком-либо явлении или процессе, нарушая закон тождества. Речь идет о соответствии наименования того, что происходит на Украине и вокруг неё. СВО подразумевает под собой «демилитаризацию и денацификацию Украины», «защиту людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима» (В.В. Путин).

Для Киева – это «война за освобождение Донбасса, возвращение Крыма и уничтожение России» (В. Зеленский).

Для стран НАТО – «это агрессивная война Российской Федерации против Украины» (Стратегическая концепция НАТО от 29 июня 2022 года).

Таким образом, социально-политическая сущность боевых действий России на Украине связана с зачисткой её территории от фашиствующих элементов и недопущения дальнейшего геноцида русских. Все это носит название, как уже было отмечено – СВО. Понимание ситуации требует обращения к определению указанного понятия. «Спе-

циальная операция войск (сил) – совокупность согласованных по целям, задачам, месту и времени специальных действий войск (сил), проводимых по единому замыслу и плану для достижения определенных целей» [10]. Приведенное определение в сущностном, содержательном плане, к сожалению, почти ничего не даёт, отмечая лишь, что это «действие» специального характера (масло масляное!) и что оно проводится в соответствии со специальным планом (другие операции проводятся без плана). В то же время, как показывает практика, боевые действия в ходе СВО не всегда связаны единым замыслом в силу различных причин.

Цель СВО – поражение военных объектов противника, а для мирных жителей создание коридоров выхода из зоны боевых действий и оказание гуманитарной помощи.

Что касается Украины и ее союзников (стран НАТО), то они проводят войну против России с целью её уничтожения как государства и русских, как народа, которым отказано в существовании. Не секрет, что война Запада против России приобрела русофобский характер. «Наш мир характеризуется соперничеством и непредсказуемостью. Агрессивная война Российской Федерации против Украины разрушила мир и серьезно изменила нашу обстановку в области безопасности. Ее жестокое и незаконное вторжение, неоднократные нарушения международного гуманитарного права и чудовищные нападения и зверства привели к невыразимым страданиям и разрушениям. Сильная, независимая Украина жизненно важна для стабильности евроатлантического региона. Поведение Москвы отражает модель агрессивных действий России против ее соседей и более широкого трансатлантического сообщества. Мы также сталкиваемся с постоянной угрозой терроризма во всех его формах и проявлениях. Широко распространенная нестабильность, усиление стратегического соперничества и рост авторитаризма бросают вызов интересам и ценностям Североатлантического союза» [14].

Итак, современный мир вступил в эпоху кардинальных и необратимых перемен (что привело к появлению новых, а также к возрождению или обострению прежних конфликтов). Специальная военная операция – один из таких конфликтов, в ходе которого идёт борьба не только за исторические земли России, за их воссоединение, но и за само существование нашего народа и нашего государства, поскольку западные элиты привели к власти неонацистский режим на Украине точно так же, как ранее они приводили к власти нацистский режим в Германии. Цель таких действий – нанести России «стратегическое поражение», и эта цель в глазах Запада оправдывает любые средства её достижения.

Прошёл год с начала операции на Украине. Политики, философы, деятели культуры «сказали» свое слово по её поводу, подвели

итоги, смысл которых заключается в том, что «Через год войны на Украине совершенно очевидно, что Россия в ней проиграть не может. Это экзистенциальный вызов: быть или не быть стране, государству, народу» [5]

Вернемся к анализу ситуации вокруг СВО на Украине. Итак, Россия ведет против коллективного Запада военный конфликт (войну) с применением элементов войн 6-го поколения, при этом налицо явные противоречия теории и практики ведения указанных войн. Должны ли военные ученые высказать своё мнение по этому поводу, или это тоже не их прерогатива, или так проще (не высовываться?).

Сегодня в России в СМИ обыгрываются различные сценарии окончания войны: от «малой», далее «средней» и «полной» победы над НАТО на Украине.

К «Малой Победе» Россия сделала первые шаги – освободила и устанавливает контроль над территориями 4 новых субъектов РФ – ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей. Параллельно с этим необходимо добиться разоружения Украины и полных гарантий о её нейтральном статусе в обозримом будущем. На взгляд автора – это не реальный проект по той причине, что Запад не для того начал войну, чтобы согласиться с этим раскладом. Для Запада это было бы, однако, наилучшим решением, так как передышку в ведении боевых действий можно было бы использовать как Минские соглашения для дальнейшей милитаризации Украины.

«Средняя Победа» предполагает освобождение всей территории исторической Новороссии (Крым, 4 новых субъекта России и ещё три области – Харьковскую, Одесскую и Николаевскую (с частями Криворожской, Днепроградской и Полтавской)). То есть речь идет о завершении логического деления Украины на Восточную и Западную, которые имеют различную историю, различную идентичность и различные геополитические ориентации. Такое решение для России было бы приемлемым и, конечно, воспринималось бы как самая настоящая Победа, завершающая то, что было начато, а затем прервано в 2014 году.

Конечно же, этот вариант не устроит коллективный Запад, на что можно сказать, что европейские страны не устраивала, и победа СССР во 2-й мировой войне и все это понимали, за исключением предателей М.С. Горбачева и других изменников Родины! С другой стороны, этот вариант для НАТО был бы чрезвычайно выгоден по той причине, что можно учредить новое государство, которое не имело бы нынешних ограничений и обязательств, и могло бы стать плацдармом антироссийской политики и войти в НАТО!

«Большая Победа» предполагает освобождение всей территории Украины от контроля прозападного нацистского режима и воссоздание

исторического единства как государства восточных славян, так и великой евразийской державы. Только такая Победа позволила бы осуществить в полной мере поставленные в самом начале СВО цели – денацификацию и демилитаризацию Украины!

В этой Победе многие российские ученые, помимо плюсов, видят «минусы», считая, что Россия будет отрезана от Запада и ее влияние на Европу будет сведено к нулю или даже к минусу. А российский геополитик философ утверждает при этом, что при этом «и сама Украина оказывалась не под оккупацией, а в составе единого народа без каких-либо ущемлений по национальному признаку и с открытостью любых перспектив для занятия должностей и свободному перемещению по всей территории России. *При желании это можно было бы рассмотреть как присоединение России к Украине, а древняя столица русского государства Киев снова была бы в центре русского мира, а не на его периферии*» [5].

Вы посмотрите, как западная органическая теория геополитики проникла в ряды отечественных ученых! А ведь исторически, за исключением последних 30 лет, существовавшее в России движение мысли в целом поднимало общество на высоту человеческих отношений, а не опускало вниз на уровень отношений организмов!

И самое опасное, если нас не научили все многовековые западные притязания на Русь, может внимательнее в современных условиях отнестись к данному западному проекту.

Подведем некоторые выводы об урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве как угрозе национальной безопасности.

Во-первых, в среднесрочной перспективе трудно ожидать полного мирного политического урегулирования всех конфликтов на постсоветском пространстве.

Во-вторых, процесс этнического самоопределения за последние тридцать лет не только не ослаб, но и принял новые черты, перекинувшись на территорию России. Соответственно, до завершения этого процесса невозможно говорить о постсоветских странах как состоявшихся государствах, обладающих реальной независимостью.

В-третьих, учитывая системообразующую роль России на постсоветском пространстве, российская политика не может в контексте обеспечения своей безопасности удалиться от участия в урегулировании тех или иных конфликтов. На сегодняшний день спектр российского участия в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве варьируется от посредничества и миротворчества, до проведения силовой операции и юридического гарантирования самоопределения.

И, наконец, в-четвертых, важная проблема конфликтного урегулирования – внешнее вмешательство. В этой связи необходимо учитывать

все подводные камни сложившейся в 1990-е годы практики интернационализации внутригосударственных конфликтов, равно как и «косовского прецедента».

Исследователи В.И. Анненков, С.Н. Баранов, В.И. Волохов, С.И. Миронов, П. Салимов, А.В. Манойло [1; 8; 12] и другие считают, что у России, несмотря на традиционный подход к конфликтному урегулированию в рамках формулы «возможно все, кроме войны», объективно создается очень узкий коридор возможностей для исключения силы из процесса урегулирования процессов на постсоветском пространстве, где не последнюю роль играет фактор внешнего давления на регион. Можно утверждать, что для коллективного Запада во главе США важнейшей задачей на ближайшее десятилетие является реформативное постсоветского пространства и переориентация оставшихся в сфере влияния России государств на прозападное направление.

Литература и источники:

1. Анненков В.И., Баранов С.Н., Волохов В.И., Миронов С.И. Международная безопасность: геополитические и военно-политические аспекты современности / Под общей ред. проф. Анненкова В.И. Учебник. М.: РУСА-ВИА, 2015. 512 с.
2. Бочарников И.В. Острые грани современной мировой политики // Вестник МГИМО Университета. 2018. № 3 (60). С. 198–209.
3. Военная стратегия. Под редакцией Маршала Советского Союза В.Д. Соколовского. 2 – е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1963.
4. Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. 1024 с.
5. Дугин А. СВО: год первый. Смена парадигмы. Газета «Завтра», 22 февраля 2023 г.
6. Дырин А.И. Философские исследования и разработки. Избранное. М.: Современные тетради. 2004. С.457.
7. Зеленков М.Ю., Бочарников И.В. Международные конфликты XXI века. М.: Инфра-М, 2019.
8. Манойло А.В. Актуальные вопросы модернизации современной культурно-цивилизационной теории управления международными конфликтами // Национальная безопасность. – 2011, – № 4. – С. 60–66.
9. Ленин В.И. ПСС. Т 30.
10. Литвиненко В. Сущность категорий «Война и «специальная военная операция» // Армейский сборник. № 7. 2022.
11. Миронов С.И. Курс лекций «Военная безопасность России». – М.: Дипломатическая академия, 2022.
12. Салимов П. Подходы России к урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве // Государственная служба: Научно-политический журнал № 3. 2015.
13. Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Ракурс, 2002.

14. Стратегическая концепция НАТО от 29 июня 2022 года. www.nato.int/strategic-concept/ #StrategicConcep.

15. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2016. 832 с.

16. Постсоветское пространство 30 лет спустя / Кошкин А.П., Бочарников И.В., Манойло А.В., Бондалетов В.В., Глазунов О.Н., Давыдова Ю.А., Денисенкова Н.Н., Масликов В.А., Новиков А.В., Овсянникова О.А., Перенджиев А.Н., Севостьянов П.И., Черданцев В.В. Москва, 2021.

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА КАК ФАКТОР НАРУШЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

А.А. Бартош

Принципы ограничения и самоограничения в военных конфликтах XXI века

Радикальные цели, динамика и непредсказуемость изменений в международной обстановке сопровождаются военными конфликтами разной интенсивности, растущим использованием США и НАТО стратегий гибридных войн. Инструменты гибридной войны: информационно-психологическая и прокси-война, цветные революции – становятся повседневным фактором межгосударственного противоборства, а практики их применения приобретают все более изощренный и циничный характер.

На протяжении многих десятилетий в межгосударственном противоборстве утверждается не только открытое применение военной силы, но и стратегии прокси-войны, основанные на комплексных технологиях непрямого воздействия при использовании национальных вооруженных сил страны прокси-агента против государства мишени. Чрезвычайно опасный характер для национальной и международной безопасности России приобретает спровоцированная Вашингтоном война чужими (украинскими) руками против нашей страны при массированной «накачке» Киева современным оружием и военной техникой.

Дипломатические усилия Москвы, в частности, Минские соглашения, направленные на недопущение кровопролитного конфликта были сорваны США и НАТО как заказчиками и спонсорами прокси-войны, делающими ставку на военный разгром России.

В этих условиях все большую значимость приобретает проблема сохранения стратегической стабильности с целью недопущения перехода противоборства к наиболее угрожающей ситуации, к потере управляемости обстановкой, особенно к ситуации ядерного конфликта, когда встанет вопрос о применимости ядерного оружия.

По мнению академика РАН А. Кокошина, «стратегическую стабильность можно рассматривать как обеспечение политико-военных, оперативно-стратегических и военно-технических условий, минимизирующих опасность возникновения конфликтных и кризисных ситуаций, которые могли бы поставить вопрос о военных действиях с применением ядерного оружия» [2].

При решении задачи поддержания стратегической стабильности особая роль принадлежит дипломатии, которая призвана своими методами и средствами не только реализовывать внешнеполитические решения, направленные на достижение этой цели, но и активно формировать их. В конце XX – начале XXI века важным для дипломатии стало приспособление к радикальным изменениям системы международных отношений, произошедшим в результате окончания холодной войны и развития новых глобальных процессов. При этом урегулирование конфликтов и кризисных ситуаций превратилось в одну из наиболее актуальных задач современной дипломатии.

Американский автор Джозеф Монтвиль определил эту задачу как «неофициальное, неформальное взаимодействие между членами враждебных друг другу общностей или наций, целями которого являются разработка стратегий, оказание влияния на общественное мнение, а также организация человеческих и материальных ресурсов, которые могли бы способствовать разрешению конфликта».

Традиционно первоочередные усилия дипломатии направляются на формирование рабочих отношений между представителями враждующих сторон на личном уровне; повышение адекватности восприятия; формирование представлений о конфликте с точки зрения противоположной стороны и, наконец, на разработку стратегий возможных вариантов решений урегулирования конфликта с упором на развитие экономического сотрудничества.

Однако дипломатам XXI века приходится заниматься урегулированием конфликтов в условиях глобальной тенденции, которая ведет к стиранию различий между состоянием войны и мира. К числу подобных конфликтов относится гибридная война, особенности которой вносят существенные коррективы в осуществление дипломатических функций.

Следует согласиться с мнением политолога И.В. Бочарникова по поводу прокси-войны на Украине: «То, что это война, более чем очевидно. Причем война не с Украиной, а со всем коллективным Западом. Это осознается и высшим военно-политическим руководством страны. Свидетельством тому являются и заявления как Президента, так и руководителей силовых ведомств и других органов военного и государственного управления о том, что против России развернута полномасштабная агрессия коллективного Запада и Украина лишь средство достижения его победы над Россией» [1].

Во-первых, гибридная война не объявляется, что лишает дипломатию традиционной «точки отсчета» начала конфликта и соответственно активизации миротворческих усилий. Государство-агрессор в течение определенного времени не раскрывает себя, не проводит масштабных мобилизационных мероприятий, стремится вести войну чужими руками,

использует наемников, ЧВК, активизирует действия внутренних иррегулярных формирований, «пятой колонны» и агентов влияния.

Во-вторых, здесь нет сторон, которые в традиционной войне являются носителями конфликта, в то время как в международно-правовых документах считается, что конфликт как фаза противоречия возможен лишь тогда, когда его стороны представлены субъектами. Где субъекта нет – не может быть конфликта; кроме того, в гибридной войне не существуют понятий «фронт» и «тыл». Таким образом, адекватность восприятия конфликта на международном и национальном уровнях оказывается весьма неоднозначной.

В-третьих, финансово-экономическая и информационная сфера, киберпространство являются важнейшими средами, в которых разворачиваются операции гибридной войны, в то время как в международном праве понятие «агрессия, враждебные действия» в экономической, информационной и кибернетической сферах нуждается в уточнении.

И, наконец, тщательного изучения в контексте обеспечения стратегической стабильности заслуживают вопросы использования традиционных дипломатических механизмов ограничения и самоограничения для предотвращения гибридной войны как многомерного скрытого конфликта, обладающего сложной внутренней структурой.

Сущность гибридной войны, как и всякой другой войны, состоит в перераспределении ролей субъектов политического процесса на глобальном или региональном уровне. Однако достижение целей гибридной войны осуществляется преимущественно невоенными средствами, без оккупации поверженной страны, разрушения ее инфраструктуры и массовой гибели населения.

Стратегии гибридной войны позволяют добиться многих ее целей при минимальном уровне военного насилия, за счет концентрированного давления в финансово-экономической, информационно-коммуникационной сферах и использования кибероружия.

Баланс сил и баланс интересов

Сегодня в условиях резкого обострения международной обстановки особую актуальность приобретают вопросы влияния глобализации на систему глобального управления, прежде всего в части управления системой обеспечения международной безопасности.

В этом контексте глобальное управление предлагается рассматривать как мягкую форму организации взаимодействия моделей обеспечения безопасности.

Важной особенностью глобального управления при формировании модели полицентричного мира является существенное изменение общего соотношения потенциалов ведущих государств и международных ор-

ганизаций при эрозии некоторых частей международного права, когда его нормы каждая сторона толкует по-своему и в своих интересах, не отталкиваясь перед применением силы для их защиты. При этом возможности влияния на мировые процессы с целью защиты национальных интересов со стороны ведущих государств возросли при заметном снижении соответствующих возможностей международных организаций, призванных отстаивать интересы всего мирового сообщества.

Фактор баланса сил оказывает решающее влияние на постановку и решение универсальных вопросов международной политической, экономической и военной конкуренции, обеспечение международной и национальной безопасности, сохранение стабильности и устойчивого развития. В результате в конце XX – начале XXI века особенно рельефно стали проявляться темные стороны глобализации, связанные с осложнением международной обстановки и возрастанием конфликтности в мире.

Развитию мира по опасной траектории в существенной мере способствует повышение влияния факторов неопределенности, связанное с эгоцентричным поведением отдельных крупных государств, появлением негосударственных глобальных акторов, в первую очередь международного терроризма, состоянием экологии, с проблемами распределения ресурсного потенциала мирового развития, управления глобальной социальной сферой. Важная роль в дестабилизации обстановки принадлежит гибридным угрозам, имеющим рукотворный характер и направленным против уязвимых мест государств-соперников. Суммарное воздействие комплекса факторов баланса сил и неопределенности при крайне слабом глобальном управлении привело мир к состоянию хаоса и турбулентности, где вектор развития определяется мало контролируемым и непрогнозируемым развитием событий. Необходимость существенной коррекции, а то и полного изменения действующей парадигмы глобального управления приобретает императивный характер.

По этому поводу академик РАН Владимир Барановский отмечает: «В повестке дня – формирование нового миропорядка, основанного не на балансе сил, а на балансе интересов. Метафора глобального мира «Все мы в одной лодке» означает, что «слишком буйное поведение» одного из находящихся в ней недопустимо». Сегодня в лодке буйствует весь коллективный Запад.

Последствия глобализации в контексте обеспечения национальной и международной безопасности весьма противоречивы. С одной стороны, глобализация предполагала создание не виданных ранее возможностей для развития и процветания различных стран, с другой – новые, крайне опасные вызовы, риски, опасности и угрозы (далее ВРОУ), требующие координированного противодействия со стороны современных моделей обеспечения международной и национальной безопасности.

На фоне снижения авторитета и эффективности международных организаций происходит ухудшение управляемости процессами в сфере международной безопасности. Порожденное этим несоответствие между масштабными угрозами и возможностями совместного противостояния им обуславливает необходимость адаптации международных организаций к динамично трансформирующимся политическим условиям.

Логика адаптации должна предусматривать решение двух взаимосвязанных задач: координацию деятельности международных организаций, действующих в сфере обеспечения международной безопасности в рамках единой глобальной стратегии, и согласование такой стратегии со стратегиями обеспечения нацбезопасности. Реализация предложенного подхода позволит обеспечить прогнозируемость развития ситуаций в сфере международной безопасности, создаст дополнительные возможности для планирования действий по предотвращению кризисных обострений обстановки.

Однако практической реализации шагов по организации взаимодействия моделей обеспечения безопасности в существенной степени препятствуют следующие взаимосвязанные факторы.

Во-первых, актуальность проблем обеспечения международной безопасности и растущее понимание необходимости сотрудничества в интересах их решения приводят к выработке важных международных документов, стимулируют попытки установить единые правила, стандарты и практики, направленные на обеспечение стабильности и устойчивого развития. Это позитивный фактор, его влияние привело к появлению и постепенному внедрению в практику международных отношений определенных глобальных рамочных договоренностей, в которых удалось объединить пласт общемировых проблем, их решение предполагает формат расширенного сотрудничества и взаимного понимания.

Однако такие в целом многие позитивные документы открыто саботируются США и государствами НАТО, делающими ставку на применение военной силы и подрывных гибридных стратегий. К сожалению, секретариат ООН и ОБСЕ далеко не всегда оказываются на высоте своего мандата, предусматривающего беспристрастность в оценке действий сторон в военных конфликтах.

Например, пятого июля 2023 года состоялись открытые дебаты Совета безопасности ООН по тематике защиты детей в условиях вооруженного конфликта, что было использовано для надуманных обвинений в адрес Москвы и решения генсека ООН Антониу Гутерреша о включении Вооруженных Сил РФ в перечень сторон, ответственных за нарушения в отношении детей на Украине.

Разумеется, подобные заявления получили резкий и обоснованный отпор со стороны российского Постпредства в ООН и МИДа, которые

обвинили секретариат ООН в пренебрежении устоявшейся практикой тщательной проверки данных, что имеет особое значение на фоне лавины дезинформации, получаемой из различных прозападных ангажированных источников. Вне зависимости от степени объективности докладов ООН Россия заявляет о неизменной приверженности защите детей в условиях вооруженных конфликтов и продолжит предпринимать системные меры по минимизации жертв среди гражданского населения в ходе специальной военной операции.

Продолжает «отличаться» и ОБСЕ. Нашумевшая история со шпионским следом лишь подтвердила догадки о подозрительной деятельности Организации в Донбассе. В Донецке работу специальной мониторинговой миссии уже признали не просто неэффективной, а неправомерной. По сведениям спецслужб, ОБСЕ передавали украинской стороне данные о расположении сил ДНР для корректировки огня. В Луганской народной республике обнаружили аналогичные факты.

Во-вторых, внутри этой глобальной объединяющей конструкции одновременно развивается процесс усложнения, роста многообразия социальных, экономических и политических отношений внутри отдельных государств и между ними. В основе этого процесса лежат национальные интересы и ценности, декларируемые каждым государством.

На этом фоне международные и национальные стратегии обеспечения безопасности нередко не совпадают, а по ряду положений носят конфликтный характер, что приводит к невысокой солидарности действий членов мирового сообщества, а то и к полному отсутствию совместного понимания ключевых проблем современности.

Подобное положение дел обусловлено центральным противоречием глобализации, для которого в международно-политической сфере характерен конфликт между объективной потребностью в усилении коллективного регулирующего (а в перспективе – глобального управляющего) воздействия человеческого общества на развитие глобализации и стремлением нынешних лидеров этого процесса сохранить за собой ключевые инструменты регулирования в своих руках.

Таким образом, эгоцентричные акценты в политике государств в существенной мере способствуют снижению уровня международной безопасности, негативно влияют на стратегическую стабильность в масштабе мира, региона или отдельного государства, провоцируют конфликтность международных отношений и неустойчивость развития.

Обеспечение безопасности

Все государства мира признают наличие общемировых трансграничных вызовов, рисков, опасностей угроз (ВРОУ), для противостояния которым необходимо так или иначе соотносить деятельность отдельно-

го государства с общемировой стратегией совместных действий, объединять необходимые ресурсы и с этой целью вступать в отношения с другими субъектами мировой политики. Однако далеко не все государства и их коалиции готовы к целенаправленной совместной работе по консолидации взглядов на существующие ВРОУ и особенности их влияния на состояние международной безопасности, а также не готовы на согласованной основе предпринимать совместные шаги по противодействию.

Деградации политических ситуаций по такому сценарию способствует влияние нескольких групп факторов:

- мощное дестабилизирующее воздействие на международную безопасность оказывают попытки отдельных субъектов необоснованно присвоить себе монопольное и неподконтрольное международному сообществу право определять приоритетность существующих и прогнозируемых ВРОУ;
- серьезные последствия влекут за собой односторонние действия государств и организаций по определению форм и способов противостояния ВРОУ, включая использование военно-силовых мер противодействия;
- все более настойчиво заявляет о себе фактор конфликтов XXI века – гибридной войны и цветной революции, которые превратились в новый вид межгосударственного противостояния;

и, наконец, как это было показано выше, некоторые организации обеспечения международной безопасности в базового нарушение принципа беспристрастности занимают возмутительную «сервильную» позицию по отношению к действиям и заявлениям США и НАТО.

С учетом этих и других факторов деятельность дипломатии по обеспечению международной безопасности должна быть нацелена на строгое и точное соблюдение общепризнанных и обязательных для всех правил поведения на международной арене. Стратегия по предотвращению любого конфликта должна строиться на основанных на международном праве надежных механизмах влияния на развитие политических ситуаций при минимизации действия субъективного фактора.

Однако международному сообществу пока не удалось создать эффективные и надежные модели для решения реальных проблем обеспечения безопасности – парирования угроз и вызовов, которые ужесточаются и трансформируются, требуя формирования коллективного потенциала для противодействия. Более того, усиливается конкурентная составляющая в деятельности ряда организаций обеспечения международной безопасности, которые нередко действуют разрозненно, а то и просто стремятся угодить одной из сторон конфликта и не обеспечивают должной координации и интеграции усилий по противостоянию ВРОУ.

Подобный тренд формирует проблемную ситуацию, суть которой состоит в противоречии между наличием разветвленной системы организаций обеспечения международной безопасности и недостаточной политической волей международного сообщества и его отдельных членов целеустремленно и беспристрастно работать над повышением эффективности имеющихся институтов, координировать использование ресурсов при решении задач обеспечения безопасности на основе единой стратегии.

Разработке стратегии препятствуют стремление отдельных государств руководствоваться в международных делах только своими национальными интересами и стойкое нежелание искать приемлемую для всех основу взаимодействия за счет компромиссов и выработки консенсуса.

Механизмы ограничения и самоограничения

Разрешение противоречия требует разработки и использования стратегий политической адаптации национальных интересов к интересам всего мирового сообщества в рамках интегративной модели обеспечения международной безопасности, основанной на логике самоограничения и ограничения. При этом самоограничение представляет собой добровольное ограничение личностью, государством или коалицией собственных потребностей, интересов, а ограничение – правило, ограничивающее какие-нибудь действия, права.

Самоограничение и ограничение – ключевые условия действенности стратегий обеспечения международной и национальной безопасности. Миссия ограничения возлагается в первую очередь на ООН и ОБСЕ, а миссии самоограничения – на отдельные наиболее сильные державы и отдельные организации обеспечения региональной безопасности.

При отражении в современных моделях обеспечения международной и национальной безопасности функций ограничения и самоограничения используются следующие инструменты:

- инструменты ограничения – нормативно-правовая база и авторитет ООН и ОБСЕ, который, заметим, основательно пострадал в последние годы;
- инструменты самоограничения – национальное законодательство и национальные (блоковые) интересы и ценности.

Ключевые функции самоограничения и ограничения при поддержании мирового порядка в современных условиях находят весьма ограниченное применение в силу эгоцентричного поведения отдельных государств, присущих им мессианских амбиций, катастрофического снижения авторитета организаций обеспечения безопасности.

Особенности гибридной войны (война не объявляется, стороны конфликта отсутствуют, нет согласованных на международном уровне

нормативно-правовых документов по этому виду конфликта) накладывают свой отпечаток на использование таких механизмов. В силу неопределенного статуса гибридной войны не существует заранее определенного порога применения силы, нарушение которого приведет к вмешательству международного сообщества на основании резолюция ООН «Об агрессии» или применению статьи договора о коллективной защите.

Вместе с тем в механизмах самоограничения и ограничения размаха и интенсивности военно-силовых действий в гибридной войне при участии отдельных крупных государств и международных организаций в большинстве случаев на словах удалось провести «красные линии» и согласовывать определенные «правила» военно-силовых действий (запрет на применение некоторых видов оружия, границы конфликта, недопущение жертв среди гражданского населения), несоблюдение которых может привести к проведению репрессивных операций против нарушителя. Однако размытость подобных «правил», их весьма шаткий статус и широкие возможности для произвольного толкования открывают дорогу для предъявления необоснованных обвинений, организации провокаций с использованием запрещенных видов оружия, что в конечном итоге приводит к обострению и расширению конфликта.

Чего стоит, например, недавнее решение США передать ВСУ смертоносные кассетные боеприпасы, грозящие смертью и увечьями мирным жителям. Где решительные протесты и меры ограничительного порядка со стороны ООН и ОБСЕ против этого преступного решения?

Применительно к сфере конвенциональных и гибридных военных конфликтов логика согласования интересов с опорой на принципы ограничения и самоограничения должна быть заложена в основу стратегии обеспечения международной безопасности с учетом национальных интересов России. При реализации стратегии важно найти способ наилучшим образом согласовать действия РФ с реальными процессами в сфере международной безопасности – содействуя выгодным нам процессам в одних случаях и противодействуя в других. Важно избежать как чрезмерно мягкой, податливой позиции страны в ущерб национальным интересам, так и фронтального противостояния с объективно развивающимися глобальными трендами, то есть теми тенденциями, возникновение и развитие которых обусловлены не интригами оппонентов и конкурирующих коалиций, а новыми объективными состояниями мировой системы, возникновением у нее новых качеств и потребностей. Опыт развала СССР показывает, что в противном случае существует угроза чрезмерного перенапряжения сил страны, в том числе и за счет постановки заведомо нереализуемых, не обеспеченных имеющимися ресурсами внешнеполитических задач, что ведет к подрыву международных позиций государства, к его ослаблению и распаду.

Ограничение и самоограничение в конфликтах XXI века

Существующие международные нормативно-правовые документы по ограничению применения силы в международных отношениях базируются на существенном количестве международно-правовых актов: Гаагские конвенции и декларации 1899 и 1907 годов, Статут Лиги Наций, Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики 1928 года, Устав ООН, резолюции ГА ООН, включая Декларацию о принципах международного права 1970 года, резолюцию 3314 от 1974 года «Об определении агрессии», Декларацию об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях 1987 года, решения СБ ООН, решения и консультативные заключения Международного суда ООН, акты организаций обеспечения региональной безопасности (ЛАГ, ОАГ, АС, УНАСУР, АЛБА и др.), а также акты, принятые на национальном уровне, военные доктрины, концепции внешней политики государств и т.д.

Актуально звучит сегодня и Конвенция по кассетным боеприпасам (англ. *Convention on Cluster Munitions, CCM*) – международный договор, который запрещает использование, передачу и накопление кассетных боеприпасов, то есть таких боеприпасов, которые разбрасывают множество разрывных суббоеприпасов («bomblets»), каждый массой не более 20 кг. Конвенция вступила в действие 1 августа 2010. США, Россия и Украина Конвенцию не подписали.

Участники, ратифицировавшие конвенцию, обязались «никогда и ни при каких обстоятельствах»:

- а) не применять кассетные боеприпасы;
- б) не разрабатывать, не производить, не приобретать иным образом, не накапливать, не сохранять и не передавать никому, прямо или опосредованно, кассетные боеприпасы;
- с) не помогать, не поощрять и не побуждать кого бы то ни было к осуществлению деятельности, запрещенной для государства-участника согласно настоящей Конвенции.

Указанные документы отражают сложившееся представление о том, что государства обладают законной монополией на применение силы в международных отношениях. Вместе с тем в документах не получили адекватного отражения современные тенденции увеличения числа случаев применения силы против государств со стороны внешних негосударственных вооруженных формирований, угрожающих международной и национальной безопасности.

Кроме того, действия НАТО в Югославии, Афганистане, Ливии и сегодня на Украине положили начало новому явлению в межгосударственных отношениях, выражающемуся в присвоении НАТО как организацией обеспечения коллективной безопасности части монополии по

применению силы в международных отношениях в обход Устава ООН. В ряду подобных феноменов находится также агрессия США и некоторых их союзников против Ирака в марте 2003 года. А для оправдания подобных действий США и НАТО используют различные доктрины и концепции («гуманитарная интервенция», «упреждающие» меры, «превентивная самозащита», «превентивная самооборона» и т.п.).

В результате стирается грань между полномочием СБ ООН определять конкретный случай применения силы в качестве «вооруженного нападения» (что является ключевым моментом при квалификации деяния в качестве акта агрессии) и попыткой отдельных государств или групп государств действовать в обход СБ ООН, грубо нарушая Устав ООН. Для правильной квалификации событий, предшествующих применению силы и использования механизмов ограничения и самоограничения важное значение, имеет также масштаб вооруженного нападения, поскольку от этого зависят необходимость ответного правомерного применения вооруженной силы в качестве права на самооборону и пропорциональность этих ответных мер силового характера.

Для конвенциональных конфликтов существуют ограничения применения силы на основе современного международно-правового обеспечения безопасности на универсальном уровне, основанном на системе коллективной безопасности. Это касается, в частности, вопросов правомерного применения вооруженной силы государствами только на основе права на самооборону в строгом соблюдении всех требований Устава ООН; наличия важного элемента системы коллективной безопасности в виде полномочия СБ ООН от имени всех государств – членов организации действовать на основе глав VI и VII Устава ООН и обязательности решений СБ ООН для всех государств, включая не членов ООН; и, наконец, запрещения применения силы, прежде всего вооруженной, в международных отношениях строго в контексте положений Устава ООН о применении вооруженной силы лишь в общих интересах всех для обеспечения международной безопасности и в контексте запрещения применения силы против территориальной целостности другого государства.

Однако появление концепта гибридной войны позволяет в заметной степени внести элемент неопределенности в попытки, связанные с определением факта агрессии против членов международного сообщества. В подобном качестве концепт гибридной войны на сегодняшний день в нормативно-правовых документах ООН и ОБСЕ отражения не получил. Исключение – некоторые крайне политизированные коалиционные документы НАТО и ЕС, в которых гибридная война рассматривается как форма агрессии против членов указанных организаций, а инициатива в развязывании «гибридной агрессии» в одностороннем порядке приписывается другим государствам.

Угрожающую актуальность приобретают шаги США, направленные на снижение порога самоограничения в применении кибероружия. Президент США Дональд Трамп в августе 2018 года отменил ранее одобренную Баракком Обамой основанную на принципе самоограничения сдерживающую директиву о кибероперациях и подписал указ, упрощающий применение кибероружия. Это даст США возможность практически молниеносно реагировать на возникшие угрозы, что особенно опасно, так как современные технические средства не обеспечивают надежного определения государства-киберагрессора. Такое решение подтверждает предположения о том, что Вашингтон в стратегическом плане готовится к реализации силовых сценариев разрешения противоречий со своими геополитическими противниками.

Проблему представляет также возрастание масштабов, разнообразия средств и скорости информационно-психологического воздействия на объект гибридной агрессии. Информационные системы и технологии воздействия в начале XXI века вышли на новый количественный и качественный уровень, что придает информационному оружию недоступный ранее пространственный масштаб, особую остроту и угрожающую актуальность [3].

Наконец, расширению зоны неопределенности способствует решение США о создании Космических сил, которые должны стать шестым видом ВС США. Вашингтон нацелен на занятие лидирующих позиций в космосе и не намерен прибегать к самоограничению.

Подрывает международные усилия по обеспечению стабильности наращивание жесткой антироссийской составляющей в политике США и НАТО. В законопроекте об ужесточении антироссийских санкций американские сенаторы заявили о необходимости создания в стране Координационного центра для борьбы с гибридными угрозами со стороны России. В таком же духе выдержано «Заявление по итогам саммита НАТО», принятое в Брюсселе 11–12 июля 2018 года, многие разделы которого носят откровенно антироссийский характер.

В документе получили развитие оценки гибридной войны как нового феномена, угрожающего безопасности НАТО. Отмечено, что альянс готов оказать содействие своим членам, подвергшимся гибридной агрессии, вплоть до принятия Североатлантическим советом решения о приведении в действие статьи 5 Вашингтонского договора, как и в случае вооруженного нападения. Альянс создает и группы поддержки по борьбе с гибридными действиями, в задачу которых войдет предоставление адресной, целевой поддержки государствам НАТО по их запросу в обеспечении готовности и реагированию на гибридную агрессию.

Вряд ли можно рассчитывать на использование альянсом механизмов самоограничения в отсутствие сколь-либо внятных представ-

лений о том, как именно в Брюсселе планируется определять источники гибридных угроз и конкретного субъекта – инициатора гибридной войны. Подобная неопределенность повышает угрозу возникновения крупномасштабного конфликта из-за неправильного прочтения намерений сторон, отсутствия согласованной правовой и терминологической основы.

Сегодня задача по разработке стратегий возможных вариантов урегулирования гибридного военного конфликта осложняется размытыми и зыбкими линиями разграничения между войной и миром, внутренними и внешними угрозами нацбезопасности, дозволенными и недозволенными формами борьбы, между защитниками и разрушителями международного права.

Наряду с этим, комплексная взаимозависимость мира и многомерность современных конфликтов, обусловленных глобализацией и информационно-коммуникационной революцией, настоятельно требуют выработки единой согласованной по дипломатическим каналам объединительной позиции, направленной на урегулирование конфликтных ситуаций и развитие сотрудничества. Выработка такой позиции предъявляет жесткие требования к способности политиков, военных и дипломатов действовать в пространстве многомерного гибридного конфликта, к наличию у них компетенций, необходимых для улаживания противоречий в финансово-экономической, информационно-психологической сферах, предотвращения конфронтации в киберпространстве, к сдерживанию процессов неконтролируемого наращивания военной мощи как важного фактора дестабилизации международной обстановки.

Литература и источники:

1. Бочарников И.В. Главный урок. <https://nic-pnb.ru/analytics/glavnyj-urok>.
2. Кокошин А.А. Проблемы обеспечения стратегической стабильности: Теоретические и прикладные вопросы. Изд. 2-е, переработанное и существенно дополненное. М.: Едиториал УРСС, 2011. С. 18
3. Овчинникова О. Информационная война. <https://theslide.ru/uncategorized/informacionnaya-vojna>.

«ДОКТРИНА ГЕРАСИМОВА»: РОССИЙСКИЙ ОТВЕТ НА ЗАПАДНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

*А.В. Манойло,
А.Р. Гончаренко*

В.В. Герасимов был назначен начальником Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – первым заместителем Министра обороны Российской Федерации Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2012 года [4]. В конце января 2013 года Герасимов принял участие в собрании Академии военных наук, где выступил с докладом: новый Начальник ГШ РФ обозначил направления развития военного дела, которые в сложившихся условиях являются приоритетными, и тенденции, в соответствии с которыми нужно развивать военную науку и реформировать армию. На основе доклада вышли статьи «Ценность науки в предвидении» в газете «Военно-промышленный курьер» [3] и «Основные тенденции развития форм и способов применения Вооруженных Сил, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию» в научном журнале «Вестник Академии военных наук» [2]. Газета «Военно-промышленный курьер» печаталась большим тиражом и охватывала широкий круг читателей, не только военнослужащих, за счет публицистического стиля и освещения широкого круга тем, связанных с национальной безопасностью, вооруженными силами, историей и актуальными новостями по военно-политической проблематике, а журнал «Вестник Академии военных наук» рассчитан на более узкий круг читателей, глубоко интересующихся военным делом. Герасимов хотел поделиться своим мнением по поводу изменившегося характера войны не только с профессиональными военными, но и с широкой общественностью, так как в нынешних условиях гражданские люди становятся участниками конфликтов, их мировоззрение и поведение подвергается воздействию противника, получение контроля над их волей – одна из основных задач.

В 2014 году о выступлении В.В. Герасимова вспомнили западные эксперты, пытавшиеся найти причину добровольного вхождения Крыма в состав Российской Федерации. В качестве объяснения ими была приведена «доктрина Герасимова», которая, по их мнению, служит основой для ведения Россией гибридной войны против Запада и Украины. Сам термин «доктрина Герасимова» появился благодаря британскому поли-

тологу Марку Галеотти, который разместил в своем блоге текст статьи «Ценность науки в предвидении» на английском языке со своими комментариями, подобрав броский заголовок. Галеотти позже признался, что не ожидал такого эффекта: люди поверили, что эта статья – «программный» план войны с Западом [16]. Однако не только политики, но и эксперты продолжают использовать «доктрину Герасимова» и «российскую гибридную войну» в качестве аргументов для введения санкций и ограничений в отношении России. Ниже авторы данной статьи рассмотрят контекст, в котором появилась ставшая легендарной статья Герасимова, и ее значение для отечественной военной науки.

Напомним, что концепция гибридной войны появилась в Соединенных Штатах. Классиком принято считать Ф.Г. Хоффмана – американского офицера, военного аналитика и консультанта по вопросам национальной безопасности. В работе «Конфликт в XXI веке: рост гибридных войн» он дал следующее определение: «Гибридные войны включают в себя ряд различных способов ведения войны, в том числе военные возможности, нерегулярные формирования, террористические акты, неизбирательное насилие и принуждение, беспорядки. Эти мультимодальные действия могут проводиться одним или несколькими подразделениями, но, как правило, оперативно и тактически направляются и координируются в рамках единого боевого пространства для достижения синергетического эффекта» [18, р. 14]. Магистерская диссертация офицера морской пехоты США Уильяма Дж. Немета (2002 год), посвященная исследованию событий в Чечне, свидетельствует о том, что в западных военных учебных заведениях шла активная работа по изучению современных конфликтов: Немец обозначил своеобразное сочетание разнообразных средств ведения боевых действий (военные, психологические и информационные операции, партизанскую тактику, привлечение гражданского населения, религиозный фактор, роль террористических актов, добычу и продажу полезных ископаемых) и сделал вывод о том, что современные конфликты относятся к новой парадигме ведения войны – гибридной войне [24]. В четырехлетнем обзоре оборонной политики США (2006 год) американское Министерство обороны зафиксировало ключевые тенденции, которые должны учитываться при планировании: современные угрозы – множественные нерегулярные, асимметричные операции; акцент на информацию и разведданные, а не военную технику; динамичные партнерства вместо союзов; незаметность противников; соперниками национального государства становятся негосударственные акторы; совместные операции различных родов войск будут наиболее эффективны в новых условиях; необходимость боеспособной, адаптирующейся к меняющейся среде и готовой к экспедиционным операциям армии [25, р. v-ix].

Американский политолог Марк Томас считает, что российские военные не были первыми, кто осознал необходимость приведения военной стратегии в соответствие с вызовами новой эпохи, лидерство в этом принадлежит китайскими военным. Однако китайский подход не является абсолютно уникальным: Цяо Лян и Ван Сянсуй, авторы книги «Неограниченная война», переложили классические военные принципы и стратегии на современные условия, причем пришли к пониманию особенностей неограниченной/гибридной войны раньше западных коллег [27]. Китайская концепция неограниченной войны, изложенная офицерами НОАК в 1999 году, упоминается западными исследователями реже работ российского начальника Генштаба, но китайский подход определенно заслуживает внимания. Угрозы для национальной безопасности не ограничиваются военной агрессией, они включают в себя атаки в сфере экономики, СМИ, кибернетическом пространстве и т.д., причем инициировать и осуществлять их могут и негосударственные акторы: мафия, террористические организации, наркокартели, финансовые воротилы и пр. По этой причине современные государства, стремящиеся сохранить свой суверенитет, должны расширить свой подход к безопасности, включив в него сферы политики, экономики, межэтнических и межконфессиональных отношений, культуры, интернет-пространства, космоса и т.д. Следовательно, подход к войне изменился: противостояние происходит с применением комбинаций военных и невоенных инструментов. Такому размыванию границ между военными и невоенными методами ведения борьбы способствовали, по мнению авторов, появление большого числа международных договоров, ограничивающих гонку и распространение вооружений, вмешательства международных организаций в локальные войны и региональные конфликты и появление большого количества новых высоких технологий, позволяющих наносить ущерб государству, не нарушая норм права и часто оставаясь напрямую не связанным с лицом/группой лиц, реализующих подобную операцию (хакерская или террористическая атака, например). В качестве иллюстрации китайские офицеры приводят активно поддерживаемую США операцию ООН в Ираке: военные действия + дипломатические методы ведения борьбы + санкции + медийные инструменты + психологические методы + разведывательная деятельность [21, р. 147]. Именно война в Персидском заливе, по мнению авторов, открыла эпоху нового типа – неограниченных войн [21, р. 204–205]. Цяо Лян и Ван Сянсуй выделили следующие принципы неограниченных войн [21, р. 206–216]:

- всенаправленность (ограничений больше нет: противостояние происходит на всех пространствах, не только на суше, в море, воздухе и космосе, но и в экономике, культуре, политике, информационно-психологическом пространстве; в сражениях уча-

- ствуют не только солдаты, но и гражданские, экспертное сообщество и другие представители невоенных сфер; в военном деле этот принцип означает комбинированное использование всего военного потенциала и ресурсов, имеющихся у государства);
- синхронность (проведение операций на разных «фронтах» в определенный временной промежуток);
 - ограниченные цели (поставленная цель должна быть конкретной, ее достижение должно быть определено по времени и пространству и адекватно соотносится с имеющимися возможностями);
 - неограниченные меры (диапазон проводимых для достижения заданной цели мероприятий не ограничен);
 - асимметрия (нанесение неожиданных ударов противнику по незащищенным и уязвимым для него направлениям);
 - минимальное потребление (использование ресурсов должно быть рациональным и соответствовать цели);
 - многомерная координация (согласованность действий военных и невоенных акторов, принимающих участие в операциях);
 - регулировка и контроль (наблюдение за процессом и внесение необходимых изменений в план проведения операции за счет обратной связи).

Российская военная наука не развивается изолированно: отечественные специалисты следили и следят за изменениями в области военной теории и практики. Венгерские исследователи считают, что статья Начальника ГШ РФ не является руководством, а представляет собой описание сегодняшних войн с опорой на опыт западных военных операций, фактически следствие «длительного, постепенного эволюционного процесса российского военного мышления о природе войны» [19, р. 127]. Они обращают внимание на то, в каком непростом положении находилась российская армия в 1990-х годах [19, р. 117–118], разрушалась не только материально-техническая база, но и тормозилось развитие военной науки. Этот факт игнорируют многие западные авторы, но армия как институт переживала тяжелейший кризис, грозивший утратой вооруженных сил, о чем подробно писал бывший начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерала армии Н.Е. Макаров, предшественник В.В. Герасимова [8]. Полковник Зёнке Мараренс, работающий в Немецком институте оборонных и стратегических исследований, подчеркивает, что впервые в российской работе содержатся результаты осмысления концепций сетецентрической войны (Network-centric warfare), «операции, базирующиеся на достижение эффектов» (EVO) и общегосударственного комплексного подхода (WoG/CA) [22, р. 3–4]. А майор Эндрю Дж. Дункан, сотрудник разведы-

вательного управления Министерства обороны Канады, считает, что некоторые положения из работы Герасимова опираются на теорию глубоких операций, активных мероприятий и теорию рефлексивного управления [14]. Дункан отмечает, что концепция «гибридной войны» не может использоваться для объяснения российской военной стратегии, так как разработанная на Западе концепция не может полно и корректно отражать российскую действительность. Аналитик Управления зарубежных военных исследований США Чарльз К. Бартлз отмечает, что подход Герасимова схож с западным: масштаб военных действий не будет большим; широко будут использоваться сетевые системы управления, робототехника и высокоточное оружие; возрастет значимость межведомственного сотрудничества; увеличение числа операций в городских условиях. Бартлз воспринимает выступления Герасимова более серьезно и объективно, чем многие его коллеги, он подчеркивает, что Герасимов является «главным российским специалистом по оперативно-стратегическому планированию и архитектором будущей структуры российских вооруженных сил и развития потенциала» [11, р. 37].

Изложенное в статьях мнение Герасимова – это не только результат осмысления современных конфликтов, их целей, методов и участников, западного подхода к их ведению, но и продолжение традиций российской военной науки: например, идеи В.Н. Слипченко о новом поколении дистанцированных бесконтактных войн с большой долей вероятности оказали влияние на восприятие Валерием Васильевичем современных конфликтов. Работы В.Н. Слипченко были очень актуальны и полезны для своего времени, но, к сожалению, в 1990 – начале 2000-х гг. военная наука не привлекала достаточного количества кадров, готовых изучать и развивать отечественную традицию, и не получала должного финансирования. В.Н. Слипченко считал, что войны в Персидском заливе, Югославии и операция в Афганистане стали точкой перехода США и их союзников по НАТО к новым бесконтактным войнам. Новое поколение войн характеризуется внедрением высокоточного оружия, ожесточенным характером, прикрытием истинных целей «гуманистическими лозунгами о защите демократии, прав человека, ценностей цивилизации, а по существу будут направлены на разрушение экономического потенциала и свержение (замену) политического строя другой страны», применение разведывательно-ударных боевых систем, использованием невоенных средств борьбы, информационного оружия, первостепенной задачей государства становится собственная защита [9]. Формулу победы в таком типе вооруженного конфликта Слипченко видит следующей: разгром вооруженных сил противника; как правило, на его территории + уничтожение экономического потенциала противника + смена политического строя в проигравшей стране [10, с. 17].

Статья В.В. Герасимова в «Военно-промышленном курьере» трактуется исследователями и политиками в зависимости от их собственных целей: вырванные из общего контекста мысли и предложения используются в качестве аргументов для доказательства весьма странных предположений. Например, украинский преподаватель Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова в пособии для студентов-журналистов пишет о том, что Россия готовилась к войне с Украиной с начала 2000-х, а статья Герасимова описывает «тактику ведения гибридной войны против Украины» [5, с. 19–20]. Американский офицер Скотт Дж. Харр зашел дальше и обратился к русской классике. Он нашел связь между произведениями Л.Н. Толстого «Война и мир» и Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и современным российским видением войны: размывание привычного понимания войны, связанное с отсутствием поля боя, конкретного начала и конца боевых действий, официально воюющих государств, и невозможность выявить и наказать виновных в развязывании вооруженного конфликта [17, р. 40]. Военные специалисты Корпуса морской пехоты США в ходе обсуждения российской военной стратегии сделали следующий вывод о смысле статьи Герасимова: Россия не может победить в прямом военном столкновении с странами НАТО, поэтому будет реализовывать «партизанские» операции, опасаясь открытых столкновений с применением вооруженных сил [13]. Также высказывается мысль о прямой связи этнических русских и успехе таких российских операций: русские, представляющие собой «пятую колонну», подрывают порядок протестами и отказываются подчиняться закону, что создает возможность для вмешательства России с целью защиты своих соотечественников [13, р. 4–5, 13]. Такое восприятие русскоговорящего населения объясняет дискриминацию, которой подвергаются соотечественники в Прибалтике сегодня. При этом основополагающие демократические ценности (свобода выбора, право на самоопределение, равенство и пр.) отходят на второй план, американские военные делают акцент на этнической принадлежности людей, которые помогают Кремлю дестабилизировать политическую обстановку, а не на их интересах и правах.

Однако существуют исследования, нацеленные на объективный анализ работ В.В. Герасимова и объяснение современной российской военной стратегии. Британский исследователь О. Фридман отмечает, что анализ российского подхода к пониманию современных войн через призму западной гибридной войны привел к тому, что у зарубежных политиков и экспертов сложилось искаженное представление о внешнеполитическом курсе нашей страны. Москва прямо выражала стремление обеспечить уважительное отношение к себе и своим интересам на мировой арене в концепциях и доктринальных документах, сообща-

ла о новых передовых образцах вооружения (гиперзвуковое оружие, например), делилась своей точкой зрения по вопросу современных форм и методов ведения боевых действий, опираясь на анализ происходящих в мире конфликтов. Однако, как пишет Фридман, многие действия России оказывались для Запада неожиданными, а в выступлении В.В. Герасимова «западные интерпретаторы видели больше того, что они сами хотели видеть, а не то, что Герасимов хотел сказать» [15, р. 106]. Из-за окончания холодной войны и распада СССР интерес к изучению России снизился, финансирование исследований заметно сократилось, следовательно, число компетентных экспертов уменьшалось, что, по мнению Фридмана, стало причиной непонимания западным обществом российской стратегии и интересов [15, р. 105]. Американский ученый М. Кофман, работающий в Центре военно-морского анализа и Институте Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона, также подчеркивает, что в статье был охвачен широкий спектр конфликтов, а под выделенные Герасимовым характеристики подпадают любые современные виды военно-политических действий государства. Кофман отмечает, что профессиональные специалисты, которые непосредственно работают в области военного планирования и безопасности, воспринимают работу Герасимова адекватно [6]. Мнение Фридмана и Кофмана разделяет американский исследователь Роджер Н. Макдермотт, который считает, что гибридная война – чуждое понятие для российской военной теории и ее подхода к современной войне, а статья Герасимова была призывом для российского военного научного сообщества [23, р. 97–99], чтобы обратить его внимание на новые важные для национальной безопасности вызовы (такие как цветные революции) и выработать отвечающие новым условиям методы борьбы с такими угрозами.

Исследователи из Национальной Академии обороны Австрии зафиксировали различия в интерпретациях «доктрины Герасимова» в разных странах ЕС, Великобритании и Китае. Они приходят к выводу, что западные политические предприниматели толкуют ее в собственных интересах, выдергивая подходящие для их целей фрагменты из текста Герасимова, а полноценной доктрины не существует, есть статья по выступлению начальника ГШ РФ, которой он хотел «пробудить» отечественных военных ученых [12, р. 234–237]. Фабрики мысли также не всегда бывают объективны в своем анализе внешнеполитических курсов стран, их целей и задач на международной арене, особенно когда исследуется Россия. Так, например, Группа стратегических оценок (Strategic Assessment Group, SAG) и Центр анализа европейской политики (Center for European Policy Analysis, CEPА) предоставляли искаженное видение российского внешнеполитического курса в Центральной и Восточной Ев-

ропе, чтобы способствовать «добровольной» передаче суверенитета США для защиты от «российского угрозы» [26].

Таким образом, мысли, озвученные российским начальником Генерального штаба, были своевременны: через год в этом смогли убедиться все. Внешнеполитический курс России опирается на национальные интересы, а не на «антизападные установки и мифические мотивы «гибридной войны»» [20], как это преподносят некоторые западные политики и эксперты. Пресловутая «доктрина Герасимова» и «российская гибридная война» прижились в западном дискурсе из-за того, что просто и доходчиво объясняют западной аудитории необходимость изоляции России, введение многочисленных ограничений и увеличение расходов на борьбу с российской угрозой. Также всё это легитимизируется: раз есть враг в лице России, то необходимо бороться с ним. Заодно удается отвлекать внимание граждан от проблем во внутренней политике и экономике. «Российской угрозой» и «рукой Кремля» также удобно объяснять промахи и неудачи во внутренней политике европейских стран: цены на продукты и топливо растут, потому что Кремль/Путин/русские виноваты – ведут гибридную войну. Те зарубежные специалисты, которые ознакомились с содержанием работы В.В. Герасимова и соотнесли ее с контекстом, в котором она появилась, отмечают своевременность и важность озвученных в ней мыслей, подчеркивая отсутствие в ней планов и стремлений по нанесению вреда конкретным странам. В своем выступлении на Московской конференции по международной безопасности в 2019 году Герасимов подчеркнул: «Методы ведения «гибридной» войны разработаны не нами. Спецслужбы Запада давно применяют их, в первую очередь, против России. Однако, пытаясь замаскировать свои действия, в этом бездоказательно обвиняют нашу страну. Вот только готовых поверить в эту ложь становится все меньше и меньше» [1]. Как показал анализ работ зарубежных специалистов, в «доктрину Герасимова» и «российскую гибридную войну» действительно верят далеко не все.

Литература и источники:

1. Выступление первого заместителя Министра обороны РФ – начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерала армии Валерия Герасимова на конференции MCIS-2019 // Министерство обороны Российской Федерации: [сайт]. <https://mil.ru/mcis/news/more.htm?id=12227590@cmsArticle>.

2. Герасимов В.В. Основные тенденции развития форм и способов применения Вооруженных Сил, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию // Вестник Академии военных наук. 2013. № 1. С. 24–29.

3. Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8 (476). С. 1–3.

4. Герасимов Валерий Васильевич // Министерство обороны Российской Федерации: [сайт].: https://structure.mil.ru/management/info.htm?id=11113936@SD_Employee.
5. Жадько В.О. [и др.] Гібридна війна і журналістика. Проблеми інформаційної безпеки: навчальний посібник / за заг. ред. В.О. Жадька ; ред.-упор.: О.І. Харитоненко, Ю.С. Полтавець. Київ: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2018. 356 с.
6. Зеленков М.Ю., Бочарников И.В. Международные конфликты XXI века. М.: Инфра-М, 2019.
7. Кофман М. Миф о «доктрине Герасимова» // Россия в глобальной политике: [сайт]. [2018]. <https://globalaffairs.ru/articles/mif-o-doktrine-gerasimova>.
8. Макаров Н.Е. Армия на изломе. М.: Кучково поле, 2019. 336 с.
9. Слипченко В.Н. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 384 с.
10. Слипченко В.Н., Гареев М.А. Будущая война. М.: ОГИ, 2005.
11. Bartles C.K. Getting gerasimov right // *Military Review*. 2016. V. 96. №. 1. p. 30–38.
12. Bilban C., Grininger H. Labelling Hybrid Warfare: The «Gerasimov Doctrine» in Think Tank Discourse // *Building Military Science for the Benefit of Society* / eds. Peischel W., Bilban C. Berlin: Carola Hartmann Miles-Verlag, 2020. p. 211–237.
13. Connell M.E., Evans R. Russia's «Ambiguous Warfare» and Implications for the U.S. Marine Corps. Arlington: The Center for Naval Analyses, 2015. 28 p.
14. Duncan A.J. New «Hybrid War» or «Old ‘Dirty Tricks’»? The Gerasimov Debate and Russia's Response to the Contemporary Operating Environment // *Canadian Military Journal*. 2017. V. 17. №. 3 p. 6–16.
15. Fridman O. On the «Gerasimov Doctrine» // *Prism*. 2019. V. 8. №. 2. pp. 100–113.
16. Galeotti M. I'm Sorry for Creating the 'Gerasimov Doctrine' // *Foreign Policy*. <https://foreignpolicy.com/2018/03/05/im-sorry-for-creating-the-gerasimov-doctrine>.
17. Harr S.J. Expanding Tolstoy and Shrinking Dostoyevsky: How Russian Actions in the Information Space are Inverting Doctrinal Paradigms of Warfare // *Military Review*. 2017. T. 97. №. 5. p. 39–48.
18. Hoffman F.G. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. – Arlington: Potomac Institute for Policy Studies. 2007. 72 p.
19. Jójárt K., Rácz A. Contemporary Russian Military Thinking on Conflicts of the 21st Century: Beyond the 'Gerasimov Doctrine' // *Conflicts in the Gray Zone: A Challenge to Adapt*, Budapest: 2020. pp 109–134
20. La Russien'est pas la cause, maisl'aiguillon des populismes // Institut-français des relations internationales. <https://www.ifri.org/fr/espace-media/lifri-medias/russie-nest-cause-laiguillon-populismes>.
21. Liang Q., Xiangsui W. Unrestricted warfare. – Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House Arts, 1999. FBIS Translated Text. 228 p.

22. Marahrens S. The Gerasimov «Doctrine»: The day the West started to fight its own shadow // German Institute for Defence and Strategic Studies. <https://gids-hamburg.de/wp-content/uploads/2019/08/Gerassimov.pdf>.
23. McDermott R. N. Does Russia have a Gerasimov doctrine? // The US Army War College Quarterly: Parameters. – 2016. – V. 46. №. 1. pp. 97–105.
24. Nemeth W. J. Future war and Chechnya: a case for hybrid warfare // Naval Postgraduate School. 2002. 100 p.
25. Quadrennial Defense Review Report. – Washington: U.S. Department of Defense, 2006. 113 p.
26. Stefanovich D. Europe`s Eastern Frontline: The Time of Change // The Russian International Affairs Council. <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/vostochnyy-front-evropy-epokha-peremen>.
27. Thomas M. The Chinese Roots of Hybrid Warfare // The Center for European Policy Analysis. <https://cepa.org/article/the-chinese-roots-of-hybrid-warfare>.

САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В.И. Тымчик

Еще в 2016 году, то есть два года спустя после вооруженного переворота на Украине, в базовой внешнеполитической Стратегии Евросоюза указывалось, что выстраивание отношений с Россией является ключевым вызовом для данной межгосударственной структуры. К этому моменту отношения двух акторов претерпели ряд негативных трансформаций. Они и ранее складывались непросто. С самого своего создания Европейские Сообщества рассматривались как экономическая база НАТО. Определенный период прошел под аккомпанемент теории двух параллельных сосуществующих рынков, то есть автономного, непересекающегося развития Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и Европейского Экономического Союза (ЕЭС), и ставивших своей целью демонстрацию односторонних преимуществ. Лишь в 1988 году между СССР и ЕЭС были установлены дипломатические отношения. Стороны стали активно развивать сотрудничество. Особый акцент был сделан на развитие взаимосвязей в сферах атомной энергетики, торговли, транспорта и др. Импульс сотрудничеству придали отмена количественных ограничений на советский экспорт, за исключением товаров, представляющих особый интерес для ЕЭС и взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле.

С распадом СССР и образованием суверенной России, а чуть позже и Европейского Союза сотрудничество активизировалась. В 1994 году было принято Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), целями которого были объявлены:

- обеспечение политического диалога;
- содействие торговле и инвестициям;
- содействие демократии;
- создание условий для свободной торговли и движения капитала;
- учреждение компаний и трансграничной торговли услугами.

В общей сложности СПС предусматривало более 30 направлений сотрудничества, а в перспективе – создание Зоны свободной торговли. Срок действия СПС был определен в 10 лет, то есть до 2014 года. Одна-

ко пролонгировать его не удалось в связи с событиями в Чеченской Республике, а также прямым противодействием Польши и стран Балтии. Тем не менее соглашение по взаимной договоренности продолжало действовать и после истечения срока. В 1999 году в Хельсинки была принята Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.) [7]. Ее целями были определены:

- обеспечение национальных интересов и повышение роли России в Европе и мире путем создания надежной общей Европейской системы коллективной безопасности;
- привлечение потенциала и опыта Евросоюза для содействия развитию социально-ориентированной рыночной экономики России и дальнейшему строительству демократического правового государства.

В целом, до 2014 года сотрудничество между Российской Федерацией и Европейским Союзом развивалось по восходящей. В 2013 году товарооборот превысил 326,3 млрд евро. Евросоюз стал основным торговым партнером России. Его удельный вес в системе торговых отношений Российской Федерации с зарубежными партнерами составил 52%. В торговле с ЕС сложился положительный баланс: российский экспорт в Европу составил 206,5 млрд евро, а импорт 119,8 млрд евро.

Украинский кризис 2014 года и критическая позиция, занятая Евросоюзом по поводу действий России, кардинально подорвали сотрудничество. Европейский Союз осудил «присоединение Крыма Россией» и «действия по дестабилизации в Восточной Европе».

Осуждая Россию, Евросоюз проигнорировал тот факт, что Украина на протяжении восьми лет планомерно уничтожала население Донбасса, осуществляя политику геноцида населения в данном регионе. С 2014 года сотрудничество Российской Федерации с Европейским Союзом стало терять свою динамику. В 2015 году доля Евросоюза в торговом обороте России снизилась до 44,8%. Товарооборот составил 209,5 млрд евро. В 2016 году снижение показателей продолжилось. Ситуация несколько стабилизировалась лишь в 2017 году, когда взаимный товарооборот достиг 211,8 млрд евро. Подобный тренд во многом объяснялся политическими обстоятельствами: Евросоюз пытался определиться в своем восприятии России после событий 2014 года. Как отмечалось выше, реакцией Евросоюза на новые вызовы стала Глобальная стратегия по внешней политике и политике безопасности, представленная Верховным представителем Европейского Союза по иностранным делам и политики безопасности Ф. Могерини на Саммите в Брюсселе 28 июня 2016 года. Новый документ получил название «Общее видение, общий подход: сильная Европа». Накануне данного

события Ф. Могерини сформулировала пять принципов взаимоотношений с Россией:

1. Полная реализация Минских соглашений как ключевой момент отношений.

2. Укрепление отношений с Восточным Партнером и другими соседями. Предполагалось, в первую очередь, продолжение проектов в рамках Восточного Партнерства.

3. Обеспечение устойчивости Евросоюза, в том числе в сфере энергетической безопасности.

4. Развитие сотрудничества с Российской Федерацией по актуальным вопросам международной повестки дня: Иран, Сирия, Ближний Восток, миграция, борьба с терроризмом, климатические вызовы и др.

5. Поддержка гражданского общества в РФ и связей между людьми в России и Евросоюзе.

Данные принципы получили свое закрепление в Стратегии – 2016. Эксперты в большинстве своем оценили подобный подход как отход от формы СПС 1997 года о стратегическом партнерстве [3, 182].

Формирование новых принципов актуализировало тему санкций. На момент их обнародования против России действовало три пакета санкций:

а) Первый блок – экономические секторальные. Они были продлены в январе и действовали до 31 июля 2016 года. Их отмену еще в 2015 году Евросоюз увязывал с выполнением Минских соглашений. Сегодня же в связи заявлениями экс-канцлера ФРГ А. Меркель и ряда других европейских лидеров стало понятно, что они не собирались содействовать выполнению Минских соглашений, а видели их миссию в предоставлении Украине возможности довооружиться и серьезно подготовиться к военному противостоянию с Россией. На этом фоне политика Евросоюза выглядит особенно циничной.

б) Второй санкционный блок – запрет 146 гражданам и 37 организациям России и провозглашенных республик востока Украины на въезд в Евросоюз. Запрет действовал до 15 сентября 2016 года.

в) Третий блок санкций – визовые и торговые ограничения по Крыму. Они были продлены до 2016 года.

Вопрос о санкциях ставился осторожно. Ф. Могерини подчеркнула, что продление их не должно быть автоматическим. Российский политикум и экспертное сообщество на позицию Евросоюза ответили выдвижением шести принципов нормализации взаимных отношений. Произошло это в формате международного дискуссионного клуба «Валдай» – в докладе «Россия и Европейский Союз: три вопроса о новых принципах отношений» (2016 год):

1) открытость всем партнерам;

- 2) инклюзивность отношений;
- 3) subsidiарность и решение каждого вопроса на оптимальном для этого уровне;
- 4) пропорциональность действий и уровня диалога;
- 5) диверсификация внешних и внешнеэкономических связей;
- 6) безоговорочная отмена Евросоюзом визовых ограничений в отношении жителей Крыма.

Обмен предложениями о новых принципах взаимоотношений принципиально ситуации не изменил. Масштабы сотрудничества продолжали снижаться. За первый квартал 2020 года по сравнению с аналогичным периодом 2019 года снижение составило 10,1%. Экспорт продукции из России при этом упал на 15,1%, а импорт – на 0,4%.

Обстановка усугубилась охватившей планету коронавирусной пандемией и масштабными антироссийскими санкциями, прокатившимися по Европе: дело А. Навального, дело Скрипалей, движение по приостановке проекта «Северный поток – 2» и многое другое. Большинство отечественных экспертов полагают, что за всеми этими провокациями стояли США.

Отношения Российской Федерации и Евросоюза кардинально ухудшились после начала Российской Федерацией Специальной военной операции на Украине. Руководство Евросоюза заняло консолидированную антироссийскую позицию и взяло курс на нанесение поражения России в военном конфликте с Украиной. Для выполнения данной задачи было решено максимально обеспечить потребности Украины в вооружении и военной технике, оказать помощь в подготовке украинских военных к боевым действиям. При этом было заявлено, что Евросоюз не является стороной конфликта и не будет принимать в нем прямого участия.

Подобный подход не способствует урегулированию украинского кризиса. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной 31 марта 2023 года, ему дана исчерпывающая оценка: «Большинство государств Европы проводят агрессивную политику в отношении России, направленную на создание угроз безопасности суверенитету Российской Федерации, получение односторонних экономических преимуществ, подрыв внутривосточной стабильности и размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, создание препятствий для сотрудничества России с союзниками и партнерами» [8].

В новой Концепции указано, что Российская Федерация будет противодействовать данной угрозе.

Подобные формулировки носят беспрецедентный характер и свидетельствуют о глубоком кризисе отношений России и Евросоюза.

В ходе всего периода Специальной военной операции осуществлялось планомерное усиление антироссийских санкций. В апреле-мае 2023 года шло активное обсуждение одиннадцатого пакета, в котором, согласно утечкам из СМИ, предполагается введение наказания других государств за торговлю с Россией.

Что показала санкционная практика Евросоюза?!

Во-первых, предпринятые санкционные ограничения оказались беспрецедентными по своим масштабам. По оценке Председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен от 2 февраля 2023 года, всего было введено против России примерно 14 тыс. санкций. Это больше, чем против всех других государств мира. Ущерб от их применения составил около 160 млрд евро. Заместитель Урсулы фон дер Ляйен – Ж. Боррель назвал другую сумму ущерба – около 300 млрд евро. Цифровое разногласие свидетельствует о некорректной методике подобных просчетов. Так, комментируя оценку Ж. Борреля, эксперты обратили внимание на то, что дипломат не учитывает факторов ценовой конъюнктуры. В частности, Ж. Боррель утверждал, что Россия будет терять до 300 млн евро в день из-за ограничений на импорт нефтепродуктов, при этом он не учел, что снижение продаж нефти в Европе обусловлено было, помимо прочего, уменьшением производственной потребности в ней, в связи со стагнацией европейской экономики и массовым закрытием предприятий промышленности.

Во-вторых, проблемы с поставками углеводородов в Евросоюз из России привели к тому, что, например, цены на газ в Европе в 2022 года побили все рекорды. В апреле 2023 года продолжали оставаться в два раза больше, чем до кризиса. Объемы поставок существенно сократились, но доходы от продаж трубопроводного газа на экспорт в 2022 году составили около 100 млрд долл. США, что в два раза больше, чем в 2021 году [4].

Лидеры Евросоюза рассчитывают, что к 2027 году в результате строительства новых СПГ-мощностей на мировом газовом рынке возникнет профицит предложения. Однако, как минимум до этого времени, цены на газ будут высокими [4].

В-третьих, ситуацию на углеводородном рынке Евросоюза «подогревает» недостаточно аргументированная вера политиков в «зеленую энергетику». Рубежным в данном контексте является 2030 год. Предполагается, что именно в этом году потребление природного газа в Европейском Союзе либо существенно снизится, либо прекратится вообще, так как это необходимо для достижения цели по снижению выбросов в атмосферу. Многие отечественные и зарубежные эксперты скептически оценивают возможность реализации подобной задачи.

Планом Евросоюза REPowerEU предусмотрено сокращение импорта газа на 52% к 2030 г. при условии реализации проектов по строи-

тельству возобновляемых источников энергии и сокращению потребления газа в промышленности на 60%.

В-четвертых, в ответ на санкции Евросоюза Российская Федерация регулярно в качестве ответной меры вводит контрсанкции. Эффект от реализации данной меры весьма впечатляющий. Еще в 2015 году Президент России В.В. Путин в выступлении на Санкт-Петербургском экономическом форуме оценивал потери Евросоюза от контрмер России в 100 млрд долл. США. За этой цифрой, в частности, просматривается запрет на ввоз в РФ продовольствия. В 2013 году Евросоюз ввозил в Россию до 40% продуктов питания. Для сравнения из США РФ получала лишь 4%.

Существенные потери от контрсанкций понесли и отдельные страны Евросоюза. Так, по оценке 2023 года, Италия, например, потеряла от контрмер России до 1,5 млрд долл. США.

В-пятых, Россия в ответ на санкции активно перенацеливает поставки своей продукции, в т.ч. и углеводородной, в дружественные страны других региональных подсистем международных отношений. Так, например, сегодня идут переговоры о поставке 50 млрд м³ газа в год в КНР по трубопроводу «Сила Сибири».

Согласно оценке Главы независимого аналитического агентства нефтегазового сектора Т. Сафроновой, уже сегодня в дружественные государства поставляется до 53% нефтепродуктов. В целом, в 2023 году запланировано поставить в дружественные государства-импортеры: Египет, Турцию, Бразилию, Марокко, Малайзию, Алжир, Тунис, Саудовскую Аравию, Израиль, Индонезию, Шри-Ланку более 80% экспорта нефти и 75% экспорта нефтепродуктов. В последнее время интерес к закупкам проявили ОАЭ и Сенегал: их доля в январе 2023 года составила 5%. Большие партии закупили Ливия, Гана, Гвинея, Куба, Грузия [1].

В-шестых, Россия активно пользуется иными возможностями для продажи своей продукции. Так, например, успешно реализуются возможности, связанные с исключениями из правил: Евросоюз, вводя санкции, вынужден считаться с интересами государств, требующих исключений для себя, например, позиция Венгрии по поводу продукции атомной энергетики. Исключения были введены по санкционному проекту «Потолок цен на российскую нефть» (десятый санкционный пакет).

Потолок цен, например, не затрагивает продукцию, произведенную из смеси нефтепродуктов российского и зарубежного производств.

Польский журнал «Мысль Польская», оценивая санкционную политику Евросоюза в отношении России, писал, что за период 2022 г. было введено более 13 тыс. санкций. Такой залп должен был бы стереть с лица земли любую экономику. Но нет! Россия выдержала этот удар!

В-седьмых, санкционная политика Евросоюза вносит дискомфорт в систему европейского единства, обостряет противоречия между государствами, усиливает кризисные явления в данном межгосударственном образовании.

Конечно, санкции оказывают свое пагубное воздействие на экономику России. По этому поводу хорошо высказался В.В. Путин: «Санкции – это плата за независимость».

Таким образом, в условиях обострения международных отношений в связи с «украинским кризисом» Евросоюз, как и США, занял откровенно русофобскую позицию. Результатом ее стало свертывание и замораживание внешнеполитических, экономических и культурно-гуманитарных связей с Российской Федерацией. Договорно-правовая база сотрудничества фактически утрачивает свою жизнеспособность. Лакмусовой бумажкой отношения Евросоюза к России стали санкции, накладываемые регулярно, зачастую без очевидного повода. Однако постепенно наступает «отрезвление» населения стран Евросоюза, свидетельством чему является антиукраинские митинги, многочисленные призывы граждан к прекращению русофобской политики Запада, направленной на эскалацию конфликта на Украине, восстановление отношений с Российской Федерацией.

В заключение необходимо отметить: Евросоюз – значимый центр мировой силы. Его влияние на международные процессы обусловлено геополитическим статусом, экономической мощью, политическим авторитетом. Российская Федерация на протяжении ряда десятилетий поддерживала с Евросоюзом прочные партнерские отношения. Однако, начиная с 2014 г., сотрудничество стало давать серьезные сбои. Поводом для них стал Украинский кризис. Ситуация усугубилась после начала РФ Специальной военной операции на Украине. Евросоюз полностью поддержал тренд на русофобию, обвиняя Россию в агрессии и стал инициатором антироссийских санкций. Во многом политика современного Евросоюза подчинена интересам США. Многие эксперты утверждают о постепенной, но последовательной утрате данным межгосударственным объединением суверенитета в международной сфере. Сегодня своей политикой накачивания Украины оружием и военной техникой, участием в подготовке военнослужащих Украины к военному противостоянию с российскими военными формированиями Евросоюз вместе с США фактически провоцирует эскалацию конфликта, подводит мир к ядерной катастрофе.

Такая агрессивная политика, естественно, сказалась на экономических, политических, культурно-гуманитарных связях с Россией. Санкционные ограничения лишь усугубили положение. При этом в целом ряде случаев Евросоюз действует вопреки собственным интересам, нанося

себе значительный экономический ущерб. Примером служит санкционная политика в экономической сфере.

Несмотря на обострение отношений, Российская Федерация продолжает сотрудничество, реализуя при этом все возможные инструменты и рассчитывая на будущее. Рано или поздно все равно придется решать вопрос нормализации отношений, восстановлению политических контактов, реанимации экономических и иных международных связей. Предшествующий и современный опыт сотрудничества при решении данных задач, несомненно, окажется востребованным.

Литература и источники:

1. Аналитик Сафронова: РФ поставляет дружественным странам 53% своих нефтепродуктов // Общественная служба новостей URL: <https://www.osnmedia.ru/ekonomika/analitik-safronova-rf-postavlyayet-druzhestvennym-stranam-53-svoih-nefteproduktov/?ysclid=lhyo7obmpa19620664>.
2. Антироссийские санкции: история и современность / Гришин В.И., Гришина О.А., Жидких В.А., Кошкин А.П., Бочарников И.В. Информационно-аналитический вестник / Том Выпуск 7. Москва, 2016.
3. Атаев А.В. Современная мировая политика: Учебник / А.В. Атаев, Н.Н. Бордюжа, А.В. Борисов. Москва: Проспект, 2021.
4. Ермаков В. Цена вопроса // Коммерсантъ. 2023. 14 апреля.
5. Зеленков М.Ю., Бочарников И.В. Международные конфликты XXI века. М.: Инфра-М, 2019.
6. Международный договор «Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.)» от 22.10.1999 // Дипломатический вестник. 1999 г. № 11.
7. Постсоветское пространство 30 лет спустя / Кошкин А.П., Бочарников И.В., Манойло А.В., Бондалетов В.В., Глазунов О.Н., Давыдова Ю.А., Денисенкова Н.Н., Масликов В.А., Новиков А.В., Овсянникова О.А., Перенджиев А.Н., Севостьянов П.И., Черданцев В.В. Москва, 2021.
8. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ СТРАН ЗАПАДА, КАК ИНСТРУМЕНТ ДОМИНИРОВАНИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

И.И. Идилов

Страны Запада приступили к долгосрочной стратегии, направленной на сдерживание и ослабление России [7]. Актуальность темы заключается в том, что после объявления странами Запада экономических санкций в отношении России в мировой экономике возникла серьезная проблема, вызвавшая экономический спад не только в российской экономике, но и в развитых западных странах.

Президент РФ В.В. Путин считает, что западными странами принята долгосрочная стратегия, которая направлена на ослабление России. При этом отмечено, что западные санкции окажут серьезное влияние на всю мировую экономику [7].

На сегодняшний день 60% мирового ВВП (по состоянию на 2021 год) приходится на 38 стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а в 2000 год эта доля составляла 72%.

Предполагается, что к 2060 году удельный вес стран ОЭСР в мировом ВВП снизится до 43%, а экономическим центром планеты станет Азия во главе с Китаем. Рост уровня жизни, при его исчислении в единицах ВВП на душу населения, в странах ОЭСР не будет превышать 2%, а в странах BRICS он превысит значение в 2% в год.

Безусловно, страны золотого миллиарда не могут примириться со сценариями такого развития мировой экономики [1, 9]. Поэтому захват странами Запада власти в Украине в 2014 году является логическим продолжением политики мировой гегемонии, проводимой США и направлено на отдаленное будущее.

После соединения Западной и Восточной Германии западными политиками были даны российским гражданам исчерпывающие обещания, что НАТО не будет продвигаться на Восток. Тем не менее в 2014 году на Украине странами Запада, прежде всего США, был осуществлен государственный переворот и незаконный захват власти. Все это стало возможным из-за предательства украинских националистов перед собственным народом и неэффективной политики Президента Украины В. Януковича.

К сожалению, в случае с Украиной политики Запада зашли слишком далеко. Приблизив инфраструктуру НАТО к границам России, они поставили мир на грань ядерной войны. Политики США второй раз в истории,

после Карибского кризиса 1962 года, подводят человечество к пропасти тотального уничтожения. Не надо быть большим провидцем, чтобы понять, что "Западным политикам нужна не Украина, а раздробленная на мелкие части и ослабленная Россия [5].

Последние 30 лет страны НАТО целенаправленно, прикрываясь лозунгами о демократии, разрабатывали план по размещению атомного оружия на Украине с последующим развязыванием крупномасштабной войны против России. Основной задачей являлась реализация стратегии глобального удара.

Конечной целью США в политике являлось:

- ослабление влияния на Европу со стороны России и Китая;
- лишение стран Европы самостоятельного политического голоса в мире и усиление ее зависимости от США;
- повышение уровня враждебности между народами стран Европы и России.

Целями США в экономике являлись:

- решение проблем США с перепроизводством и высоким уровнем внешнего долга (в 2020 году – около 27 трлн при ВВП 20,8 трлн долл.);
- уничтожение в результате конфликта с Россией значительной части производственных фондов в Центральной Европе;
- замедление темпов развития Китая;
- превращение Европы в экономический придаток и рынок сбыта товаров из США [5, 7].

В странах Запада нет единства между политическими элитами относительно стратегического развития и будущего своих стран.

К примеру, экс-президент США Д. Трамп жестко критикует администрацию Д. Байдена за поставки летального оружия на Украину. Такие поставки на языке международного права равносильны объявлению войны. Д. Трамп назвал нынешнего главу страны Д. Байдена «врагом государства» и самым худшим Президентом США за всю ее историю.

Бывший канцлер ФРГ Герхард Шредер также заявил, что западные страны совершают серьезную ошибку, помогая Украине: они становятся все более зависимыми от США. На самом деле США вступают в соревнование с Китаем за глобальную гегемонию. С Китаем, а не с Россией, которая не имеет конкурентов в экономическом плане.

Герхард Шредер отметил, что имеется реальная угроза недостатка энергетических мощностей для ФРГ, в случае доминирования идеологических мотивов в развитии атомной энергетики. Указано, что станет невозможным обеспечение электричеством в общей сложности 20 млн домохозяйств. Если в Германии не продлить работу трех оставшихся атомных электростанций, в стране может наступить полный блэкаут.

Энергетический кризис, который начался в Европе с осени 2021 года, в настоящее время продолжает усугубляться [4, 8]. За всю историю в Европе не наблюдалось такого высокого уровня цен на газ и электричество. Согласно выводам энергетических компаний государств Евросоюза, рост счетов граждан за потребляемую электроэнергию в 2022 году, в сравнении с 2021 годом, в зависимости от страны потребления, составил 250–600%.

В настоящее время правительство Германии возобновило процесс изучения вопросов о продлении сроков эксплуатации трех АЭС, несмотря на активные протестные выступления партии «зеленых».

Как известно, в 2011 году Германией были приняты меры по отказу от использования атомной энергии как ответ на аварию АЭС «Фукусима» в Японии. Три АЭС из шести, располагавшихся в ФРГ, были отключены от сети в начале 2022 года, оставшиеся три (в Баварии, Нижней Саксонии и Баден-Вюртемберге) планировалось отключить после 2022 года.

Больше половины британских заводов рискуют разориться из-за роста цен на электроэнергию. Шесть из десяти британских заводов находятся под угрозой закрытия.

В Великобритании экономические потрясения и финансовая нестабильность» несут «потенциальные последствия для увеличения числа преступности. К ним относятся «потребительские» преступления, такие как кража в магазине, кражи со взломом и угон транспортных средств, онлайн-мошеничество и шантаж, а также преступления, которые «связаны с финансовой уязвимостью». На региональном уровне Великобритании следует ожидать рост детской преступности на почве увеличения потребления наркотиков. Высокий уровень финансовой уязвимости может подвергнуть госструктуры большому риску коррупции, особенно среди тех, кто попадает в значительные долги или финансовые трудности.

В Европейских странах имеют место случаи полной остановки заводов по производству удобрений в таких странах, как Литва (компания «Achema»), Словакия. В Германии закрыты два сталелитейных комбината (Arcelor Mittal). В Нидерландах производство цветов и тепличных овощей, в которых использовалось газовое отопление сократилось на 40%.

Потребители Германии испытывает состояние шока, вызванного ростом цен на электроэнергию в 2022 году, в сравнении с 2021 годом более чем на 600%. В 2019 году почти 50% импорта природного газа Германии приходилось на Россию. В 2022 году промышленность Германии, которая была ведущей отраслью экономики Европы из-за колебаний цен на газ, оказалась наиболее уязвимой.

Исчезновение дешевого газа усугубляет энергетический кризис в Европе. Рынки электроэнергии готовятся к тяжелым изменениям, которые связаны, в первую очередь, с высокой стоимостью природного газа и дефицитом электроэнергии. США, развязавшие конфликт на Украине, получают сверхприбыли с энергокризиса.

Разница в ценах на газ на рынках Европы и США в 2022 году составляли в 10 раз. В связи с этим, уровень сверхприбыли по поставкам СПГ в Европу, получаемой компаниями США, превысил 100 млн долларов с каждого судна. Сверхдоходы также получают американские производители оружия и продовольствия.

На наш взгляд, России в скором времени стоит ждать начала усиления протестных настроений населения западных стран против политики, проводимой их властными структурами.

Мы считаем, что в России основной пик негативных последствий для ее экономики уже преодолен, так как отмечается процесс достаточно высокой адаптации российских предприятий под новые условия хозяйствования. Неуправляемого коллапса экономики России, на который рассчитывали политики из недружественных стран, удалось избежать. Разрушенные цепочки межотраслевых связей с европейскими партнерами, замещены на азиатские и, в первую очередь китайские [4, 6].

В российской экономике не наблюдалось массовых банкротств и процедур закрытия предприятий, не было дефолтов, отсутствовали фатальные деструктивные процессы, не произошло всплеска уровня безработицы и обвала доходов граждан, финансовая система страны, вопреки ожиданиям политических элит и недоброжелателей из стран Запада, гибко ответила на современные вызовы и продолжает устойчиво функционировать [5, 6].

Наблюдается некоторое снижение темпов падения российской экономики по индексу выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности. Так, если в июне 2022 г. темпы снижения достигали 4,7%, а в июле 3%, в сравнении с предыдущим годом, то в целом за второй квартал 2022 года снижение темпов ВВП составило лишь 2,3% [4, 6]. Ожидается, что по итогам 2023 года рост ВВП составит 1–1,5%.

Инвестиции в основной капитал выросли на 4%, тогда как ранее падали на 20%. В России, несмотря на прогнозирование тенденций по сокращению строительного производства, рост их объемов во втором квартале 2022 года, в сравнении с 2021 годом, составил 4,5%. В 2023 году отмечался рост стоимости жилья, что свидетельствует о потенциальном спросе на рынке строительной индустрии.

Из всех сегментов российской экономики лишь добыча полезных ископаемых выделяется в худшую сторону, тогда как обрабатывающая промышленность почти на 80% восстановилась [6].

Промышленное производство демонстрирует стабильность. Рынок ОФЗ полностью стабилен, фондовый рынок растет, банковская система устойчива, кредитование уже восстановилось [4, 8]. Можно констатировать, что экономика России успешно преодолела санкционное давление недружественных стран.

Список использованных источников

- 1 Абалкин Л.И. На перепутье: Размышления о судьбах России. М., 1993 г.
- 2 Зеленков М.Ю., Бочарников И.В. Международные конфликты XXI века. М.: Инфра-М, 2019.
- 3 Идилов И.И., Абдулвагапова А.А. Анализ механизмов государственной поддержки малых инновационных предприятий в Чеченской Республике. Вестник КНИИ РАН. -2022. <https://kniiran.ru/index.php/vestnik-kniiran-seriya-socialnye-i-gumanitarnye-nauki/78-informaciya/2015-vestnik-knii-ran-seriya-sotsialnye-i-gumanitarnye-nauki-2-2>.
- 4 Идилов И.И., Абубакарова М.М. Финансово-правовой механизм функционирования системы инновационного развития региона // Развитие финансовых рынков субъектов Российской Федерации в условиях сохранения международных санкций Сборник материалов III Межвузовского научно-практического семинара. – 2016. С. 59–62.
- 5 Латыпов Р.М. Аспекты информационного противоборства. Москва, Внешторгиздат, 2015 г.
- 6 Магомаева Л.Р., Абдурахманова М.М., Магомаев Т.Р. Необходимость выработки защитных мер по поддержанию и устойчивому функционированию банковской экосистемы России. Вестник ГГНТУ (гуманитарные и социально-экономические науки). 2021.
- 7 Путин В.В. Совещание о мерах социально-экономической поддержки регионов от 16 марта 2022 г. <http://kremlin.ru/events/president/news>.
- 8 Modern aspects of the development of internet-economy in Russia [Text] / Gnezdova Y.V., Chernyavskaya Y.A., Rubtsova L.N., Soldatova N.F., Idilov I.I. // Journal of Internet Banking and Commerce. – 2016. Т. 21. № SPEC.ISSUE 4;
- 9 Veselovsky M. Y., Gnezdova J. V., Romanova J. A., Kirova I.V., Idilov I. I. The Strategy of a Region Development under the Conditions of New Actual Economic. Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – N. 5. – P. 310–317.

КАСПИЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ

*И.В. Бочарников,
В.Н. Ремарчук*

В последнее время Каспийский регион оказался в центре внимания ведущих мировых акторов от России и США, до Китая, Индии, стран арабского Востока и ЕС. Свидетельством тому является та активность первых лиц и глав внешнеполитических ведомств данных государств и сообществ. Только лишь в мае 2023 года вокруг региона и в самом регионе произошли знаковые мероприятия с участием ведущих мировых и региональных акторов.

Прежде всего, это прошедший в Сиане 18–19 мая саммит «Китай+5» (Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан). Практически одновременно в Астане проходил Второй экономический форум «ЕС – Центральная Азия», саммит Евразийского экономического союза в Москве 25 мая. И, конечно же, свою лепту в развитие ситуации в регионе по традиции вносят США посредством попыток реформирования политического пространства Центрально-азиатского региона под свои интересы, о чем свидетельствует мартовское турне в Казахстан Э. Блинкина в рамках С 1+5.

Все это свидетельствует о начале очередной большой геополитической игры, в которую будут вовлечены и страны Каспийского региона, в том числе и Россия. И от того, насколько они будут готовы к этой «игре» будет зависеть будущее мироустройства. Очевидно, что те события, которые имеют место в рамках эскалации украинского кризиса – это всего лишь прелюдия к масштабной трансформации мирового порядка. И эпицентром этой глобальной трансформации будет именно Центральная Азия и непосредственно Каспийский регион.

Поэтому применительно к разворачивающимся процессам в Каспийском регионе и непосредственной близости к нему в ближайшей перспективе мы будем свидетелями не одной «Большой игры», а комплекса, системы больших и малых игр, своего рода геополитического чемпионата, в котором Россия не может позволить себе быть отстраненным зрителем. Хотя именно это – выдавливание России из региона и ставится целью рядом стран, прежде всего, из категории так называемого коллективного Запада.

Это обусловлено стратегической значимостью Каспийского региона, географическое положение которого на Евразийском континенте,

по мнению большинства геополитиков, является ключевым для всей геополитики в целом. Поскольку Евразия, по словам Х. Маккиндера является геополитической осью планеты, то осью этого суперконтинента, безусловно, является Каспийский регион. Каспийское море делит Евразию на две зоны – Западную (Европа) и Восточную (Азия). При этом очевидно, что Каспий является не просто географической осью самой Евразии, но и своего рода мостом (или коридором) между двумя культурными континентами. Именно на этом свойстве Каспийского региона акцентировал внимание выдающийся отечественный мыслитель-евразиец Л.Н. Гумилев, в своей книге «Тысячелетие вокруг Каспия», описывая пассионарные толчки в Евразии [4].

Самым крупным и влиятельным геополитическим субъектом этого региона была и остается Россия. Именно она всегда (по крайней мере – последние три столетия) и владела самой осью Евразии – Каспийским морем. Это и предопределило ее успешную геополитическую стратегию, начиная с каспийского похода Петра I, вплоть до периода биполярного американо-советского противостояния.

Уникальность Каспийского региона заключается в том, что именно здесь сосредоточены ключевые геополитические интересы России. Это доказано всей логикой развития российской государственности. Благодаря евразийскому направлению Россия стала ведущим государством мирового сообщества.

И сейчас Каспийский регион – это форпост России на центрально-азиатском направлении с последующим выходом на Ближний Восток, в Юго-Восточную Азию, в целом в Азиатско-Тихоокеанский регион – наиболее динамично развивающийся в настоящее время.

Для России Каспийский регион – это точка опоры и основа реализации ее евразийской геополитической стратегии, являющейся для нее приоритетным направлением.

Эту истину мы зачастую игнорировали и все время поглядывали на Запад в ожидании того, что нас когда-то в какое-то европейское сообщество примут и начнут поучать, поучать те, кто своим физическим существованием обязан России.

Самая главная проблема развития российской государственности заключается в реализации мессианской идеологии. Наша страна постоянно кого-то спасала, выручала, помогала. Особенно это касается Европы.

Мы слишком много потратили времени, сил, ресурсов, национальных богатств и самое главное – людей для того, что бы спасти и спасти Европу и европейскую цивилизацию. Между тем, сама Европа вспоминает о России только тогда, когда ей угрожает какая-либо опасность. События не только последних десятилетий, но и столетий свидетельствуют о том, что всякий раз, когда жизненно важным вопросам, особенно свя-

занным с обеспечением безопасности, угрожала какая-либо значимая угроза, взоры европейцев обращались в сторону России и всякий раз, когда они с ее помощью решались, в Европе разворачивалась разнузданная антироссийская кампания. И это, очевидно, закономерность.

В связи с этим вновь подтверждаются слова начальника Главного штаба Русской армии Н.И. Обручева о том, что: «Если Россия бедна и слаба, то это, прежде всего потому, что очень часто она неправильно решала самые коренные политические вопросы: где следует и где не следует жертвовать своим достоянием» [1].

Эта геостратегическая «наивность» дорого обошлась нашей стране, нашему народу. В следующем году будет отмечаться 80-летие освободительного похода Красной армии. Тогда наших солдат встречали цветами. Более миллиона наших и офицеров отдали жизни за освобождение Европы³. Тогда это понимали и ставили им памятники. А сейчас памятники советским воинам, отдавшим жизнь за спасение Европы, оскверняют и сносят. Кощунство. Да. Но не только. Это, во-первых, следствие европейского беспамятства, а во-вторых, нашей наивности. К тому же, как оказалось, следуя логике современных европейских политиков, им освобождение 79 лет назад вообще-то и не нужно было. В итоге Европа все равно вернулась к нацизму и тоталитаризму, только теперь уже не к немецкому, а к англо-саксонскому [2]. И это, увы, закономерный итог нашей благотворительной политики. Равно как и закономерно неприятие России спасенных от нацистов европейцев. Существует непреложная истина относительно того, что благодетелей не любят, их используют. А после того как они выполнят свою благотворительную миссию, ими тяготятся и ненавидят [3].

В свое время Александр III после очередного предательства России одной из освобожденных ею балканских стран в сердцах сказал: «Все Балканы не стоят, драгоценной капли русской крови». Думается, что не только Балканы, но и остальные русофобские страны и регионы Европы.

Интересы России не в Европе, которая уже постепенно становится периферией мировой политики и экономики, – они в Евразии. Соответственно, доминантой развития России является ее евразийское направление. Это предполагает определение соответствующих приоритетов.

В этой связи, очевидно, нам необходимо переосмысление евразийской геополитической стратегии и, прежде всего, на ее ключевом на-

³ Так, например, в боях за освобождение Польши сложили головы свыше 600 тысяч советских воинов, что значительно больше, чем наши потери в ходе освободительной миссии Красной армии в Чехословакии (свыше 140 тысяч человек), в Румынии (около 69 тысяч человек), в восточных районах Югославии (8 тысяч человек), в Венгрии (свыше 140 тысяч человек), в норвежской провинции Финмарк (2 тысячи человек), в восточных районах Австрии (около 26 тысяч человек), в восточных районах Германии (102 тысячи человек). *Прим. автора.*

правлении – каспийском. Многого достигнуто, но все это вчерашний день. Реалиями современной политики является постепенное ослабление позиций России в регионе, ее выдавливание. Регион находится под мощным политическим, дипломатическим и информационно-психологическим антироссийским прессингом наших противников.

Плоды этого антироссийского прессинга уже очевидны. Мы получаем своего рода «антироссии» уже не только на Украине, но и в ряде государств Центральной Азии и непосредственно Каспийского региона. Это является следствием нашего безучастного отношения к антироссийской деятельности зарубежных спецслужб и различного рода враждебных НКО. По сути, мы являемся свидетелями того, как в странах Центральной Азии, а также непосредственно Каспийского региона формируются враждебная антироссийская политическая среда, по сути такая же, как в Прибалтике и на Украине.

В противодействии враждебной политике мы, безусловно, отстаем и закономерно получаем формирование пока недружественного, а затем и откровенного враждебного окружения. А отстающих, как говорил И.В. Сталин, бьют. Мы должны преодолевать это отставание, иначе нас сомнут⁴.

Для того, что исключить развитие враждебной обстановки вокруг Российской Федерации необходимо кардинально пересмотреть подходы к выстраиванию отношений с сопредельными странами.

Более чем тридцатилетняя практика развития отношений с ними показала свою неэффективность. Ставка на выгодность и торгово-экономическую целесообразность, решение экспортных и других проблем наших сырьевых корпораций закономерно привела к конъюнктурности и сиюминутности. При этом была проигнорирована ценностно-мировоззренческая составляющая политики с сопредельными странами. А наши противники – США, Британия и некоторые другие акторы – этим воспользовались. Пример Украины в этом плане весьма показателен. Мы затратили более 280 млрд долл на различного рода экономическую помощь Украине и ее олигархату, а США затратили всего лишь 5 млрд, работая с молодежью формируя из нее социальную основу АнтиРоссии. И у них это получилось, причем не только на Украине. Аналогичным образом мы фактически потеряли Прибалтику и почти потеряли Грузию. Да и в прикаспийских Азербайджане и Казахстане все чаще проявляются русофобские настроения, что свидетельствует о целенаправленной политике по формированию враждебности у населения этих стран к России.

⁴ В оригинале эта фраза звучит следующим образом «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [6, 29].

Недопустить формирование враждебного окружения – первостепенная задача нашей внешней политики с тем, чтобы в последующем не выражать «глубокую озабоченность». И это особенно значимо в условиях развязанной странами коллективного Запада против России очередной «войны».

Принципиально важно создавать благоприятную внешнеполитическую среду. Между тем, зачастую мы, по сути, подыгрываем нашим противникам в реализации их внешней политики, в том числе и на каспийском направлении.

Почему, например, мы не признаем легитимным правительство Афганистана? Ждем, когда его признает ООН, фактически находящаяся под контролем США. Другими словами, когда правительство Афганистана признают сами США? Они его и не признают, точно также, как не признают правительство Ирана, дипломатические отношения с которым разорваны у американцев еще в 1980 году.

Думается с учетом проявившегося тренда относительно того, что ведущие мировые акторы начинают игнорировать международное право и ставить во главу угла сочиненные ими правила, России также следует определить для себя правила, особенно для ключевых для ее интересов и безопасности вопросов мировой политики и дипломатии, а не ждать реакции тех, кто сам же и попирает международное право.

И Иран, и Афганистан – ключевые государства Центрально-Азиатского региона, а Иран еще и непосредственно Каспийского. Установление и развитие с ними полноценных дипломатических отношений в значительной мере будет соответствовать национальным интересам России.

Здесь нас учит опыт истории. Ведь точно также почти 100 лет назад, когда молодая Советская Республика находилась во враждебном окружении именно с Ираном и Афганистаном, равно как и с Турцией, были подписаны первые дипломатические акты. Это позволило СССР прорвать дипломатическую блокаду. Советское правительство тогда не ждало разрешения на это со стороны Лиги Наций. Почему мы сейчас ждем реакции, честно говоря, мало дееспособной ООН?

В целом же, думается, нам необходимо полностью пересмотреть участие России в различного рода санкциях, как в отношении Афганистана, так и КНДР, Ливии и других неугодных США стран. Ситуация в этом, по сути, беспрецедентная. Мы совместно с американцами и их союзниками, обложившими нас санкциями, участвуем в санкциях против государств, которые нас поддерживают или готовы поддерживать. Помимо этого, чрезвычайно важным является выстраивание отношений с Пакистаном, да и в целом с Исламским миром.

Уникальность Каспийского региона заключается в том, что здесь находится зона сопряжения трех мировых религий: Христианства, Ис-

лама и Буддизма. У России имеется опыт конструктивного межконфессионального и межэтнического взаимодействия. Как писал в свое время И.А. Ильин «Сколько молодых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла» [5, 257]. Причем сохранила не только нации и народности, но и их традиции, культуру, верования и другие критерии определения их идентичности. Этого не было и не могло быть у западной цивилизации, ориентированной на порабощение, обман и паразитирование на других народах и цивилизациях.

Это наш ресурс, апробированный многовековой практикой взаимодействия. Сама по себе логика развития российской государственности на протяжении столетий базировалась на реализации принципа «собирания земель». Сейчас очевидно, что ее конструктивный потенциал этой политики может быть использован для собирания уже не земель, а союзников, в которых Россия чрезвычайно нуждается.

Нам нужно собирать союзников, а не отталкивать их или игнорировать. И Каспий – самое место для этой стратегии.

По сути, это и есть та «мягкая сила», о которой пишут западные аналитики и политтехнологи. Мы недооцениваем или даже игнорируем этот важнейший концепт современной политической реальности. Примечательно, например, что в утвержденной в марте 2023 года Концепции внешней политики Российской Федерации [7] нет упоминания о мягкой силе как потенциале достижения национальных интересов.

В то же время для американцев и натовцев это одно из основных направлений их внешнеполитической деятельности, судя по документам стратегического планирования, принятым в 2022 году [8, 9].

США именно посредством технологий «мягкой силы» обеспечивают реализацию своих интересов. Примечательно, что впервые в официальный оборот термин «мягкая сила» был введен в 1990 году Дж. Наем в книге «Обязанный лидировать. Изменение природы американской власти» [10]. Развитые в последующих его работах, положения концепта «мягкой силы» стали в значительной определяющими в эволюции современных мировых политических процессов. Игнорирование мягкой силы, неиспользование ее в современной политической практике едва ли оправданно.

При этом, очевидно, что «мягкая сила» – это не мессианство, стремление всех спасти и всем помогать. Это, прежде всего, создание привлекательного образа государства и его политики и стимулирование к подражанию, воспроизводству или, по крайней мере, сохранению ценностно-мировоззренческих установок, определяющих политическое поведение как отдельных субъектов, так и сообществ. То, что идут процессы реформирования массового сознания, это и есть следствие реализации

технологий «мягкой силы» по отношению к населению как нашей страны, так и населения сопредельных России стран. Предотвращение размывания и девальвации традиционных ценностей является одним из важнейших направлений внешней политики России, в том числе на евразийском направлении. И здесь необходимы свои инструменты «мягкой силы».

Рассматривая евразийскую политику в целом и непосредственно на ее каспийском стратегическом направлении, очевидно, следует акцентировать внимание и на том, что в процессе ее реализации России предстоит иметь дело со странами и народами региона, но и с теми, кто, не имея отношения к Каспийскому региону, но тем не менее заявляет о своих претензиях на влияние на политические процессы в нем. Речь идет, прежде всего, о США и Британии, а также тех, кто вовлечен ими в политику эскалации международной ситуации. В принятых в 2022 году документах стратегического планирования США и НАТО в прямой постановке не говорится о намерениях в отношении Каспийского региона, но применительно к Центрально-Азиатскому и Индо-Тихоокеанскому (как США называют Азиатско-Тихоокеанский регион) претензии на лидерство заявляются открыто. А это означает неизбежность столкновения интересов как с Китаем, так и с Российской Федерацией. И очевидно, что Каспийский регион едва ли будет в стороне от «столкновения цивилизаций». Поэтому к этому, конечно, нужно готовиться и в то же время понимать, что США никогда не разговаривали с нами, да и вообще с кем бы то ни было на языке дипломатии или общепринятых норм. У них свой язык. Как отметил в свое время Г. Кисинджер, характеризуя события, связанные с Карибским кризисом, «русские играли с нами в шахматы, а мы с ними – в покер». В покер они продолжают играть и сейчас. Этот важнейший сущностной признак американской внешней политики необходимо учитывать, в том числе в реализации евразийской геополитической стратегии на каспийском направлении.

Очевидно, что важнейшим трендом современного развития мирового сообщества является битва за умы. Мы не имеем права эту битву проиграть. Между тем, российская система образования, начиная с дореволюционных времен и вплоть до сегодняшнего дня, ориентирована на «европейскость». Мы не десятилетиями, а столетиями изучаем западную философию, социологию, политологию, вариант «норманнской теории» истории России и т.д. Иными словами, мы сами добровольно формируем мировоззрение западноцентричной – нероссийской личности. В то же время работы наших отечественных мыслителей Л.Н. Гумилева, Н.Я. Данилевского, А.А. Зиновьева, И.А. Ильина, Н.И. Костомарова, К.Н. Леонтьева, П.Н. Савицкого, Б.Н. Чичерина и многих других ни в вузах, ни тем более в школах не изучаются.

Российская научная мысль фактически изгнана из учебного процесса и является лишь достоянием узкого круга специалистов. В этих условиях говорить о формировании российской ментальности не приходится. Поскольку, более чем очевидно, что незнание порождает не понимание, которое в свое очередь формирует отторжение.

Поэтому для того, что проводить эффективную евразийскую политику нам необходимо, наряду с изучением теоретического работ зарубежных авторов, обратиться к нашему историческому и теоретическому наследию, особенно евразийскому.

Литература и источники:

1. Аналитическая записка начальника Главного штаба. Основные исторические вопросы России и наша готовность к их решению // Документы русской истории. Приложение к журналу Родина, 1994. № 6
2. Бочарников И.В. Тоталитаризм первой половины XXI века – пост-демократический, англосаксонский // Вестник ученых-международников. 2022. № 2 (20). С. 104–120.
3. Бочарников И.В. Россия в условиях глобализации // Власть. 2002. №3. С. 44.
4. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: ТОО «Мишель и Кя», 1993.
5. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. В 2 т. – М, 1992. – Т. 1 – С. 257.
6. Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Сочинения. Т. 13. С. 29.
7. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/#review>.
8. National Security Strategic. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf>.
9. Стратегическая концепция НАТО 2022 года. https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf.
10. Nye J. Bound to lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОЙ ВРАЖДЕБНОСТИ ЗАПАДА

А.А. Кулаков

Основной вектор современного мирового развития состоит в ослаблении позиций глобального доминирования США и стран западной цивилизации в экономической, идеологической, культурной и, как следствие, политической сферах. Это обуславливает усиление противоборства США с Россией и Китаем, которое протекает в форме гибридной войны. Она связана с планами США уничтожить Россию с помощью наращивания гибридных угроз (враждебных действий) США и их союзников в политической, экономической, информационной, социальной и военной сферах. Межцивилизационный антагонистический конфликт стран Запада и России актуализирует проблему поиска действительных национальных интересов Российской Федерации, её места, приоритетов и методов внешней политики в формирующемся многополярном мире.

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении особенностей эволюции внешней политики Российской Федерации в новейшей истории, в показе проблем, которые необходимо преодолеть для выстраивания сильной внешней политики России в условиях гибридной войны со странами Запада.

Распад СССР стал национальной трагедией и лакмусовой бумажкой отношения Запада к новой России. Не имеющий исторического прецедента столь стремительный обратный формационный скачок от «реального социализма» к либерально-рыночному капитализму, никак и никем не ожидаемый переход от конфронтационной биполярности к монополярной однополярности США предопределили надежды Б. Ельцина и его ближайшего окружения на устранение былых геополитических антагонизмов. В 1990-е годы просматривался переизбыток завышенных ожиданий политической элиты России относительно готовности стран Запада во главе с США к равноправному диалогу с нашей страной. Это отчетливо проявилось в связи с разработкой первой концептуальной модели внешней политики России 1993 г., которая по ряду базовых параметров имела, к сожалению, ярко выраженный американоцентричный характер.

Иллюзии, заблуждения и ошибки авторов Концепции внешней политики РФ 1993 г. [3, с. 27–60], отмечает российский политолог М.А. Неймарк, зеркально «отражали сложнейшие объективные условия, в которых она разрабатывалась: кризис государственной субъектности, системно-формационная трансформация советского государственного строя, глубочайший социально-экономический кризис и, как следствие, кризис адаптации к изменениям внутри страны и на международной арене» [10, с. 173].

С распадом СССР обрушились основы советской идентичности с вытекающими отсюда внутривнутриполитическими последствиями, которые незамедлительно сказались на базовых политических (дипломатических), экономических, военно-стратегических, культурно-мировоззренческих параметрах геополитического статуса страны.

Не имеющий исторического прецедента переход суверенного государства от социализма к либерально-рыночному капитализму предопределила поспешность политической элиты новой России в принятии политической установки на одностороннюю стратегическую конвергенцию с Западом. Эти подходы были отражены в основных положениях военно-политических документов новой России – Концепции внешней политики РФ 1993 г., Основных положениях Военной доктрины РФ 1993 г. (утверждены Указом Президента РФ от 2 ноября 1993 г. № 1833) [3, с. 3–26], Концепции национальной безопасности РФ 1997 г. (утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300) [3, с. 206–250]. В этой связи принципиальное возражение вызывает ошибочная общественная точка зрения (тех лет), сводящая совокупность множественных факторов и причин исчезновения Советского Союза и его «обратного» формационного скачка от социализма к капитализму к промаху дипломатии: утверждают будто «именно дипломатия, а не системный кризис государственного управления в СССР привела к объединению Германии, отказу СССР от своего превосходства в обычных вооружениях, краху Организации Варшавского договора и распаду СССР» [18, с. 49]. Между тем центром принятия главных политических решений Советского Союза дипломатия, конечно же, не была. Они определялись политбюро ЦК КПСС, генсеком, позднее первым президентом страны Горбачевым.

При всех преходящих, в том числе субъективных, обстоятельствах, решающее и долговременное воздействие на формирование внешнеполитического курса России оказывали неодолимые в краткий срок объективные факторы. Свобода инициативы в международных делах и геополитическая самоидентификация только что возникшего российского государства жестко ограничивались сократившимися внутренними и внешними возможностями.

Едва став министром иностранных дел России А.В. Козырев сразу же объявил исходный концептуальный подход к его последующим действиям, основанный на полярных идеологических противопоставлениях, суть которых определял принцип «от противного»: для России США и другие западные демократии – «столь же естественные друзья и в перспективе союзники, как они были врагами для тоталитарного СССР» [цит. по: 18, с. 52]. Несмотря на резкое ослабление позиций России в мире, он утверждал, явно выдавая желаемое за действительность, что национально-государственные интересы России и Запада в силу общих демократических убеждений не только не сталкиваются, но и взаимодополняют друг друга в большинстве международных вопросов. Более того, уравнивая далеко не равноценные в тот период геополитические потенциалы России и США, он говорил об их исторически обусловленных возможностях «совместно влиять на ход мировых дел» [14, с. 15].

Между тем американские лидеры считали распад СССР историческим поражением в холодной войне и в логике их реальной политики проигравшая сторона была не в праве вести себя на равных с победившей. Об этом со всей откровенностью высказался американский политолог Зб. Бжезинский, который писал, что сознательно «дружественная позиция», занятая Западом, особенно США, в отношении тогдашнего российского руководства ободрила постсоветских «прозападников» в российской политической элите, усилив их проамериканские настроения. Новым лидерам России льстило, уточнял он, быть на коротке с высшими должностными лицами США, формирующими политику единственной в мире сверхдержавы. Не без налета самонадеянного политического хитроумия, за которым едва скрывалось неослабевающее стремление США вытеснить Россию на обочину мировой политики и «оторвать» от неё все постсоветские страны, он подчеркивал, что именно американцы запустили в политический оборот лозунг о «зрелом стратегическом партнерстве» между Вашингтоном и Москвой. Поэтому «русским показалось, что этим был благословлен новый демократический американо-российский кондоминиум, пришедший на смену бывшему соперничеству» [2, с. 63].

Не менее циничные оценки по отношению к новой России, провозгласившей готовность к стратегическому взаимодействию с США, высказывались и в середине 1990-х гг. американским политологом С. Хантингтоном, который отмечал, что зрелое стратегическое партнерство «между двумя «демократиями» оказалось иллюзорным. Причина: Россия стала слишком отсталой и слишком опустошенной в результате коммунистического правления, чтобы взаимодействовать на равных с США» [16, с. 43]. Позднее Хантингтон подчеркивал, что внешняя поли-

тика США в отношении новой России была богата не только излишней риторикой, но и «великодержавными жестами и стратегической пустотой, что только затягивало окончательное решение вопроса о полном уничтожении России» [16, с. 144].

На рубеже XX–XXI вв. военно-политические документы Российской Федерации всё еще были сфокусированы на американоцентризме международной политики, выражали мнение тех российских политологов-либералов, кто призывал всячески поощрять США к проведению активной линии в мире, распространению, больше того – к насаждению ценностей либерально-рыночной экономики и западной демократии, не исключая и страны постсоветского пространства. В них делался вывод о том, что угроза войны в среднесрочной и долгосрочной перспективах для России отсутствует. И, следовательно, государственное и военное строительство в Российской Федерации должны вестись, исходя из реальных современных возможностей страны (которые направленно стремительно снижались). Подобные разрушительные для развития государственных институтов нашей страны оценки и прогнозы были зафиксированы, в частности, в: Концепции национальной безопасности РФ 1997 г. [3, с. 306–350], Концепции национальной безопасности РФ 2000 г. (утверждена Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24) [3, с. 351–389], Концепции внешней политики РФ 2000 г. (утверждена Президентом РФ 10 января 2000 г.) [3, с. 415–456], Военной доктрине РФ 2000 г. (утверждена Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706) [3, с. 27–60]. Главной для России, отмечает И.С. Иванов, была в тот период прозападная политическая установка «на стратегическое партнерство, а в перспективе – на союзничество с США» [цит. по: 10, с. 224].

Процесс выработки внешнеполитической стратегии России проходил под воздействием множества объективных переплетающихся факторов и обстоятельств, о которых говорилось выше. Не менее важным был субъективный фактор, точнее, субъективно-личностный фактор, который нередко выходил на первый план в государственной политике Российской Федерации, становясь в большинстве случаев главным. Как отмечалось на экспертном уровне [4, 8, 18], российское высшее политическое руководство при Ельцине находилось в иллюзорных «демократических» представлениях, так как «ожидало «премий» от США за крах коммунизма, как минимум – благожелательного адаптационного периода для новой России» [10, с. 155].

Строители «блатного капитализма» по-русски, отмечает доктор экономических наук С.Ю. Глазьев, и их «ничем не сдерживаемая пропаганда твердила в российских национальных СМИ о грядущем «золотом дожде» западной помощи и инвестиций для демократической России» [4, с. 56]. Прием новой России в основные международные организации

(ВТО, ГАТТ, МВФ, МБРР G-7, ОЭСР, КОКОМ, Европейский союз, ОБСЕ, даже НАТО) виделся прозападной политической элите России триумфальным торжеством, «объятиями Запада» за добровольную ликвидацию военной угрозы для Запада, за добровольное изменение геостратегической ситуации в пользу США. Параллельно в российских СМИ насаждался миф о «врожденной лени русских» и «высокой производительности труда» в странах Запада, что было ложью. Идеал стран Запада, как выяснилось спустя 30 лет, был гедонистическим: «дешевые энергоносители – из России, дешевые товары – из Китая, военная защита от несогласных с правилами – за счет США, высокие стандарты потребления – только для граждан «золотого миллиарда» [4, с. 58].

В своих воспоминаниях [14] российский политик Е.М. Примаков справедливо заметил об этом периоде российской истории, что события в очередной раз наказали политических дилетантов, построивших свои оптимистичные прогнозы не на реальном знании методов Запада, а исходя из иллюзий и внутренней конъюнктуры.

Ситуацию существенно осложнял такой внеинституциональный политический центр, как «семья» президента, который играл порой большую роль, чем предусмотренные Конституцией РФ институты. Фактически, подчеркивает доктор исторических наук А.И. Подберезкин, представители крупного промышленного российского бизнеса «участвовали в руководстве страной, назначении министров, принятии законов, избрании губернаторов на своих «вотчинных» территориях, пользовались широким доступом к государственным ресурсам, но не имели привычки платить налоги» [13, с. 154].

Анализ работ российских ученых [1, 6,8, 13, 18] показал, что Ельцине Россия фактически находилась под внешним управлением США, возможности и перспективы российско-американского партнерства исходно «размывались» в интересах США и прозападной части российской политической элиты, которая обогатилась за счет распродажи государственной собственности. В военно-политических документах начала 1990-х отсутствовали базовые составляющие, не говоря уже о необходимости их комплексной этапной практико-политической увязки с государственным строительством России.

Осмысливая причины несогласованности российской внешней и внутренней политики в 1990-е гг., доктор политических наук А.Г. Арбатов так интерпретировал [1] смысл проблемы: МИД России старался выполнять свою работу, а на высшем уровне исполнительной и государственной власти России не делалось почти ничего для реализации достигнутых соглашений. Ведомственные программы, федеральный бюджет и договоры с другими державами и, прежде всего, на постсоветском пространстве, – все тянули политику в разные сторо-

ны; за границей давали торжественные обещания, а дома о них тут же забывали

Ситуация стала выправляться с избранием Президентом РФ В.В. Путина, который с первых дней своей политической деятельности высшего руководителя государства столкнулся с угрозами потери нашей страной государственного суверенитета, нарастания технологической деградации, обнищания населения, нарушения целостности страны из-за попыток международного терроризма установить свой исламистский режим в Чечне.

В наследство от «лихих 1990-х» новому президенту России досталась деградирующая и плохо управляемая страна, в которой уже не стало обрабатывающей промышленности, своих гражданских самолетов и микроэлектроники, 30% процентов населения стало жить за чертой бедности. После приема в НАТО Венгрии, Польши и Чехии, а также в результате тесного военного сотрудничества с альянсом Болгарии и Румынии военная группировка НАТО, в том числе авиационная, продвинулась на Восток на 650–700 км. Состав объединенных ВВС НАТО по тактической авиации на 17–20%. НАТО получила в своё распоряжение 290 аэродромов передового базирования. На этом фоне наиболее плачевное состояние сложилось в оборонной сфере России: большинство оборонных предприятий ОПК России, ставшие частными, были на грани остановки из-за оттока квалифицированных кадров, в производстве отдельных видах боеприпасов были утрачены технологические цепочки. Была разрушена система кадрированных воинских частей в ВС РФ, закрыты (перепрофилированы) авиационные училища и академии. Полноценное финансирование было обеспечено только в РВСН. Наблюдались задержки в выплате денежного довольствия военнослужащим и зарплат гражданскому персоналу оставшихся оборонных заводов. Как следствие, сократились мобилизационные возможности России и боеготовность ВС РФ. Доля новейших вооружений в Сухопутных войсках ВС РФ в 2000 г. сократилась до критического уровня 10%, войсковые учения практически не проводились, общий налет летного состава ВВС снизился до минимального [13, с. 39–40].

Поэтому важнейшими политическими решениями Президента РФ В.В. Путина были вопросы, связанные с окончанием Чеченской войны (1999–2009 г.), стабилизацией социально-политической обстановки в Чеченской Республике, качественной модернизации предприятий ОПК России и развитие военной организации государства.

Системообразующими для оборонной сферы нашей страны стали ряд решений Совета Безопасности РФ:

«решение Совета безопасности РФ от 8 октября 2000 г. «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2010 года»;

решение Совета безопасности РФ от 28 июня 2005 г. «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2015 года»;

решение Совета Безопасности РФ от 5 июля 2013 г. «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2020 года» [13, с. 133–134].

В соответствии с названными решениями был сформирован правовой механизм изменения негативной тенденции в оборонной сфере России. На промышленную модернизацию предприятий ОПК России и военные НИОКР в 2005 по 2018 г. было выделено свыше 60 трлн рублей, что позволило «создать новейшие образцы вооружения, обеспечить их серийный выпуск в рамках государственного оборонного заказа (исполнение которого частично срывалось до 2022 г.) и поставку в войска. Уже в 2018 г. доля новейших вооружений в ВС РФ и спецслужбах России стала составлять 70%. В 2022 г. этот показатель составил уже 93%» [13, с. 157].

Концептуальные основы политики России в области современного военного строительства были изложены в:

«Основах государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2010 года» (утверждена Президентом РФ 7 августа 2001 г.);

«Основах государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2015 года» (утверждена Президентом РФ 15 июля 2010 г.)» [13, с. 164].

Последовательная реализация принятых решений позволили высшему государственному и военному руководству России «переломить» негативную тенденцию в оборонной сфере России и приступить к развитию всех компонентов военной организации государства, последовательно превращая Россию в глобальный суверенный центр силы.

Следующим этапом в укреплении российского государства стал 2007 г., когда основные группировки исламистских террористических банд на территории Чечни были ликвидированы. Как следствие, стабилизация социально-политической обстановки и налаживание мирной жизни в Чечне явились «поворотным моментом в трансформации политической идентичности современной России» [18, с. 51].

С 2012 г. главный упор высшего руководства России был сделан на усилении экономической и социальной политики. В частности, началась реализация национальных проектов и социальных программ повышения уровня жизни населения. Это позволило к 2023 г. последовательно сократить уровень «граждан, проживающих за чертой бедности с 30% до 15%» [4, с. 97].

В сравнении с тусклым «kozyревским» периодом российской дипломатии 1990-х, в начале 2000-х гг. и 2010-х гг. были ужесточены тре-

бования к деятельности федеральных органов исполнительной власти. Уходил в прошлое гипертрофированный политический акцент на сугубо западный внешнеполитический вектор, нарабатывалась позиция прагматичного отстаивания национальных интересов России.

Таким образом, с приходом в высшее руководство нашей страны В.В. Путина начался процесс реформирования системы органов государственной власти и укрепления оборонной сферы, что позволило создать базис для выстраивания сбалансированной внешней политики России.

Это подтверждается содержанием положений Концепции внешней политики РФ 2008 г. (утверждена Президентом РФ 12 июля 2008 г. Пр-1440) [3, с. 457–493], Концепции внешней политики РФ 2013 г. [3, с. 494–538], Концепции внешней политики РФ 2016 г. [3, с. 539–581], Концепции внешней политики РФ 2023 г. [3, с. 582–623], Стратегии национальной безопасности РФ 2015 г. (утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683) [3, с. 624–661], Стратегии национальной безопасности РФ 2017 г. (утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208) [3, с. 662–703], Военной доктрины РФ 2010 г. (утверждена Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146) [3, с. 61–103], Военной доктрины РФ 2014 г. (утверждена Указом Президента РФ от 25 декабря 2014 г. № 815) [3, с. 104–151], где постепенно заменялись устаревшие оценочные положения и выводы, в той или иной степени искажавшие представления о путях и перспективах суверенной политики российского государства. Другими словами, уточнялись и менялись расплывчатые формулировки о «совпадении подходов России и Запада», «об отсутствии угрозы военного конфликта с Западом», которые были отражением кризисного состояния российской экономики и односторонней уступчивости российской политической элиты Западу в 1990-х гг.

С президентства В.В. Путина началось сближение России с Западом на качественно новой основе – прагматичного соперничества суверенных государств. Конечно, оно оставалось в поле либерально-рыночного капитализма, «происходило пока не с позиции паритета потенциалов и статусов, как заметил Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, но уже и не в роли младшего «партнера» мирового гегемона» [9].

Сравнительный анализ положений военно-политических документов Российской Федерации показал, что в содержании документов начала XXI века, в сравнении с военно-политическими документами России 1990-х гг., отчетливо просматривается разворот России лицом к Западу. Он не означал ещё перехода к противоборству для сохранения российской цивилизации (который наметился после начала специальной военной операции на Украине), но уже исключал повторения прежних (прозападных) моделей межгосударственных взаимоотношений, носивших

на себе так или иначе печать мечтаний о помощи Запада в инвестициях и технологиях для проведения промышленной модернизации России.

В начале 2000-х гг. новая Россия всё настойчивее стала заявлять о ключевой роли ООН в мировой политике, приоритете международного права и ответственности США за их агрессивную внешнюю политику в различных регионах мира.

Начало сосредоточения России, осознания высшим руководством страны российских национальных интересов и угроз национальной безопасности и развитию нашей страны как суверенного государства российские ученые [1, 6, 8, 12, 13, 18] относят к 2007 году, а этап их окончательного оформления приходится, по мнению автора, на 2014–2023 гг.

В своих выступлениях на Мюнхенской конференции по безопасности (2007 г.) и, в последствии, на заседании Валдайского форума (2014 г.) Президент РФ В.В. Путин определил стратегические политические установки государственного развития Российской Федерации в первой половине XXI века:

«для современного многоцивилизационного мира однополярная американоцентричная модель миропорядка невозможна;

США необоснованно перешагнули свои национальные границы в политике, экономике и гуманитарной сфере, устанавливая незаконные правила для развития суверенных стран;

единственным механизмом принятия решений по использованию военной силы как последнего довода в международных отношениях может быть только Устав ООН;

НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим границам, что является стратегической угрозой и неприемлемо для России;

Россия проводила и будет проводить суверенную государственную политику, сотрудничая с другими незападными странами, которые также отрицают силовые методы США по навязыванию народам чуждых социально-культурных ценностей» [15, с. 38–39].

Императивным требованием внешней политики России в начале XXI века становилось сведение к минимуму рисков при дальнейшей интеграции в мировую экономику с учетом необходимости обеспечения военной и экономической безопасности страны.

Мощным импульсом для формирования и развития современного внешнеполитического курса возрождающейся России стало подписание 21 марта 2023 г. в г. Москве Договора о сотрудничестве России с КНР до 2030 г. На итоговой пресс-конференции Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что Россия и Китай последовательно отстаивают курс на ООНцентричную систему мировой политики, основанную на международном праве. Совместно с Россией Китай будет стремиться стать пе-

редовыми странами в таких отраслях как судостроение, станкостроение, дорожное строительство, микроэлектроника. По украинскому вооруженному конфликту, заявил Председатель КНР, Китай исходит из необходимости переговоров после удовлетворения США и НАТО требований России об обеспечении равной безопасности. В ответ Президент РФ В.В. Путин заявил, что «основой для долгосрочных стратегических отношений России и Китая являются национальные интересы двух стран, взаимная привлекательность и доверие. Фактор гибридной войны, развязанной США против России и Китая, является сегодня дополнительным фактором сближения и консолидации российско-китайских стратегий формирования многополярной системы международных отношений на основе БРИКС» [15, с. 372].

В ходе российско-китайских переговоров 22 марта 2023 г. состоялась закрытая встреча Президента РФ В.В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина, на которой были достигнуты договоренности об «объединении совокупных военных потенциалов Российской Федерации и КНР для противодействия НАТО (на Западе) и AUKUS (на Востоке) в гибридной войне с США и их союзниками» [7].

В Концепции внешней политики РФ 2023 г. (утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229) [3, с. 582–623] четко определены национальные интересы Российской Федерации как глобального суверенного центра силы и заявлено, что Россия будет их активно защищать в гибридной войне с США с использованием симметричных и асимметричных методов. В частности, в п. 13 документа определено, что «США и их сателлиты использовали принятые Российской Федерацией меры по защите своих жизненно важных интересов на украинском направлении и развязали гибридную войну нового типа. Она направлена на всемерное ослабление России и разрушение её территориальной целостности» [3, с. 591]. В этих условиях, отмечается в п. 25 документа, Российская Федерация будет использовать ВС РФ направлено на решение задач по отражению и предотвращению вооруженного нападения на Россию и (или) её союзников» [3, с. 593]

Несмотря на принятие важнейших политических установок в военно-политической области формирование всего массива военно-политических документов России (Стратегии национальной безопасности РФ, Концепции внешней политики РФ, Военной доктрины РФ) всё еще находится в стадии совершенствования. Это обусловлено, по мнению эксперта аппарата Совета безопасности РФ В.В. Карякина, тем, что «сегодня невозможно сопровождать, оценивать и контролировать весь спектр нарастающих гибридных угроз США на постсоветском пространстве» [4, с. 59].

Анализ литературы по теме исследования показывает, что военное и политическое долгосрочное планирование в России, необходимость которого актуализировалась в свете гибридной войны с Западом, должно опираться не только на стратегический прогноз различных сценариев международной обстановки, но и на прогноз разрабатываемых и производящихся противником средств насилия – вооруженного и не вооруженного (несилового), связанного с подрывными политическими технологиями. В истории неоднократно случалось так, что переоценка значения одних средств или недооценка других вели к серьезным проблемам, а иногда и поражениям в военных и политических конфликтах в войнах, либо, как минимум, излишних затратах и неэффективной внешней политике.

Объединение силовых и несиловых способов влияния США на страны-конкуренты описываются сегодня в терминах гибридной войны и связанных с ней гибридных угроз США. О формировании американской теории гибридной войны, как современной формы управляемых политических трансформаций, правильнее говорить уже со второй половины XX в., когда усилиями ЦРУ происходит синтез несиловых, подрывных и силовых методов политики для достижения той или иной политической цели в отношениях СССР-США и стран Латинской Америки. После распада Советского Союза, на рубеже веков и в начале XXI в. США перешли к насаждению «управляемого хаоса» в отношениях с другими незападными странами, а также продолжили политику дефрагментации постсоветского пространства.

В отличие от предыдущих столетий, синтез США методов управляемых политических трансформаций предполагает не только многолетнюю скрытную подрывную деятельность спецслужб США (под прикрытием сотрудников американских неправительственных организаций) по формированию гибридных угроз США в странах-жертвах, но и одновременное, комплексное, многосферное использование враждебных действия. Такая системность спецслужб США в использовании силовых средств для наращивания гибридных угроз США требует высокой степени координации, аналитического обеспечения и управления страны-объекта гибридной агрессии на высшем политическом уровне потому, что модель использования США военных и силовых инструментов политики становится многократно сложнее.

В исследованиях С.Ю. Глазьева [4], С.В. Картунова [8], В.И. Пантина [11], А.И. Подберезкина [13], Д.В. Тренина [16] отмечается, что в отличие от холодной войны, в нынешнем гибридном противоборстве России с Западом речь идет не о том, чтобы побеждать США и установить в Северной Америке свои порядки, а о том, чтобы защитить на-

циональный суверенитет, обеспечить безопасность и устойчивое развитие российской цивилизации.

Доктор исторических наук А.И. Подберезкин справедливо отмечает, что в гибридной войне против Российской Федерации страны Запада проводят агрессивный внешнеполитический курс на уничтожение России. Ответная позиция нашей страны всё еще остаётся неопределенной и двойственной. «Политическая двойственность России возникла из-за размежевания прозападной политической элиты России по вопросу выбора возможного курса между необходимостью возглавить (вместе с КНР) формирование многополярной системы международных отношений) и продолжить традиционный подход «Россия – это часть Запада» (возможность на который еще сохраняется). Это не позволяет разрушить «прозападный мир» внутри российского общества, всесторонне оценить ситуацию, принять национальную политическую идеологию сохранения российской цивилизации, определить цели и программы развития суверенной, промышленно развитой, социально ориентированной, евразийской России» [13, с. 152].

Спустя год после начала специальной военной операции, в российском обществе сложилось понимание запроса общества на переориентацию институтов российского государства и общества с ценностей примитивного капитализма (нажива и обогащение любой ценой) на традиционные российские ценности (борьбы за социальную справедливость и стабильность общества, патриотизм и честное служение Отечеству). Именно с этим сегодня ученые связывают роль победы России в гибридной войне против Запада на Украине и формирования новой политической элиты взамен прозападной, владеющей сырьевыми холдингами.

В целом, следует подчеркнуть, что за последние 30 лет своей истории внешняя политика России последовательно укреплялась в сторону прагматичного отстаивания национальных интересов, укрепления институтов российского государства и общества, что наглядно отражено в положениях военно-политических документов Российской Федерации [3]. Сегодня весь комплекс проблем и угроз, связанных с сохранением национального суверенитета, обеспечения безопасности и развития России четко фокусируется на гибридной войне Запада против России.

Проведенное исследование показало, что агрессивная внешняя политика США, связанная с продвижением ценностей «американского либерализма» незападным цивилизациям, привела в начале XXI в. к управляемым (спецслужбами США) социальным потрясениям в различных регионах мира. Она не только не ослабила, но и предельно обострила противоречия между политической элитой США, с их паталогическим стремлением к завладению мировыми ресурсами, и незападными госу-

дарствами, стремящимися сохранить свой суверенитет и безопасность. Россия не раз оказывалась и сейчас остается в эпицентре этих антагонистических противоречий, что обуславливает необходимость сохранения российской цивилизации и отстаивания Россией своих национальных интересов в международных отношениях.

Таким образом, в условиях открытой враждебности Запада целью внешней политики России в отношениях с США и их союзниками в обозримой перспективе является управление гибридной конфронтацией и, в частности, предотвращение вооруженного столкновения России с НАТО. Стремление России занять достойное и выгодное место в формирующемся многополярном миропорядке требует четкого целеполагания и продуманной внешнеполитической стратегии России, которая должна опираться на реформирование институтов российского государства и общества, проведение новой экономической и социальной политики в интересах сохранения российской цивилизации.

Литература и источники:

1. Арбатов А.Г. Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия: монография. М.: Издательство «Весь мир», 2021. – 438 с.
2. Бжезинский З.К. Великая шахматная доска. – М.: Издательство «Астрель», 2000. 476 с.
3. Военно-политические документы современной России: сб. документов. – М.: Издательство «Юридическая литература», 2023. – 880 с.
4. Глазьев С.Ю. За горизонтом конца истории: монография. – М.: Издательство «Проспект», 2023. – 416 с.
5. Зеленков М.Ю., Бочарников И.В. Международные конфликты XXI века. М.: Инфра-М, 2019.
6. Кагарлицкий Б.Ю. Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали. – М.: Издательство «Аргументы недели», 2005. – 285 с.
7. Коротченко И.Ю. Выступление по вопросу «О ходе специальной военной операции на Украине» в общественно-политическом ток-шоу «60 минут» (вечерний выпуск в 17:30) от 14.04.2023 г.
8. Кортуннов С.В. Становление политики безопасности России: формирование политики национальной безопасности в контексте проблем глобализации: монография. – М.: Издательство «Наука», 2003. – 616 с.
9. Лавров С.В. Об инсценировках как методе политики Запада // Известия. – 2022. – № 130 (31065). – 18 июля.
10. Неймарк М.А. Внешняя политика России: от «нового мышления» к новому стратегическому мышлению // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7 (2). С. 171–189.
11. Пантин В.И. Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие // Журнал «История и современность». 2020. № 3. С. 23–41.

12. Подберезкин А.И. и др. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2018. 768 с.
13. Подберезкин А.И. и др. Современная национальная стратегия России в области военной безопасности: монография. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2018. 769 с.
14. Примаков Е.М. Будущее России. М: Издательство «АСТ», 2020. 480 с.
15. Путин В.В. Президент России о самом разном: сб. выступлений по актуальным вопросам внешней, внутренней и военной политики России. М.: Издательство «Центрполиграф», 2023. 483 с.
16. Тренин Д.В. Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия: монография. М.: Издательство «Альпина Паблишер», 2023. 430 с.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство «Наука», 2006. 564 с.
18. Штруба Е.В. Изменение концептуальных основ внешней политики Российской Федерации в условиях глобализации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 6. С. 48–60.

«ГИБРИДНЫЕ МЕТОДЫ», ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ США ДЛЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

А.А. Кулаков

Стремясь сохранить глобальное геополитическое доминирование, США встали на путь конфронтации с Россией. Против Российской Федерации ведется «гибридная война» (в политической, экономической, информационной, социальной и военной сферах) на экономическое истощение и разрушение. Параллельно США пытаются дестабилизировать ситуацию в постсоветских странах (например, как в Казахстане в начале 2022 г.), чтобы отвлечь силы России от проведения специальной военной операции на Украине. После разрыва Западом отношений с Россией, наша страна остается открытой для кооперации с дружественными постсоветскими странами. Все это актуализирует необходимость рассмотрения «гибридных методов» внешней политики США, принципов противодействия им Россией, а также путей укрепления привлекательности России в странах ближнего зарубежья.

Целью настоящей статьи является рассмотрение «гибридных методов» политики, используемых США для сохранения глобального доминирования, обоснование принципов противодействия Россией враждебным действиям США и выработка путей укрепления позитивного имиджа России в странах ближнего зарубежья.

Современная ситуация обострения межцивилизационного противостояния США и России, обусловлена рядом факторов:

Во-первых, насильственно проводимая США глобализация на основе идеологии неокOLONиализма направлена на создание и поддержание американоцентричной системы геополитического влияния Запада, что является главной причиной «конфликта цивилизаций» [9]. В последнее десятилетие к этой тенденции добавились ещё две. *С одной стороны*, – это военно-политическое лидерство России и возвращение нашей страны в статус глобального суверенного центра силы и предпринимаемые ею в связи с этим попытки укрепить своё региональное влияние в постсоветских странах, как основы для национального проекта «Большая Евразия». *С другой стороны*, – это экономический и социальный прорыв Китая, который бесспорно стал основным экономическим соперником США на международной арене.

Во-вторых, асимметричный характер военных конфликтов XXI века, в которых наряду с государствами участвуют негосударственные

субъекты (транснациональные компании (ТНК); транснациональные банки (ТНБ); неправительственные организации (НПО); частные военные компании (ЧВК); исламистские экстремистские организации; террористические организации; националистические военизированные организации; криминальные организации) способствует «раскачиванию» США ситуации в постсоветских странах. Против России и ее союзников США используют иррегулярные вооруженные формирования, чем создают комплекс «гибридных угроз» террористической направленности [2, с. 101] безопасности нашей страны.

В-третьих, интенсивное развитие информационно-технических ресурсов военной техносферы и информационно-коммуникативных технологий, используемых во всех сферах жизнедеятельности общества, превращают информационную сферу и киберпространство в приоритетные пространства «гибридной войны» по навязыванию США населению постсоветских стран русофобии и националистического реваншизма. Другими словами, фактор защиты социо-культурных ценностей суверенных государств становится фактором их безопасности и развития.

Следствием действия названных тенденций (закономерностей) стала эволюция традиционных военных конфликтов в «гибридные» (смешанные по способам действий) военные конфликты, которые стали называться «гибридными». Смена названия не повлияла на главное содержание войн – вооруженное противоборство и связанный с ним прямой (материальный) ущерб был дополнен *косвенным ущербом*.

Сегодня для воздействия на управляющие, силовые и обеспечивающие компоненты военных организаций государств-конкурентов США используют «гибридные угрозы» (враждебные действия) в политической, экономической, информационной, социальной и военной сферах. В основе американских «гибридных угроз» лежит скрытная подрывная деятельность ЦРУ.

Под «гибридной войной» в российском научном сообществе принято понимать особую форму межгосударственного противоборства, в которой одна сторона стремится нанести поражение другой, используя враждебные действия в основных сферах жизнедеятельности (политической, экономической, информационной, включая киберпространство, социальной, военной), применяя иррегулярные вооруженные формирования (наемников ЧВК, боевиков террористических и криминальных организаций) и дозированно регулярные вооруженные формирования (силы специальных операций – для управления наемниками в зоне локальных военных конфликтов).

Анализируя систему современных военно-политических документов США [цит. по: 1, с. 21–22] на предмет содержания в них терминов «гибридная война» и «гибридные методы» политики можно увидеть сле-

дующее «местоположение» данных феноменов. Для этого проанализируем документы стратегического, оперативно-стратегического и тактического уровней.

Стратегический уровень

Основополагающими военно-политическими документами стратегического уровня, определяющими основы военной политики США в области применения вооруженных сил, являются:

- 1) «Стратегия национальной безопасности» (2022);
- 2) «Стратегия национальной обороны» (2022);
- 3) «Национальная военная стратегия»;
- 4) «Обзор ядерной политики США»;
- 5) «Обзор противоракетной обороны».

В военно-политических документах США стратегического уровня искомых терминов нет.

Оперативно-стратегический уровень

1) концепция межвидовых операций вооруженных сил США «Единые силы 2030»; «Многосферное сражение: эволюция совместных видов вооруженных сил в XXI веке (2025–2040)», «Сухопутные войска США в многосферных операциях (2028);

2) «Белая книга» Командования специальных операций Сухопутных войск США «Противодействие нетрадиционной войне»

3) оперативная концепция сухопутных войск США на 2010–2040 годы» (концепция уточнена в 2022 году);

4) «Тихоокеанская инициатива сдерживания» (2022), разработанная министерством обороны США;

5) приказы и директивы министра обороны США;

6) директивы и инструкции министров видов вооруженных сил США;

7) наставления комитета начальников штабов (например, наставление «Операции (боевые действия)» и др.).

В военно-политических документах США оперативно-стратегического уровня, уточненных в 2022 году, появились термины «гибридная война» и «гибридные методы» и объекты противоборства (Россия и Китай). Это может говорить о том, что высшим военно-политическим руководством США «гибридная война» рассматривается как вспомогательный вид геополитического воздействия на Россию и Китай.

Тактический уровень

1) уставы и наставления видов и родов войск;

2) пособия по тактике, разработанные в видах и родах вооруженных сил;

3) руководства по боевому применению родов войск (сил).

В военно-политических документах США тактического уровня искомых терминов также нет.

Таким образом, внешне дистанцируясь от прямого применения военной силы против нашей страны, США стремятся ее истощить с использованием «гибридных методов» политики, реализуемых в форме тайных операций ЦРУ (в которых министерство обороны США представляет инструкторов для подготовки иррегулярных вооруженных формирований, поставляет оружие и боеприпасы). Параллельно США наращивают военное присутствие в Европе и готовятся к крупномасштабному военному конфликту НАТО против России.

Американские планы «гибридной войны» против России предполагают использование неонацистской Украины и развязывание серии «гибридных» вооруженных конфликтов на территории стран ближнего зарубежья (Армении, Азербайджана, Грузии, Молдавии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана) для втягивания в них России, ее экономического истощения и последующего разрушения нашей с помощью государственного переворота. Для подготовки столь масштабных подрывных сил США используют так называемую «серую зону» (территории сопредельных с фокусной страной государств), в которой осуществляется подготовка иррегулярных вооруженных формирований.

В условиях разрыва отношений Запада и России и резкого обострения межцивилизационного конфликта США и России становится очевидным прямая угроза для безопасности России и ее союзников со стороны американских «гибридных угроз».

Исследователи [3, 4, 6, 9, 11, 12, 13, 14, 15] отмечают, что в качестве *потенциальных источников конфликтов в постсоветских странах* политтехнологи США планируют использовать в ближайшие 5–10 лет ряд «замороженных конфликтов» и социально-политических диспропорций самих постсоветских стран. К ним относятся, прежде всего:

Карабахский конфликт (между Арменией и Азербайджаном);

Таджикско-Киргизский конфликт из-за деления земельных и водных ресурсов в Баткенской области;

Грузино-абхазский конфликт;

межэтнические конфликты в Казахстане.

Регулярно делегации государственного департамента США и министерства обороны США посещают постсоветские страны и предлагают услуги в решении: проблем обучения молодежи в вузах США; гендерных проблем (прежде всего ЛГБТ-сообществ); проблем свободы независимых журналистов и видеоблогеров; «бесплатных» экономических программ развития и поставок модернизированных американских самолетов F-16 и других систем вооружения в обмен на право долгосрочной аренды земли и строительства американских военных баз.

Анализ работ исследователей [1, 2, 3, 4, 5, 10, 14, 15], изучающих «цветные революции» и «гибридные войны», развязанные США в различных регионах мира, позволил выявить особенности скрытной подрывной деятельности ЦРУ, которая может быть представлена в виде типовой модели (алгоритма) подготовки и проведения США управляемых политических трансформаций в фокусной стране (рис. 1).

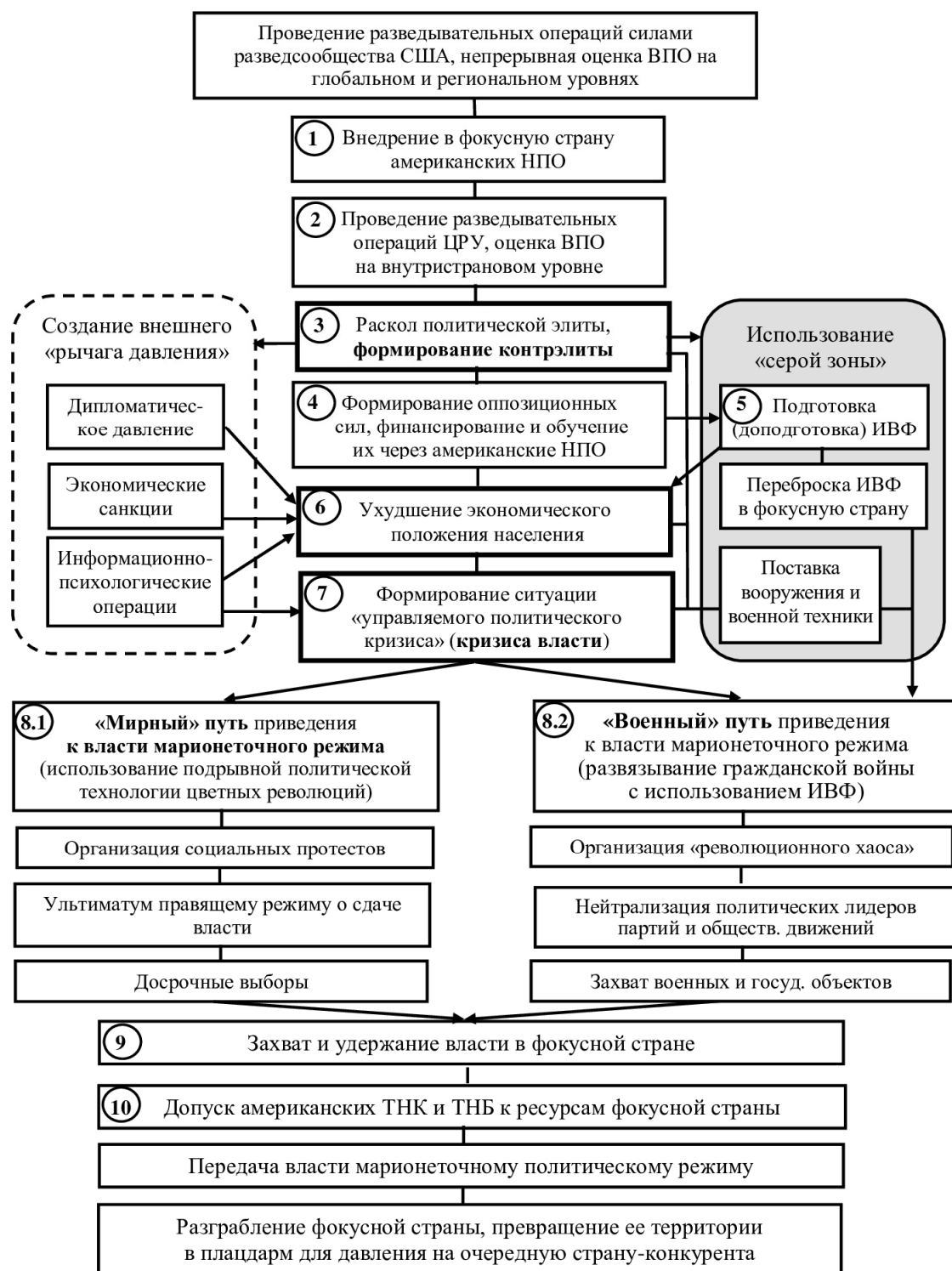

Рис. 1. Концептуальная модель (типовой алгоритм) подготовки и проведения управляемых политических трансформаций в фокусной стране

Цифрами на рисунке 1 показан алгоритм (технология) скрытной подрывной деятельности ЦРУ. Важно учитывать, что в подготовке и реализации управляемых политических трансформаций США также участвуют структурные подразделения государственного департамента США, министерства обороны США и администрации президента США.

Общее руководство (на рисунке не показано) осуществляет президент США через советника президента США по национальной безопасности, совет безопасности и администрацию президента США.

Проведем содержательный анализ данной концептуальной модели. В прямоугольниках (сверху вниз) показан весь комплекс враждебных действий США, который определяет характер нарастающих деструктивных изменений. С помощью цифр (1–10) выделена подрывная деятельность политтехнологов ЦРУ, которая включена в специальную операцию ЦРУ по приведению к власти марионеточного режима.

Шаг 1 – в фокусную страну внедряются **американские неправительственные организации (НПО)**, сотрудниками которых являются американские дипломаты (кадровые сотрудники ЦРУ). Госчиновники страны-жертвы охотно встречают американские НПО, так они официально проводят бесплатные экономические и гуманитарные (образовательные) программы для населения.

Шаг 2 – ЦРУ проводят разведывательные операции и выявляют уязвимые места (социально-политические диспропорции в государственном строительстве фокусной страны), в отношении которых будут организованы подрывные мероприятия.

Шаг 3 – политтехнологи ЦРУ вербуют агентов влияния, раскалывают политическую элиту (дискредитируя в национальных СМИ президента фокусной страны) и формируют контрэлику (договариваются с представителями крупного бизнеса о смене власти и потенциальных лидерах нового правительства).

После формирования контрэлиты в фокусной стране начинается формирование оппозиционных сил – **шаг 4**. Политтехнологи ЦРУ формируют общественное движение, которое борется за «социальную справедливость», актив которого непрерывно финансируется, обучается протестным действиям и координируется через социальные сети.

В «серой зоне» (на территории третьих стран) политтехнологи ЦРУ готовят основную таранную силу для страны-жертвы – боевиков **иррегулярных вооруженных формирований (ИВФ)**, что содержательно является следующим этапом – **шаг 5**.

Параллельно (госдепартамент США, администрация президента США, посольства США, представители США в международных организациях) организуют **внешний «рычаг давления»** на фокусную страну, который заключается в дипломатическом давлении, экономических

санкциях и информационных войнах по дискредитации враждебного политического режима. Через определенный период времени подрывные действия агентуры влияния в политической элите (принятие проамериканских внутривнутриполитических решений) и внешние экономические санкции приводят к экономическому кризису (качество жизни населения снижается, появляется *структурная бедность*⁵). Все это составляет содержание **шага 6** – ухудшение экономического положения населения фокусной страны.

Далее, **шаг 7** – с помощью протестных действий оппозиционных сил в информационных кампаниях в национальных СМИ политтехнологи ЦРУ формируют в стране-жертве ситуацию «управляемого политического кризиса» и создается **кризис власти** (когда «верхи» не могут управлять по-старому, а «низы» не хотят жить по-старому, и еще, по В.И. Ленину, – есть политическая сила, которая возглавит «революционные» действия).

Прямоугольники 3, 6, 7 являются, по мнению автора, **ключевыми факторами разрушения целостности государственных институтов страны-жертвы**, так как структурные элементы государственных институтов (из-за враждебных действий внешних сил) начинают действовать против конституционных основ, искажать управленческие функции и деятельности институтов государства в основных сферах жизнедеятельности государства. Шаги 1–7 реализуются на мирной стадии «гибридной войны», когда формируются необходимые условия для реализации управляемых политических трансформаций.

Следующий **восьмой шаг** предполагает два варианта развития событий. Политтехнологи ЦРУ могут применить **«мирный» путь** (подрывную политическую технологию «цветных революций» (**шаг 8.1**)) или **«военный» путь** (развязывание гражданской войны с использованием иррегулярных вооруженных формирований). Ряд российских исследователей [4, 7] относит применение политтехнологиями ЦРУ технологии «цветных революций» к мирной стадии «гибридной войны» (**шаг 8.2**), когда нет разрушений и погибших. При развязывании гражданской войны в страну перебрасываются иррегулярные вооруженные формирования (30 000 – 50 000 человек), тяжелое вооружение и боеприпасы. Фокусная страна раскалывается на враждующие оппозиционные фронты и организуется «революционный хаос». Организуется нейтрализация лидеров оппозиционных партий и общественных движений, проводится захват военных и государственных объектов.

⁵ **Структурная бедность** – данным термином в политической социологии обозначается состояние социальной сферы фокусной страны, когда 30% (и более) находится за чертой бедности. В этих условиях устойчивое развитие страны невозможно и она (по терминологии политтехнологов ЦРУ) почти «готова» к социальным потрясениям.

После захвата и удержания власти (**шаг 9**) в фокусной стране формируется новое правительство. Лидеры ведущих стран Запада в мировых СМИ заявляют о поддержке нового правительства. Проводятся выборы и осуществляется передача власти (**шаг 10**) новому либеральному правительству. Лидер марионеточного правительства (представитель контрэлиты) провозглашает курс на «либеральные» реформы и оглашает программу реформ, которую поддерживают лидеры стран Запада. После этого начинают действовать команды управленцев из государственного департамента США, которые с помощью соответствующих нормативно-правовых актов нового правительства допускают к ресурсам страны американские ТНК и ТНБ, которые на выгодных для США условиях используют (разрушают) экономику фокусной страны. После разграбления ресурсов, территория фокусной страны превращается в плацдарм для давления на очередную страну-конкурента.

«Гибридными методами» политики, которые используют США против стран-конкурентов, являются: дипломатическое давление; экономические санкции; информационно-психологические и дезинформационные операции; использование агентов влияния для направленного нарушения работы государственных институтов и ухудшения экономического положения населения; радикальные социальные выступления оппозиционных сил; террористические акции и боевые действия и иррегулярных вооруженных формирований.

Анализ концептуальной модели подготовки и проведения США управляемых политических трансформаций в фокусной стране (рис. 1) и вскрытие ключевых факторов разрушения целостности государственных институтов страны-жертвы позволяет обосновать ряд важных правил противодействия подобным «гибридным угрозам» США. К **базовым принципам противодействия Российской Федерации американским управляемым политическим трансформациям** относятся принципы:

замещения долговременных экономических отношений со странами Запада на долговременные экономические отношения со странами Юго-Восточной Азии;

мониторинга ситуации в информационной сфере Российской Федерации в реальном масштабе времени и аналитического обеспечения Государственной информационной политики Российской Федерации;

симметричного противодействия внешнему дипломатическому давлению стран Запада в мировой политике;

недопущения формирования противником контрэлиты на основе раскола политической элиты Российской Федерации;

контроля деятельности американских НПО, оппозиционных сил и недопущения снижения доходов и качества жизни населения России;

противодействия дезинформационным информационным вбросам в мировые СМИ и кибервоздействиям спецслужб США и стран Запада на информационные ресурсы военных и государственных объектов Российской Федерации;

упреждающей нейтрализации «гибридных угроз» террористической направленности, связанных с подготовкой США в «серой зоне» иррегулярных вооруженных формирований для использования против России и ее союзников;

качественного развития управляющих, силовых и обеспечивающих компонентов военной организации Российского государства.

Многолетняя агрессивная внешняя политика США потребовала выработки Российской Федерацией наступательной контрстратегии «гибридной войне» США и недопущения спецслужбами России использования против нашей страны и ее союзников «гибридных угроз» террористической направленности на территории постсоветских стран. После завершения специальной военной операции на Украине и проведения соответствующих превентивных оперативных мероприятий, которые были выработаны высшим государственным и военным руководством России в течение 2022 г. и последовательно реализуются подразделениями ВС РФ и спецслужбами России в установленные сроки [9], Российскому государству необходимо будет реформировать системы государственного управления, обеспечения национальной безопасности, укрепить свою научно-технологическую безопасность (в настоящей статье не рассматриваются). После этого России необходимо будет активно проводить политику «мягкой силы» для формирования привлекательности (положительного имиджа) России в странах постсоветского пространства как основы для формирования единой финансово-экономической зоны и российского национального проекта «Большая Евразия».

Основываясь на материалах исследований ведущих российских историков и политологов [6, 9, 11, 12], проанализируем современные подходы к проблеме формирования позитивного имиджа России в странах ближнего зарубежья с помощью политики «мягкой силы» Российской Федерации.

Широко разрекламированная в мировых СМИ проблема роли и значения внешней политики «мягкой силы» США, по мнению российского историка Н.Б. Нарочницкой, является сегодня дискуссионной. «Известно, что политической элите стран, находящихся под внешним управлением, США внушают принадлежность к «золотому миллиарду» стран Запада. Населению же этих стран США внушают через СМИ русофобию и приверженность фальшивым ценностям западной либерально-рыночной демократии на основе идей неокOLONIALИЗМА. Патриотическую национальную политическую элиту, отстаивающую традиционные

ценности и национальные интересы стран Европы, США нейтрализуют. А на их место приходят управляемые «активисты», воспитанные в американских вузах и на американских грантах. Это и есть сегрегированная политическая элита Запада, которая фактически не идентифицирует себя с населением своих стран» [11, с. 152].

В свете тотальной «гибридной войны» с Западом ответим на вопрос: нужен ли России американский опыт «мягкой силы»?

Известно, что термин «мягкая сила» появился в статье американского политолога Джозефа Ная в начале 1990-х гг. для обозначения «авторитета и привлекательности США для других стран за счет их достижений в экономике и культуре» [13, с. 73]. В Российской Федерации термин стал использоваться «в 2010-х гг. для обозначения привлекательности имиджа России в странах ближнего и дальнего зарубежья» [12, с. 40–41].

Анализ научных источников по теме исследования [3, 4, 5, 11, 14] показал, что за тридцать лет термин «мягкая сила» и теория Дж. Ная устарели и уже совершенно не отражают остроту проблемы «транзита демократии» (фактической утраты страной-жертвой политического суверенитета и перевода ее под внешнее управление США).

До распада СССР мир был биполярным. В нём происходило жесткое идеологическое противостояние двух сверхдержав и лагерей стран их последователей (примерно по тридцать стран с каждой стороны). С окончанием «холодной войны» мир на время стал однополярным и возобладала система глобального доминирования США. В этот период, по мнению российского политолога С.Э. Кургиняна, Советский Союз, «преобразованный прозападной политической элитой России, после выхода из его состава бывших советских республик, оказался в глубоком экономическом кризисе» [9]. В 1990-е гг. Россия, отмечает американский политолог Дж. Най, «не представляла ни политической, ни экономической, ни информационной, ни военной угрозы для США. Соответственно, упор гегемона на военную силу и антирусскую пропаганду представлялся излишним» [13, с. 158].

Альтернативой традиционному термину «пропаганда», который ассоциировался в США именно с жестким противостоянием двух сверхдержав, стал термин «мягкая сила», олицетворявших «безусловный авторитет, добровольность сотрудничества на основе привлекательности США» [13, с. 159]. Однако реализовать политику «мягкой силы», как задумывалось, у США не получилось. Даже на бытовом уровне все прекрасно понимают, что то, что нравится одним, у других может вызывать отвращение. В этой связи в своей новой статье (в 1999 г.) Дж. Най вынужден был констатировать, что трансформация «мягкой силы» в «умную силу» (опору на военную силу) неизбежна в мировой политике.

В результате с геополитической точки зрения «добровольного» однопольного мира не получилось: влияние США удерживалось не «мягкой силой», а военной силой США. Так, количество «американских военных баз в мире в 2022 г. стало равным 780-ти» [1, с. 62]. К тому же Россия, несмотря на все внешние противоречия с Западом, сумела возродиться, занять ведущее место в военно-политической сфере и совместное лидерство с Китаем в мировой политике.

В начале 2000-х и 2010-х гг. в странах Запада продолжался рост «мягкой силы» как основы глобализации. В странах Запада ежегодно подсчитывался рейтинг (в СМИ) «мягкой силы» государств, в которых лидировали США [12, с. 93].

Своего рода трамплином для перехода США от термина «мягкая сила» к «всеобъемлющему воздействию» в рамках «гибридной войны» против России стал доклад ЦРУ о «модернизации Россией своего оборонно-промышленного комплекса и наличие у Китая программ ускоренной промышленной модернизации своей экономики» [359, с. 228]. Фактически в документе ставился вопрос: «Кто будет управлять миром?». ЦРУ предложило «активизировать планы «гибридной войны» против России (как экономически более слабой в сравнении с Китаем), начать информационную и кибервойну против России и Китая» [5, с. 228].

Ссылаясь на мнение ведущих российских политологов, экономистов и военных экспертов [1, 2, 4, 6, 8, 14, 15] можно утверждать, что Россия в развязанной против нашей страны США и коллективным Западом «гибридной войне» должна идти **по двум стратегически важным направлениям.**

С одной стороны, Россия должна задействовать все имеющиеся у неё механизмы, ресурсы и средства в интересах достижения победы в «гибридной войне» (задачи девоенизации и денацификации Украины, недопущении развязывания США серии «гибридных» вооруженных конфликтов в странах ближнего зарубежья) и формирования нового национального проекта «Большая Евразия».

С другой стороны, после ускоренной промышленной модернизации экономической сферы России необходимо укреплять экономическую кооперацию со странами ближнего зарубежья и продвигать «мягкую силу» РФ (гуманитарные программы) в этих странах.

Говоря о **первом направлении,** важно подчеркнуть, что в условиях разрыва Западом отношений с Россией, отмечает академик РАН С.Ю. Глазьев, **«России необходимо стратегическое партнерство с Китаем и опора на экономическую кооперацию с постсоветскими странами, что позволит начать формирование российского национального проекта «Большая Евразия», который позволит закончить с зависимостью от доллара и выиграть в «гибридной войне», развя-**

занной США» [5, с. 89]. Победа укрепит статус России как суверенного глобального центра силы, сделает Россию привлекательной для других стран и обеспечит условия для взаимовыгодного экономического, военно-политического и военно-технического сотрудничества с незападными странами на основе российских национальных интересов.

Что касается **второго направления**, то России важно определить, – нужно ли для усиления своего геополитического влияния в ближнем зарубежье использовать американский (деструктивный) вариант «мягкой силы» или применить вариант формирования союза равноправных дружественных постсоветских государств?

Ответ очевиден. России все еще нужно изучать опыт использования США «мягкой силы», но не с целью его повторить, а на базе применяемых американцами социально-гуманитарных технологий **создавать свой механизм равноправного межгосударственного сотрудничества**, который должен быть направлен на защиту российских национальных интересов и интересов дружественных нам стран. Россия в новых условиях, подчеркивает философ А.Г. Дугин, должна осознать, «что ее «мягкая сила» в условиях «гибридной войны» с Западом... является производной от обороноспособности России и готовности нашей страны действовать жестко, чтобы не потерять (то есть не выпустить из-под своего влияния) постсоветские государства на постсоветском пространстве» [6, с. 173]. А для этого спецслужбам России важно упреждающе разрушать и нейтрализовывать весь спектр «гибридных угроз» национальной безопасности России [1, 2. 8].

Именно в этом направлении России нужно идти по периметру своих границ. России «нужен союз взаимодействующих суверенных государств у границ Российской Федерации, возможно по типу равноправных отношений России и Белоруссии в рамках Союзного государств» [9]. Важно наладить с постсоветскими странами политические, экономические, культурные и иные связи, а также последовательно создавать мощный оборонительный щит против НАТО.

По сути, второе направление – это задача государственного масштаба, комплексно объединяющая для её решения многие институты государственной власти и спецслужбы России. Опять же союз возникнет не сразу, а тогда, подчеркивает политолог С.Э. Кургинян, когда «будет обеспечена экономическая и научно-технологическая безопасность Российской Федерации, созданы высоко оплачиваемые рабочие места и обеспечен высокий уровень жизни населения России – то есть, когда появится привлекательность России за счет достигнутых показателей качества экономики и уровня жизни населения внутри нашей страны» [9].

Суммируя рассмотренные выше положения, необходимо отметить, что для сохранения американоцентричной системы глобального доми-

нирования стран Запада, США используют «гибридные методы» политики (дипломатическое давление; экономические санкции; информационно-психологические и дезинформационные операции; использование агентов влияния для направленного нарушения работы государственных институтов и ухудшения экономического положения населения; радикальные социальные выступления оппозиционных сил; террористические акции и боевые действия и иррегулярных вооруженных формирований. В условиях разрыва Западом отношений с Россией и наращивания американских «гибридных угроз» Российская Федерация должна реализовать комплекс приоритетных направлений своей государственной политики в интересах обеспечения безопасности и устойчивого развития России, дистанцируясь от стран Запада, которые своими поставками вооружений неонацистскому режиму Украины полностью дискредитировали себя и на десятилетия вперед разрушили возможность для межгосударственных отношений.

Таким образом, в ближайшие 10–15 лет России необходимо осуществить реформирование систем государственного управления РФ и обеспечения национальной безопасности РФ для условий «гибридной войны», но главное, после решения задач специальной военной операции на Украине и недопущения реализации США подрывных планов в отношении постсоветских стран, – начать формирование национального проекта «Большая Евразия», что является главным условием победы в «гибридной войне», развязанной США.

Литература и источники:

1. Бартош А.А. Вопросы теории гибридной войны: монография. – М.: Издательство «Горячая линия – Телеком», 2022. 324 с.
2. Белоконь С.П., Бытьев А.В., Смирнова Л.А. Частные военные компании: мировой опыт и современные перспективы для России // Военная мысль. 2015. № 1. С. 82–103.
3. Бочарников И.В. «Мягкая сила» как феномен современной мировой политики // Дипломатическая служба. 2018. № 2. С. 58–66.
4. Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций: монография. М.: Издательство «ИНФРА-М», 2022. – 126 с.
5. Глазьев С.Ю. За горизонтом конца истории: монография. – М.: Издательство «Проспект», 2022. – 416 с.
6. Дугин А.Г. Евразийский реванш России: монография. М.: Издательство «Алгоритм», 2021. – 256 с.
7. Иванов Г.А. Турки смотрят на север // Аргументы и факты. 2021. № 47. 24 ноября.
8. Карпович О.Г., Манойло А.В., Стригунов К.С., Петренко А.И. Основные аспекты информационной войны против России в рамках текущего Украинского кризиса // Украинский кризис в условиях трансформации со-

временного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России / Под общ. ред. В.Н. Баранова, П.А. Дульнева, И.В. Бочарникова. М.: Издательство «Экон-Информ», 2022. С. 149–163.

9. Кургиян С.Э. Материалы выступления по вопросу «Ход специальной военной операции России на Украине и задачи реформирования системы государственного управления и национальной безопасности Российской Федерации, обусловленные «гибридной войной» с коллективным Западом» в передаче «Право знать» российского федерального телеканала «ТВЦ». Эфир от 12.11.2022 г. [Электронный ресурс]. URL: [http:// https://www.tvc.ru/channel/brand/id/1756/show/episodes/episode_id/78841](http://https://www.tvc.ru/channel/brand/id/1756/show/episodes/episode_id/78841).

10. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика: монография. М.: Издательство «Горячая Линия – Телеком», 2020. 378 с.

11. Нарочинская Н.Б. Россия и русские в современном мире: сб. статей. М.: Издательство «Алгоритм», 2022. 418 с.

12. Наумов А.О. «Мягкая сила» и технологии её реализации. М.: Издательство «АРГАМАК-МЕДИА», 2017. 416 с.

13. Най Дж.С. Мягкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Издательство «Тренд», 2006. 373 с.

14. Пономарева Е.Г. Сущность, типология и методы «цветных революций». М.: Издательство «Эксмо», 2019. 247 с.

15. Рекк Д.А., Егоров В.Г. Клань в постсоветской Центральной Азии: монография. – М.: Издательство «Горячая линия – Телеком», 2022. 196 с.

ТОЛПА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

А.И. Петренко

«Условия толпы – это своего рода «ускоритель», который во много раз «разгоняет» ту или иную склонность, умножает ее, может разжечь до огромной силы».

Б.Ф. Поршнев

Вопросом поведения человеческой толпы ученые всего мира занимаются уже более века, с тех пор как в конце XIX века термин «толпа» вошел в социальную психологию. Такие характеристики, как стихийное поведение, неуправляемость, склонность к агрессии, делают большие скопления людей непредсказуемым, а иногда и опасным социальным явлением. В некоторых случаях толпа может представлять опасность как для окружающих, так и для себя. Например, митинги, демонстрации и марши протеста нередко заканчиваются беспорядками, погромами или вооруженными столкновениями. Принято считать, что толпа хаотична, но не лишена некоторой организации, что позволяет, при определенных условиях, ею управлять. Вероятно, по этой причине толпы играли и продолжают играть значительную роль в истории.

Социальная жизнь человека выражается в великом множестве самых разнообразных форм. Некоторые из них обыденны и привычны. Другие серьезно отличаются от того, что принято считать повседневной нормой. Существуют формы поведения сугубо индивидуализированные, целиком или в значительной степени зависящие от воли, желаний или потребностей индивида. Но есть и такие, в которых проявления воли, желаний и потребностей отдельного человека оказываются серьезно ограниченными прямым или опосредованным влиянием других людей. Такие особенности, в частности, характерны для специфической формы, которая получила наименование массового внеколлективного поведения. Наиболее опасными проявлениями подобного поведения являются массовые беспорядки и паника.

Движущей силой подобных конфликтов являются политически агрессивные или националистически настроенные лица, действия которых стимулируются коррумпированными элементами, пытающимися отвлечь от себя внимание правоохранительных органов. К этому контингенту

примыкают уголовные элементы, которые пользуются создающейся обстановкой хаоса и неуправляемости для совершения противоправных действий. В центре массовых беспорядков обычно находятся лидеры-экстремисты, многие из которых действуют под личиной активистов общественных объединений и имеют опыт ведения митинговой пропаганды, благодаря чему в массовые беспорядки вовлекается значительное число граждан.

В настоящее время участники массовых беспорядков прибегают к погромам, поджогам, убийствам, нападениям на войсковые наряды, отделы внутренних дел и следственные изоляторы, к захвату заложников, использованию боевого оружия, взрывчатых веществ, зажигательных устройств и т.п., а также к митингам, забастовкам, попыткам парализовать работу учреждений, предприятий связи и транспорта, системы жизнеобеспечения населенных пунктов. Конфликт, перерастающий в массовые беспорядки, может начаться со стихийного или даже санкционированного митинга, группового отказа от работы, массового собрания уголовных или антиобщественных элементов, а также после непродуманных действий органов власти. Осуществление преступными элементами террористических акций в местах массового скопления людей с применением огнестрельного оружия или взрывчатых веществ, аварии на промышленных предприятиях или на транспорте, пожары, стихийные бедствия могут привести к панике – достаточно специфической форме поведения больших групп людей, приводящей к дополнительным жертвам и иным отрицательным последствиям.

Изучению закономерностей формирования и функционирования толпы посвящено значительное количество работ как у нас в стране, так и за рубежом. Если до недавнего времени в основном изучались так называемые спонтанные толпы, то в новейшей истории мы имеем значительное число примеров, когда массовое поведение людей, образовавших толпу, использовалось для решения политических целей.

Хотелось бы немного остановиться на таких вопросах, как понятие и виды толпы, процесс формирования толпы, действия, совершаемые толпой и психологические особенности поведения людей, включенных в толпу.

Толпа, как отмечают многие исследователи, – это бесструктурное скопление людей, лишенных как правило ясно осознаваемой общности целей, но взаимно связанных сходством эмоционального состояния и общим объектом внимания [1; 2; 3; 4; 7; 8,10; 11;12].

Весьма образное определение толпы дал Г. Лебон: «Толпа похожа на листья, поднимаемые ураганом и разносимые в разные стороны, а затем падающие на землю» [3].

Толпой как субъектом массовых форм внеколлективного поведения часто становится:

- публика, под которой понимается большая группа людей, возникающая на основе общих интересов, часто без какой-либо организации, но обязательно при ситуации, которая затрагивает общие интересы и допускает рациональное обсуждение;
- контактная, внешне неорганизованная общность, действующая крайне эмоционально и единодушно;
- совокупность индивидов, составляющих многочисленную аморфную группу и не имеющих в своем большинстве прямых контактов между собой, но связанных каким-либо общим более или менее постоянным интересом. Таковыми оказываются массовые увлечения, массовая истерия, массовые миграции, массовый патриотический или лжепатриотический угар;
- в последнее время в толпу активно стали включаться молодые люди, в том числе и несовершеннолетние, которые легче поддается психологическому манипулированию.

Основные этапы формирования толпы

Сначала среди собравшихся людей разворачивается так называемая *циркулярная реакция*, для которой характерен интенсивный обмен собравшихся людей мнениями и эмоциями, создающий психологическую основу для будущего единообразного поведения.

Образование ядра толпы. Возникновение толпы редко выходит за пределы причинно-следственных связей социальных явлений, осознание которых далеко не всегда стихийно. Несмотря на то что одним из существенных признаков толпы является случайный состав образующих ее людей, нередко формирование толпы начинается с некоего ядра, в качестве которого выступают зачинщики.

Первоначальное ядро толпы может сложиться под влиянием рационалистических соображений и ставить перед собой вполне определенные цели. Но в дальнейшем ядро обрастает лавинообразно и стихийно. Толпа увеличивается, вбирая в себя людей, которые, казалось бы, ничего общего друг с другом до этого не имели. Спонтанно толпа образуется в результате какого-либо происшествия, которое привлекает внимание людей и рождает в них интерес (точнее, в самом начале – любопытство). Будучи взволнованным этим событием, индивид, присоединившийся к уже собравшимся, готов утратить некоторую часть своего обычного самообладания и получать возбуждающую информацию от объекта интереса. Начинается циркулярная реакция, побуждающая собравшихся проявлять схожие эмоции и удовлетворять новые

эмоциональные потребности через психическое взаимодействие. Циркулярная реакция составляет первый этап формирования и функционирования толпы.

Процесс кружения. Этот этап начинается одновременно с процессом кружения, в ходе которого чувства еще больше обостряются и возникает готовность реагировать на информацию, поступающую от присутствующих. Внутреннее кружение на основе продолжающейся циркулярной реакции нарастает. Нарастает и возбуждение. Люди оказываются предрасположенными не только к совместным, но и к немедленным действиям. При этом люди приходят в движение – верным признаком наступления этого этапа является появление в толпе нескольких центров, вокруг которых начинается медленное вращение (это отлично наблюдается, если на толпу посмотреть сверху).

Появление нового общего объекта внимания. Процесс кружения подготавливает собой следующий этап формирования толпы. Этот этап – появление нового общего объекта внимания, на котором фокусируются импульсы, чувства и воображение людей. Если первоначально общий объект интереса составляло возбуждающее событие, собравшее вокруг себя людей, то на этом этапе новым объектом внимания становится образ, создаваемый в процессе кружения в разговорах участников толпы. Этот образ – результат творчества самих участников. Он разделяется всеми, дает индивидам общую ориентацию и выступает в качестве объекта совместного поведения. Возникновение такого воображаемого объекта становится фактором, сплачивающим толпу в единое целое.

Одновременно может происходить конкретизация объекта недовольства, формируется образ ненависти, на котором фиксируются чувства и воображение людей. Если первоначально общий объект интереса составляло событие, собравшее людей, то теперь новым объектом общего внимания становится образ, создаваемый в процессе взаимодействия участников толпы. Таким объектом могут стать люди (например, представители власти, препятствующие реализации намерений толпы) или учреждения, которые, по мнению толпы, «повинны» в волнующих всех событиях.

Активизация индивидов через возбуждение. На этом этапе в формировании толпы происходит активизация индивидов дополнительным стимулированием через возбуждение импульсов, соответствующих воображаемому объекту. Такое (на основе внушения) стимулирование происходит чаще всего как результат руководства лидера. Оно побуждает индивидов, составляющих толпу, приступить к конкретным, часто агрессивным действиям. Среди собравшихся обычно выделяются зачинщики, которые и развертывают активную деятельность в толпе и исподволь направляют ее поведение. Это могут быть политически и психически не-

зрелые и экстремистки настроенные личности. Таким образом, четко определяется состав толпы.

Ядро толпы, или зачинщики – субъекты, задача которых сформировать толпу и использовать ее разрушительную энергию в поставленных целях.

Участники толпы – субъекты, примкнувшие к ней вследствие идентификации своих ценностных ориентации с направлением действий толпы. Они не зачинщики, но оказываются в сфере влияния толпы и активно участвуют в ее действиях. Особую опасность представляют агрессивные личности, которые примыкают к толпе исключительно из-за появившейся возможности дать разрядку своим невротическим, нередко садистским наклонностям.

Завершающий этап связан с *развертыванием антиобщественного поведения* толпы, то есть, собственно, с групповыми эксцессами.

Нередко в толпу включаются уголовные элементы, задача которых инициировать погромы отделений полиции (чтобы вооружиться), магазинов, банков (чтобы пограбить).

В среду участников толпы попадают и добросовестно заблуждающиеся. Эти субъекты присоединяются к толпе из-за ошибочного восприятия обстановки, они подвижны, например, ложно понятым принципом справедливости.

К толпе примыкают обыватели. Они не проявляют большой активности. Их привлекает эксцесс в качестве волнующего зрелища, которое разнообразит их скучное, унылое существование.

В толпе находят себе место люди с повышенной внушаемостью, которые очень быстро поддаются общему заражающему настроению. Они без сопротивления отдаются во власть стихийных явлений.

Участниками толпы оказываются и просто любопытные, наблюдающие со стороны. Они не вмешиваются в ход событий, однако их присутствие увеличивает массовость и усиливает влияние стихии толпы на поведение ее участников.

Классификация толпы

Как и любое другое социальное явление, толпу можно классифицировать по различным основаниям. Если за основу классификации взять такой признак, как управляемость, то можно выделить следующие виды толпы:

Стихийная толпа. Формируется и проявляется без какого-либо организующего начала со стороны конкретного физического лица.

Ведомая толпа. Формируется и проявляется под воздействием, влиянием с самого начала или впоследствии конкретного физического лица (лиц), являющегося в данной толпе ее лидером.

Организованная толпа. Эту разновидность вводит Г. Лебон, рассматривая в качестве толпы и собрание индивидов, вступивших на путь организации, и организованную толпу. Можно сказать, что он подчас не делает разницы между толпой организованной и неорганизованной. Хотя согласиться с таким подходом трудно. Если какая-то общность людей организована, следовательно, в ней имеются структуры управления и подчинения. Это уже не толпа, а формирование.

Если за основу классификации толпы взять характер поведения в ней людей, то можно выделить несколько ее типов и подтипов:

Окказиональная толпа. Образуется на основе любопытства к неожиданно возникшему происшествию (дорожная авария, пожар, драка и т.п.).

Конвенциональная толпа. Образуется на основе интереса к какому-либо заранее объявленному массовому развлечению, зрелищу или по иному социально значимому конкретному поводу. Готова лишь временно следовать достаточно диффузным нормам поведения.

Экспрессивная толпа. Формируется как и конвенциональная толпа. В ней совместно выражается общее отношение к какому-либо событию (радость, энтузиазм, возмущение, протест и т.п.).

Экстатическая толпа. Представляет собой крайнюю форму экспрессивной толпы. Характеризуется состоянием общего экстаза на основе взаимного ритмически нарастающего заражения (массовые религиозные ритуалы, карнавалы, рок-концерты и т.п.).

Действующая толпа. Формируется как и конвенциональная; осуществляет действия относительно конкретного объекта. Действующая толпа включает в себя указанные ниже подвиды:

- *Агрессивная толпа.* Объединена слепой ненавистью к конкретному объекту (к какому-либо религиозному или политическому движению, структуре). Обычно сопровождается избиениями, погромами, поджогами и т.п.
- *Паническая толпа.* Стихийно спасающаяся от реального или воображаемого источника опасности.
- *Стяжательская толпа.* Вступает в неупорядоченный непосредственный конфликт за обладание какими-либо ценностями. Провоцируется властями, игнорирующими жизненные интересы граждан или покушающимися на них (взятие штурмом мест в отходящем транспорте, ажиотажный расхват продуктов в предприятиях торговли, разгром продовольственных складов, осаждение финансовых, например банковских, учреждений, в небольших количествах проявляется в местах крупных катастроф со значительными человеческими жертвами и т.п.).

- *Повстанческая толпа.* Формируется на основе общего справедливого возмущения действиями властей. Своевременное внесение в нее организующего начала способно возвысить стихийное массовое выступление до сознательного акта политической борьбы.

Психологические процессы в толпе

Следует также иметь в виду, что в толпе на первый план выходят такие способы психологического воздействия ее членов друг на друга, как заражение и подражание.

Заражение представляет собой процесс передачи эмоционального состояния от одного человека другому, который может происходить помимо собственно смыслового воздействия, либо дополнительно к нему. В толпе, в силу наличия «обратной связи», действует механизм многократного взаимного усиления эмоционального возбуждения включенных в толпу людей, «нивелирование» знака переживаний, их охватывающих.

Наряду с этим, в значительной степени усиливается и подражание, которое заключается в воспроизведении, порой непроизвольном, образцов поведения, демонстрируемых окружающими людьми.

Особо следует подчеркнуть, что человек, оказавшийся в толпе, испытывает на себе ее специфическое воздействие, которое проявляется:

- в поощряющем влиянии толпы, которое может побудить человека совершить действия, соответствующие настроениям и побуждениям окружающих (например, ударить сотрудника полиции, препятствующего, по мнению толпы, реализации ее намерений);
- в сдерживающем влиянии толпы, которое удерживает человека от совершения действий, противоречащих настроениям и побуждениям окружающих (например, человек не в состоянии оказать помощь жертве, на которую направлена агрессивность возбужденной толпы);
- в подавлении у человека, оказавшегося в толпе, чувства ответственности за собственное поведение, которое в значительной степени объясняется сознанием собственной анонимности, мнимой безнаказанности, когда, затерявшись в «безликой массе», человек действует «как все»;
- в появлении чувства силы, основанного на многочисленности окружающей общности, которое может привести человека к активному участию в противоправных действиях, осуществляемых толпой.

Таким образом, в толпе происходит деиндивидуализация личности, для которой характерны снижение способности к самоконтролю и без-

различие к социальным оценкам совершаемых действий. Нормы поведения в толпе, складываясь спонтанно, дают направление эмоциям и определяют действия вовлеченных в нее людей.

Интересен и социальный состав толпы, участвующей в массовых беспорядках. Исследования показали, что ими являются, главным образом, антиобщественные элементы, которые злоупотребляли спиртными напитками, привлекались к уголовной ответственности и наказывались в административном порядке, нарушали трудовую дисциплину, уклонялись от общественно полезного труда или являлись безработными.

Молодежь, принимавшая участие в массовых беспорядках (примерно 60% от общего числа участников), оказалась вовлеченной в них из-за политической незрелости и житейской неопытности. Активность молодежи объясняется свойственными для этой возрастной группы особенностями: подверженностью влиянию конкретной обстановки, отсутствием устойчивого умения правильно сочетать острое восприятие событий, толкающих подчас на необдуманные поступки, с критической оценкой своих действий.

Психологические особенности индивида в толпе

В толпе индивид приобретает ряд специфических психологических особенностей, которые могут быть ему совершенно не свойственны, если он пребывает в изолированном состоянии. Эти особенности оказывают самое непосредственное влияние на его поведение в толпе.

Анонимность. Немаловажная особенность самовосприятия индивида в толпе – это ощущение собственной анонимности. Затерявшись в «безликой массе», поступая «как все», человек перестает отвечать за собственные поступки. Отсюда и та жестокость, которая обычно сопровождает действия агрессивной толпы. Участник толпы оказывается в ней как бы безмянным. Это создает ложное ощущение независимости от организационных связей, которыми человек, где бы он ни находился, включен в трудовой коллектив, семью и другие социальные общности.

Инстинктивность. В толпе индивид отдает себя во власть таким инстинктам, которым никогда, будучи в иных ситуациях, не дает волю. Этому способствует анонимность и безответственность индивида в толпе. У него уменьшается способность к рациональной переработке воспринимаемой информации. Способность к наблюдению и критике, существующая у изолированных индивидов, полностью исчезает в толпе.

Бессознательность. В толпе исчезает, растворяется сознательная личность. Преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действие внушенные идеи характерно для индивида в толпе.

Состояние единения (ассоциации). В толпе индивид чувствует силу человеческой ассоциации, которая влияет на него своим присутствием. Воздействие этой силы выражается либо в поддержке и усилении, либо в сдерживании и подавлении индивидуального поведения человека. Известно, что люди в толпе, ощущая психическое давление присутствующих, могут сделать (или, напротив, не сделать) то, чего они никогда бы не сделали (или, напротив, что непременно сделали бы) при иных обстоятельствах. Например, человек не может оказать без ущерба для собственной безопасности помощь жертве при враждебном отношении к этой жертве самой толпы.

Состояние гипнотического транса. Индивид, пробыв некоторое время среди действующей толпы, впадает в такое состояние, которое напоминает состояние загипнотизированного субъекта. Он уже не осознает своих поступков. У него, как у загипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения, приобретаемого в толпе, индивид совершает действия с неудержимой стремительностью, которая к тому же возрастает, поскольку влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается силой взаимности.

Ощущение непреодолимой силы. Индивид в толпе приобретает сознание непреодолимой силы, благодаря одной только численности. Это сознание позволяет ему поддаться скрытым инстинктам: в толпе он не склонен обуздывать эти инстинкты именно потому, что толпа анонимна и ни за что не отвечает. Чувство ответственности, сдерживающее обычно отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе – здесь понятия о невозможности не существует.

Заражаемость. В толпе всякое действие заразительно до такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу толпы. Подобное поведение противоречит самой человеческой природе, и потому человек оказывается способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы.

Аморфность. В толпе полностью стираются индивидуальные черты людей, исчезает их оригинальность и личностная неповторимость. Утрачивается психическая надстройка каждой личности и вскрывается и выходит на поверхность аморфная однородность. Поведение индивида в толпе обуславливается одинаковыми установками, побуждениями и взаимной стимуляцией. Не замечая оттенков, индивид в толпе воспринимает все впечатления в целом и не знает никаких переходов.

Безответственность. В толпе у человека полностью утрачивается чувство ответственности, практически всегда являющееся сдерживающим началом для индивида.

Социальная деградация. Становясь частицей толпы, человек как бы опускается на несколько ступеней ниже в своем развитии. В изолированном положении – в обычной жизни он скорее всего был культурным человеком, в толпе же – это варвар, т.е. существо инстинктивное. В толпе у индивида обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости. Человек в толпе претерпевает и снижение интеллектуальной деятельности.

Степень деиндивидуализации личности иногда достигает такого уровня, что человек совершенно не отдает себе отчета о совершаемых им действиям. Автору пришлось однажды беседовать с человеком, который, находясь в толпе, действовал крайне агрессивно, что подтверждалось видеозаписью. Даже просматривая видео, где четко было видно и слышно то как он себя вел в толпе, этот человек не мог понять почему он вдруг стал себя так вести.

Лидер в толпе и механизмы управления толпой

Часто поведение толпы определяется наличием или отсутствием в ней лидера. Лидер в толпе может объявиться в результате стихийного выбора, а нередко – и в порядке самоназначения. Самозванный лидер обычно подлаживается под настроения и чувства людей толпы и сравнительно легко может побудить участников ее к поведению определенного типа.

Любое скопление индивидов инстинктивно подчиняется власти вождя. Герой, которому поклоняется толпа, поистине для нее – бог. В душе толпы преобладает не стремление к свободе, а потребность подчинения. Толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властелином.

Люди в толпе теряют свою волю и инстинктивно обращаются к тому, кто ее сохранил. Всегда готовая восстать против слабой власти, толпа раболепствует и преклоняется перед властью сильной. Предоставленная самой себе, толпа скоро утомляется своими собственными беспорядками и инстинктивно стремится к рабству.

Толпа столь же нетерпима, сколь и доверчива в отношении авторитета. Она уважает силу и мало поддается воздействию доброты, означающей для нее лишь своего рода слабость. Она требует от героя силы и даже насилия, хочет, чтобы ею владели, ее подавляли. Она жаждет бояться своего властелина. Власть вожаков очень деспотична, но именно этот деспотизм и заставляет толпу подчиняться.

В толпе людей вождь часто бывает только вожаком, но тем не менее роль его значительна. Его воля – это ядро, вокруг которого кристаллизуются и объединяются мнения. Роль вожаков состоит главным образом в том, чтобы создать веру, все равно какую. Именно этим объясняется их большое влияние на толпу.

Нередко вожаками бывают психически неуравновешенные люди. Как бы ни была нелепа идея, которую они объявляют и защищают, цель, к которой они стремятся, их убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Есть и еще одно качество, которым обыкновенно отличаются вожаки толпы: они не принадлежат к числу мыслителей – это люди действия.

Один из важных факторов, определяющих влияние лидера на толпу, – это его харизма. Харизма – вид господства какой-нибудь идеи или личности над умами индивидов. Она может складываться из противоположных чувств, например, восхищения и страха, и быть двух видов: приобретенная и личная. Личная харизма отличается от искусственной или приобретенной и не зависит ни от титула, ни от власти. Она основывается на личном превосходстве, на военной славе, на религиозном страхе, но не только на этом. В природе харизмы участвует множество различных факторов, но одним из самых главных всегда был и остается успех.

Управление толпой имеет двойственную природу, ибо толпа практически всегда – объект управления двух сил: с одной стороны, ею руководят лидеры, вожаки; с другой, – толпой занимаются силы охраны общественного порядка, властные административные структуры.

Возможности управления толпой существенно различаются в зависимости от того, кто стремится быть в ней лидером – демагог или интеллигент. Как говорят на Востоке, тот, кто хочет управлять толпой, пытается оседлать тигра. Тем не менее управлять личностями много сложнее, чем толпой.

Механизмами массового поведения может воспользоваться политик с любыми взглядами и любого морального уровня. В таких случаях толпа становится игрушкой в руках лидера. Обычно люди, жаждущие вести за собой толпу, интуитивно владеют приемами воздействия на нее. Они знают: чтобы убедить толпу, надо сначала понять, какие чувства ее воодушевляют, притвориться, что разделяешь их, а затем вызвать в воображении толпы прельщающие ее образы. Толпе надо всегда предьявлять какие-либо идеи в цельных образах, не указывая на их происхождение.

Оратор, желающий увлечь толпу, должен злоупотреблять сильными выражениями. Преувеличивать, утверждать, повторять и никогда не пробовать доказывать что-нибудь рассуждениями – вот способы аргументации для толпы.

Утверждение тогда лишь воздействует на толпу, когда оно многократно повторяется в одних и тех же выражениях: в таком случае идея внедряется в умы так прочно, что в конце концов воспринимается как доказанная истина, а затем и врежется в самые глубокие области бес-

сознательного. Этот прием также вполне успешно применяется лидерами или вожаками толпы.

Теоретический анализ механизмов формирования толпы может в некоторой степени помочь и административным органам контролировать ее поведение. Перед ними стоит задача двоякого рода:

- пробудить осознание индивидами толпы своих действий, вернуть им утраченное чувства самоконтроля и ответственности за свое поведение;
- предотвратить образование толпы или расформировать уже образовавшуюся толпу.

Эффективными средствами могут считаться следующие:

- переориентирование внимания индивидов, составляющих толпу. Как только внимание людей в толпе оказывается распределенным между несколькими объектами, сразу же образуются отдельные группы, и толпа, только что объединенная «образом врага» или готовностью к совместным действиям, тут же распадается. Подавленные влиянием толпы черты личностной структуры индивидов оживают – каждый человек в отдельности начинает регулировать свое поведение. Толпа перестает быть активной, функционирующей и постепенно рассеивается;
- объявление по громкоговорителю о том, что скрытыми камерами осуществляется видеосъемка участников толпы;
- обращение к участникам толпы с названием конкретных фамилий, имен, отчеств, наиболее распространенных в данной местности;
- применение мер по захвату и изоляции лидеров толпы. Если из-за какой-нибудь случайности вожак исчезает и не замещается немедленно другим, толпа снова становится простым сборищем без всякой связи и устойчивости. В этом случае легче проводить мероприятия по рассеиванию толпы.

Вообще-то с толпой очень сложно говорить голосом разума. Она воспринимает лишь приказ и обещания. Хотя и с тем, и с другим необходимо соблюдать осторожность.

Для овладения приемами контроля полезно учитывать специфический феномен, называемый географией толпы: в толпе обычно образуется более плотное ядро и разреженная периферия (это очень хорошо видно при аэрофотосъемках). В ядре аккумулируется эффект эмоционального кружения, поэтому здесь человек сильнее ощущает его влияние.

Соответственно, если принято решение воздействовать на толпу изнутри, то следует проникать в ядро (имея в виду гипертрофированную внушаемость и т. д.); напротив, извне рекомендуется действовать через периферию.

Проникшие в ядро, имитируя эмоции страха или жадности (в агрессивной толпе), или бросая соответствующий клич и т. д., дают импульс паническому либо стяжательному поведению. Другой вариант: внимание агрессивной толпы переориентируется с одного (более опасного) на другой объект. Тем самым удается избежать наиболее драматического развития событий.

Переориентируя внимание периферии на какие-либо яркие события, агрессивную либо экспрессивную толпу (митинг и т. д.) превращают в одну или несколько окказиональных толп.

Воздействием громкой ритмической музыки или (в отсутствие таковой) ритмическим скандированием можно превратить агрессивную, паническую или стяжательную толпу в экспрессивную, в частности в экстатическую, когда люди непроизвольно начинают танцевать и не в силах остановиться, расходуют накопившуюся энергию в ритмических конвульсиях.

При этом важно подобрать адекватный ритм. Так, для борьбы с агрессивной толпой используется быстрый ритм рок-музыки. Массовую панику способен сбить более медленный ритм марша или гимна.

Сплочению толпы и заражению ее негативной эмоцией способствует также не только ритмичное выкрикивание лозунгов, пение ритмичных песен, но и совершение ритмичных синхронных движений (подпрыгивания на майдане в Киеве).

Относительно недавно группа ученых из Университета Аризоны (Arizona State University) сообщила о новых результатах проекта «Моделирование поведения толпы» (Modeling Crowd Behavior), которая позволяет с большей или меньшей степенью достоверности предсказывать варианты поведения толпы. Руководителем проекта является Пол Торренс (Paul Torrens). Цель проекта, пишут авторы исследования, создание рабочей платформы для моделирования человеческого поведения и механизмов управления толпой, взаимодействия людей в социальной и антисоциальной толпе, имитации различных поведенческих сценариев толпы в городской среде (включая гражданские беспорядки и насилие, опасности и чрезвычайных ситуаций и эвакуацию населения, преступность и так далее), а также поиск ответа на вопрос: при каких обстоятельствах мирная толпа внезапно превращается в толпу агрессивную, которая способна прибегать к насилию.

Некоторые данные авторы эксперимента огласили первые.

Во-первых, в толпе невероятно быстро происходит обмен невербальной информацией (мимика, жесты, движения и так далее), чем вербальной – то есть словами.

Во-вторых, действия только одного человека способны повлиять на поведение всей толпы (к примеру, в случае, если человек совершает вне-

запные остановки и рывки – в этом случае, возникают «волны» людей, имитирующих его действия, которые накрывают всю толпу). То есть, действия одного человека в толпе могут копироваться большинством.

В-третьих, при попадании в толпу, где большинство людей составляют антисоциальные личности, вполне законопослушные люди также начинают нарушать закон (например, начинают грабить магазины или бросать камни) – и наоборот, преступники и хулиганы быстро умеряют свои разрушительные инстинкты в толпе, состоящей из дисциплинированных и позитивно настроенных людей.

Рассмотреть в столь малом объеме все особенности такого сложного феномена, как «толпа», нереально. Мы постарались остановиться на наиболее важных характеристиках толпы и тех процессах, которые в ней могут происходить как стихийно, так и целенаправленно.

Несмотря на то что около 40 лет тому назад французские психологи дали обоснованные и четкие рекомендации как не допускать увеличения плотности толпы, рассекая ее на стадии начального формирования, сегодня во всем мире это забыто. Силовики спокойно взирают на то как толпа сжимается, приобретая критическую массу, а когда это происходит – начинают ее разгонять. Не используются также и возможности перехвата инициативы на самом раннем этапе формирования толпы, когда организаторы через различные ресурсы еще только призывают людей собраться в определенное время в определенном месте. Ведь в каждом населенном пункте у силовиков есть его карта и спланировать перекрытие конкретных путей подхода к означенному месту не составляет большого труда. Важно не дать образоваться толпе, которая, набрав силу, начнет агрессивные действия.

Ну, а информирование собравшихся об истинных целях организаторов сборища и их личностных характеристиках вообще кануло в лету. А ведь были примеры, когда своевременное доведение такой информации побуждало значительную массу людей покидать толпу.

Демонстративная видеосъемка, да еще и с соответствующими комментариями на многих людей, действует отрезвляюще, лишает их ощущения анонимности и безнаказанности совершаемых ими деяний, и они тоже могут покинуть толпу.

Нам кажется, что вопросам нейтрализации действий агрессивной толпы следует уделить отдельное внимание.

Литература и источники:

1. Бочарников И.В. Внутренняя безопасность России и потенциальные причины конфликтов на ее территории // Вестник аналитики. 2002. № 3. С. 155–161.
2. Канетти Э. Масса и власть. М.: АСТ, 2020, 704 с.

3. Карпухин О., Макаревич Э. Формирование масс: Природа общественных связей и технологии «паблик рилейшнз»: Опыт историко-социологического исследования. Калининград: Янтарный сказ, 2001. 547 с.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ, 2017, 384 с.
5. Митрохин С. Трактат о толпе // Век XX и мир. 1990. № 11.
6. Московичи С. Век толп. М., 2011, 396 с.
7. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения. Лекции. М., 2005.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Директ-Медиа, 2007. 339 с.
9. Петренко А.И. Пандемия и паника // Вестник МГОУ. 2020. № 2. С. 14–29.
10. Петренко А.И. Пандемия коронавируса и политика // Nacionalnaisigumjst. 2020. Июнь. София. С. 9–13.
11. Петренко А.И. Поведение в толпе // Педагогическое искусство. 2021. № 3. Киров. С. 56–62.
12. Преступная толпа. – М., 1998.
13. Психология господства и подчинения: Хрестоматия. Минск, 1998.
14. Психология масс: Хрестоматия. Самара, 1998.
15. Психология толп. М., 1998.
16. Руткевич А.М. Человек и толпа // Диалог. 1990, № 12.
17. Фрейд З. «Я» и «Оно». – Тбилиси, 1991.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ЕЕ СОХРАНЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ⁶

*С.Л. Кандыбович,
Т.В. Разина*

Первые религиозные представления у человека, как показывают исследования, имели место уже в период верхнего палеолита, датируемый примерно 50 000–12 000 лет до н.э. Неолитическая революция, в результате которой оседлое земледелие и скотоводство стали ведущими и прогрессивными формами общественного и экономического уклада, произошла около 12 000 лет до н.э. Неолитическое общество стало иерархичным и неравноправным, их религиозные обычаи изменились в соответствии с их потребностями. Религия неолита, возможно, стала более структурной и централизованной, чем в эпоху палеолита, и связана с поклонением как отдельным предкам, так и предкам целых групп, племен и поселений [12].

Культ и почитание предков представляли собой зарождающуюся духовность, надприродную рефлексию человеческой сущности. Отечественные исследования показывают, что и для славянских народов культ и почитание предков составляли важные аспекты языческих верований [8]. В соответствии с традиционными представлениями первых языческих верований, все, что имеет ценность для живых (в том числе и экономическое благосостояние), – это дар предков. «Дар» – это то, что устанавливает связь между дарителем и одаряемым, это – акт взаимобмена. Родственные связи (также, как и многие другие) поддерживаются путем взаимобмена. В.В. Седов отмечает возможную главенствующую роль в языческом пантеоне древних славян (возможно в некоторые исторические периоды) языческого бога Рода и его основную роль защиты и поддержания родственных связей [9, С. 268]. На фоне глубокой благодарности предкам за имеющееся достояние возникали чувства поклонения, уважения и страха, поскольку умершие предки уже относились к иному миру, миру духов, обладали сверхъестественной силой. Вера в то, что предки незримо наблюдают за всеми добрыми и дурными делами человека, что перед ними необходимо в последствии нести ответ, что

⁶Впервые опубликовано: Кандыбович С.Л., Разина Т.В. Историческая память, ее сохранение и формирование в педагогическом процессе // Мировые цивилизации. 2022. Том 7. № 4. С.19–27.

невозможно опозорить их память, стала, на начальных этапах развития общественного и индивидуального сознания, внешней моделью, прообразом совести – внутренней ответственности перед самим собой.

В последствии во всех мировых религиях одним из краеугольных принципов было уважение к родителям и прародителям. В подавляющем большинстве культур получить благословение родителей в самые ответственные и переломные моменты жизни считалось для детей неотъемлемым залогом успеха. Почитание родителей, сохранение памяти о предках еще один из краеугольных камней в развитии и формировании человеческой культуры и цивилизации, условие для появления нравственности, развития и выживания человеческого общества.

Одним из самых страшных проклятий и наказаний было изгнание человека из общества, которое влекло за собой его забвение. Для полного уничтожения противника недостаточно было убить его физически, важно было стереть и память о нем. Если речь шла о простом человеке, с большой вероятностью уничтожению подлежали все его родственники. В случае с первыми лицами государства желание вычеркнуть кого-либо из анналов истории приводило к корректировке летописей [7].

Сегодня, в эпоху глобализации, когда границы стираются, традиции уходят в прошлое, тенденции к универсализации заставляют забыть свою уникальность, историческая память и память предков находится под значительным ударом. Глобализм призывает отказаться и отбросить все лишнее, в том числе историю и традиции, войти в новый мир человеком без прежних культурных обременений. Тем не менее даже в этих условиях разные народы по-разному относятся к своей исторической памяти.

Сегодня в Европе повсеместно внедряются новые погребальные практики, ядром которых является экономическая целесообразность и эффективность, а также экологические тренды, что приводит к широкому применению новых технологий: кремация, биоразлагаемые капсулы, ресомация. Повсеместно проходит политика активного, а иногда и агрессивного внедрения экологических захоронений, похорон-шоу, которые приводят к смерти традиционного кладбища. На этом фоне также меняются практики коммуникации с умершими, т.е. изменения претерпевает личная историческая память [3].

Если обратиться на восток, то там ситуация обратная – кладбища живут даже не столетиями, а тысячелетиями, погребальные обряды трансформируются незначительно. На современных действующих кладбищах Казахстана, Узбекистана, Киргизии рядом находятся захоронения XVII–XVIII века и захоронения, сделанные только вчера. И это один из путей сохранения личной истории, как истории рода.

Однако, помимо личной исторической памяти, существует еще и коллективная. Человек является не только представителем рода, но и на-

рода, государства. Свою историю каждое государство, в том числе с просветительской и воспитательной целью, оформляло в виде памятников, отражающих ключевые исторические события и личности [10]. Памятник служит средством самоописания общества.

Попытки скорректировать воспоминания и переписать историю, к сожалению, не являются чем-то новым, но сегодня они стали характерной чертой современности – с их помощью в пытаются предать забвению все то, что не соответствует сегодняшним представлениям о должном. И в этом смысле забывание служит способом определить политическое настоящее, придать смысл конкретным событиям и контролировать непредвиденное. Именно поэтому памятники нашим войнам-освободителям в европейских странах подвергаются осквернению и демонтируются. Но памятники – это важный, но неединственный компонент исторической памяти.

Выше мы уже отмечали, что историческая память может быть как индивидуальной, так и коллективной, обе они отвечают и обеспечивают самоидентичность человека, первая – как индивидуальности, персоны, вторая – как гражданина, представителя народа, страны. Индивидуальная историческая память в свою очередь складывается из памяти, содержащей события личной истории, и памяти, содержащей события истории страны.

Чтобы формировать историческую память надо достаточно хорошо понимать, что это за образование, как оно работает. Сегодня словосочетание «историческая память» часто используется в риторике общественных и политических деятелей, историков, социологов, но не всегда с должным проникновением в вопрос. Память – понятие психологическое, это высший психический процесс, и он подчиняется своим психологическим законам. На данный момент историческая память изучена не столь хорошо, как, например, кратковременная, оперативная или долговременная или даже – биографическая. Тем не менее определенные результаты в этом направлении уже есть.

Существует множество классификаций памяти [11, с. 403], тем не менее в контексте наших прикладных задач, а именно проблемы формирования, воспитания исторической памяти, ее можно классифицировать как кратковременную, долговременную, автобиографическую («...представляет собой сопряженную во временном пространстве, достаточно протяженную историю собственного существования, которая в своей структуре имеет повествования о различных возрастных периодах жизни и в целом рассказы о своем происхождении, разнообразные социальные достижения и успехи или же неудачи, достигнутые результаты и т. д. [5, с. 61]) и историческую. Долговременная и автобиографическая память составляют основу для исторической памяти. Че-

ловек должен видеть и себя в контексте истории и свой опыт приобретения данной памяти. Если долговременная память обеспечивает когнитивный компонент исторической памяти, то автобиографическая память — эмоциональный и деятельностный компоненты, а также ценностный.

Рассмотрим далее, как внешняя информация становится содержанием индивидуальной исторической памяти человека, параллельно акцентируя внимание на возможных психолого-педагогических условиях для формирования содержания исторической памяти молодежи.

Процесс внедрения информации как в сознание, так и в бессознательное начинается с восприятия, которое очень избирательно. Человек постоянно находится в очень насыщенном информационном поле. В зависимости от наших установок, актуальных потребностей, закономерностей внимания и массы других факторов, мы из этого информационного поля выделяем ограниченный набор стимулов, который переходит в кратковременную память, причем как на сознательном, так и на бессознательном уровне. В результате деятельности и связи с ценностно-нормативным полем личности часть из информации в кратковременной памяти переходит в долговременную, составив багаж наших знаний и основу для исторической памяти, а может и не перейти.

Чтобы информация попала в кратковременную память, а потом и в долговременную она должна быть связана с актуальными потребностями и мотивами человека. Для восприятия (в особенности для восприятия молодежи) характерна ориентация на новизну и эмоциональность информации [6]. Таким образом, если мы хотим, чтобы информационное сообщение было воспринято молодежью оно должно быть связано с тем, что сейчас молодежь волнует, обладать новизной, определенным эпатажем либо по форме, либо по содержанию. Именно поэтому, например, оправдано использование социальных сетей в образовательных и воспитательных целях.

К сожалению, у основного массива информации, которая транслируется сегодня по всем каналам, преобладает эмоционально нейтральный фон либо положительный (с целью вызвать радость, смех, развлечь). Даже чувство страха (например, при просмотре фильмов ужасов) носит развлекательный характер. При этом для человека свойственен широчайший спектр других эмоций (интереса, волнения, горя, скорби, гнева, сожаления, сочувствия и т.д.), который люди в современном мире (и в особенности молодежь) испытывают все реже. У современной молодежи может просто отсутствовать опыт переживания ряда эмоций. Если простейшие чувства, зачастую общие для человека и животных переживаются достаточно часто, то высшие чувства, которые требуют личностной зрелости, когнитивной работы, сегодня доступны далеко не всем. Само по себе переживание новой эмоции

привлечет внимание и будет способствовать закреплению информации в памяти.

Таким образом, задача параллельная воспитанию исторической памяти и выступающая условием ее реализации – это воспитание высших чувств.

Следующей важной чертой молодежи, определяющей содержание и стилистику подачи информации, является поиск правды, либо той информации, которую молодые люди считают правдивой, даже если сами они не осознают этого. Сегодня в эпоху фейков, а также предельной информационной насыщенности, доверие молодежи к различного рода информационным источникам существенно снижено. Общую специфику отношения молодежи к информации можно охарактеризовать так: «не верь ничему, но ищи правду». Показательно, что к аналоговым источникам информации доверия также больше, чем к цифровым. Также существует достаточно устойчивая установка, что информация негативного характера более правдивая, чем информация позитивного характера, поэтому когда по телевидению рассказывают об успехах, то это воспринимается с недоверием или скептицизмом. Отметим, что такая установка не только у молодежи, она сформировалась в переходный постперестроечный период, и ее искоренение – дело не одного года.

Если информация была воспринята и осознана, включена в систему уже существующих знаний, то она переходит и в долговременную память, становится багажом знаний.

Та информация, которая попала в кратковременную память неосознаваемо, также может переходить на неосознаваемый уровень долговременной памяти, но это касается уже не знаний, а эмоционального отношения, общих установок и т.п. Именно так, например, формируется отношение к историческим фактам, их субъективная ценность. Если например, школьники слышат очень методически грамотно составленный материал о войне, который расценивается ими как достоверный, но при этом учитель подает его с равнодушным видом, т.е. сам не верит в его важность, то такая информация школьниками бессознательно обесценивается.

Таким образом, двумя важными условиями формирования исторической памяти является знание и эмоции.

Важным условием прочности запоминания является деятельностный компонент. Поэтому схема перевода исторической информации в долговременную память может быть рассмотрена следующим образом: узнал – эмоционально пережил – сделал.

Самая большая проблема в формировании исторической памяти в школе, в вузе заключается в том, что эта последовательность крайне

редко доводится до конца. Как правило, это только «узнал – пережил», либо даже просто «узнал». Безусловно, обозначенная трехкомпонентная технология довольно трудоемка, но в этом плане необходимо руководствоваться принципом «лучше меньше, да лучше».

Здесь возникает вопрос: а что подразумевается под «сделал»? Формы здесь могут быть самые разные, но все они в идеале должны быть направлены на то, чтобы дать нашим молодым людям опыт активного гражданина, который не ждет, что кто-то сделает его страну лучше, а сам начнет делать ее такой.

Уроки истории и анализ личной семейной истории должны идти рука об руку с волонтерской работой, поисковой работой, облагораживанием захоронений, начальной военной подготовкой и т.д. А это, в первую очередь, – участие в школьных мероприятиях, которых проводится довольно много, но они, по-видимому, не фиксируются в сознании детей как действительно важный личный и культурный опыт. Поэтому необходимо дополнять, разрабатывать, совершенствовать методики их проведения [1, 2]. Даже создание соответствующих постов, информационных ресурсов может быть отнесено к категории «сделал». Здесь, однако, важно не увлекаться виртуальными формами и стремиться все же к формам материальным.

Необходимо отметить, что на уроках истории, обществознания в школах формируется историческая память, которая касается страны, народа, но, историческая память мертва без памяти о своей семье в контексте истории страны. Учителя должны способствовать активизации этой семейной памяти и пробуждению у учеников интереса к семейной истории, умению связать историю своей семьи с теми глобальными историческими процессами, которые происходили в нашей стране. Только в этом случае и семейная история станет интересной и важной, и история страны будет приобретать личностный смысл.

Историческая память о стране и о своей семье должны быть едины, и это достигается системной образовательной работой.

Необходимо отметить, что в этом отношении ситуация в Республике Беларусь значительно опережает ситуацию в Российской Федерации (таблица 1). По данным, полученным в работах Н.Л. Мысливца, в Республике Беларусь молодежь получает систематическую и единую информацию посредством ее трансляции через учебные заведения (коллективная историческая память), и впоследствии она подкрепляется беседами с членами семьи (индивидуальная историческая память) и фиксируется с помощью эмоционально насыщенной информации в фильмах.

В Российской Федерации молодежь черпает информацию в основном из сети Интернет, где за ее качество никто не может поручиться. Телевизионные передачи (в особенности по центральным каналам), конеч-

но же, в большей степени дают информацию, соответствующую исторической правде и государственной позиции. Однако здесь отсутствуют связи между когнитивным (знания) и эмоциональным компонентами, системность, что как раз может создавать условия для проникновения в сознание молодежи искажающих влияний.

Таблица 1

Результаты сравнения исследования об источниках знаний о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь [4, с. 26] и в Российской Федерации (исследование авторов)

Из каких источников Вы получаете информацию о Великой Отечественной войне	РБ	РФ
на уроках истории в школе/на университетских занятиях	86,3%	24,3%
из кинофильмов	68,3%	15,8%
от членов семьи	52,4%	12,3%
из Интернета	47,2%	89,5%
из телевизионных передач	35,5%	76,3%
из художественных книг, прочитанных в соответствии со школьной программой	29,4%	10,1%
из проводимых в школе (в университете) мероприятий	22,1%	13,2%
из научной литературы	15,5%	7,8%

Формы работы с исторической памятью школьников и студентов могут быть самые разные, и они зависят и от уровня подготовки учеников и от содержания самого материала и т.д. Значительная роль здесь должна быть у самостоятельной работы и домашних заданий, направленных на формирование интереса к своей семейной истории. Возможна работа с архивами, построение генеалогического древа и т.д. Необходимо помочь детям, научить их искать те факты, благодаря которым они могли бы ими гордиться своей семейной историей. Допустим, на рубеже XIX–XX вв. предок одного из школьников был крестьянином, что в принципе воспринимается как достаточно банальный и рядовой факт. Тем не менее, например, в 1910–1913 гг. экспорт зерна в Европу из России оставил более 11 млн тонн, Удельный вес России в мировой торговле зерном составлял 35,1%, т.е. Россия не только кормила Европу и страны Америки, но и получала значительные прибыли. Таким образом, именно этот предок своим трудом формировал, в том числе золотой запас Российской империи, ее благосостояние.

Когда интерес к семейной истории будет разбужен можно давать детям самостоятельные задания. Например, узнать, где и как встретили начало Великой Отечественной войны прадедушки и прабабушки учащихся, что они делали, пошли ли они на фронт, трудились ли в тылу,

были ли эвакуированы, возможно, кто-то и познакомился и повстречался на войне, кто как и где встретил Победу.

Часто такие задания учителя предлагают делать в реферативной форме, когда дети рассказывают историю своей семьи в войну от начала и до конца. Это важно, но не очень эффективно. В первую очередь, в силу особенностей восприятия информации. Дети не всегда умеют владеть аудиторией, не знают, как удерживать внимание слушателей, которое снижается уже после 4-й минуты.

Мы предлагаем несколько иную форму, когда дети рассказывают о своих предках параллельно рассказу учителя. Учитель не просто рассказывает, что 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на СССР, но и просит учащихся рассказать о своих родственниках в этот период. Это могут быть 1–2 слова, но от каждого учащегося, а совместно, это создает целостную картину, но не абстрактную, а вполне реальную, близкую картину исторического события, подчеркивает роль и место предков ребенка в историческом процессе, дает возможность показать, как данное событие отразилось на судьбах сегодняшних детей.

Именно тогда историческая информация становится осознанной, история становится живой, близкой и понятной.

Таким образом, процесс образования и воспитания, направленный на формирование исторической памяти школьников, молодежи, должен быть насыщен не развлекательными, но яркими, образными, эмоционально полными историческими фактами, которые бы транслировали наши традиционные ценности – любовь к Родине, самоотверженность, героизм, патриотизм. Важнейшим аспектом при этом должен стать методический прием связи истории семейной и истории страны.

Литература и источники:

1. Апросимов Д.А., Ермолаева Ю.Н. Разработка мультимедийного ресурса как средства передачи исторической памяти // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2019. № 1 (13). С. 5–11.

2. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Календарь образовательных событий как педагогический инструмент формирования исторической памяти российских школьников // Преподавание истории и обществознания в школе. 2020. № 5. С. 44–54.

3. Морозов И.А., Шрайнер А.А. Смерть кладбища: новые погребальные традиции на европейском пространстве // Сибирские исторические исследования. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smert-kladbischa-novyepogrebalnye-traditsii-na-evropeyskom-prostranstve> (дата обращения: 19.07.2022).

4. Мысливец Н.Л. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи: социологический анализ // Философия и социальные науки. 2015. № 4. С. 23–29.

5. Осипова И.С., Никишов С.Н., Андриянова А.В. Особенности функционирования автобиографической памяти студентов с различным уровнем социального интеллекта // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 1. С. 61.
6. Психология высшей школы в Союзном государстве / М.И. Дьяченко [и др.]; под ред. С.Л. Кандыбовича, Т.В. Разиной. 6-е изд., перераб. и доп. Минск: Харвест, 2019. 672 с.
7. Рикёр П. Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
8. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Акад. проект, 2013. – 638 с.
9. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Серия Археология СССР). -М.: Наука, 1982. 327 с.
10. Хомяков А.И. Архитектура монументов: социально-культурный вектор // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2020. № 1. С. 26–31.
11. Энциклопедический психологический словарь-справочник: 1000 понятий, определений, терминов: учебно-методическое пособие для вузов / под ред. С.Л. Кандыбовича, А.Д. Короля, Т.В. Разиной. – 6-е изд., перераб. и доп. – Минск: Харвест, 2021. – 864 с.
12. Wunn I. Beginning of religion // Numen. International Review for the History of Religions. 2000. Volume 47: Issue 4. Pages: 417–452. DOI: <https://doi.org/10.1163/156852700511612>

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НЕГАТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОТРУДНИКОВ РОССИЙСКИХ СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ ⁷

А.Г. Караяни

Анализ актуальной информационно-психологической ситуации в мире показывает, что она является сложной, динамичной и противоречивой. Специальная военная операция до предела обострила информационно-психологическое противоборство России с самыми одиозными и беспринципными противниками нашего государства.

Президент России В.В. Путин, выступая на заседании СБ РФ 20 мая 2022 года подчеркнул, что «по сути против России развязана настоящая агрессия, война в информационном пространстве»... «Атаки наносятся из разных государств, при этом они чётко скоординированы» [8].

Анализ этих атак показывает, что для их осуществления противники России создали мощнейшую за всю историю интернациональную информационно-психологическую группировку. Эта группировка включает военные информационно-психологические структуры НАТО, киберкомандование Пентагона, информационные подразделения Агентства национальной безопасности США, крупные международные фонды, новые информационные компании Евросоюза, Польши и Прибалтийских государств. Её передовые отряды сосредоточены вблизи наших границ: в Риге, Таллине, Вильнюсе, Киеве, Львове, Одессе, Варшаве, Стокгольме. Изучение деятельности этой информационной армады убеждает в том, что ее своеобразным «драйвером» выступает Великобритания, в частности 77 кибербригада и организация PRNetwork. Именно они являются сценаристами и режиссёрами-постановщиками большинства крупных и наиболее резонансных антироссийских акций последних лет.

Необходимо отметить, что масштабы информационно-психологической активности этой информационно-психологической группировки осознаётся нами в полной мере лишь сейчас, благодаря обнаружению на

⁷ Опубликовано в сборнике: Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербург, 2022

освобождаемой украинской территории соответствующих документов и доказательств. Знакомство с такими документами (планами и программами информационно-психологических операций, отчётами о их реализации и т.д.), отражающими характер информационно-психологических акций против нашей страны, позволяет констатировать, что сегодня передовым отрядом перечисленных выше сил выступает созданная на Украине единая военно-государственная информационная система. Здесь все государственные и частные информационные ресурсы подчинены военной организации, конкретно четырём центрам информационно-психологических операций⁸ (16-й, 72-й, 74-й и 83-й ЦИПСО), и действуют по их сценариям, методичкам и заданиям. Эта система включает 14 теле- и радиокompаний, 9-периодических изданий, книжные издательства, полиграфические базы, 27 PR-агентств, подразделение сканирования медиапространства, 3 ботофермы и др. На сегодняшний день во всех ЦИПСО насчитывается около 600 человек.

Мониторинг интернет-публикаций по анализируемой проблеме показывает, что ЦИПСО имеют подразделения мониторинга и анализа, наблюдения и специальных действий, печатной пропаганды, информационно-компьютерных технологий, телекоммуникационных сетей. Это позволяет вести подрывные информационно-психологические акции как в офлайн, так и в онлайн пространстве.

О масштабах участия украинских спецслужб в информационно-психологических акциях свидетельствует следующий факт. Исследователи из государственного университета Аделаиды выявили, что с 23 февраля по 8 марта 2022 года в Твиттере было опубликовано 5, 2 млн твитов. До 80% этих твитов было опубликовано с фальшивых аккаунтов. 90% этих фейковых аккаунтов действуют в интересах Украины [7]. Органы ПСО Украины агрессивно вмешивались в выборы высших и местных органов власти в Российской Федерации Белоруссии, Молдове, Прибалтийских государствах, в военный конфликт за Нагорный Карабах, в деятельность властей в ДНР и ЛНР, в протестные акции в Казахстане, в российско-китайские отношения (операция «На сопках Манчжурии») и т.д.

Для того чтобы воздействовать на население в онлайн и в офлайн пространствах, в штатах ЦИПО предусмотрены специалисты разного профиля. Анализ размещённого в Интернете кадрового объявления 16 ЦИПСО позволяет констатировать, что в нём, как минимум, трудятся специалисты как «технологического» профиля («веб-аналитик, IT-специалист, контент-менеджер, графический дизайнер, видеооператор, специалист по издательскому делу), так и специалисты «по работе

⁸ Далее – ЦИПСО

с людьми» (психолог, специалист по PR, историк, диктор) [5]. Некоторые сотрудники центров имеют актёрскую подготовку.

Изучение направленности информационно-психологической деятельности ЦИПСО показывает, что объектами их воздействия являются органы власти, различные категории людей (например, мигранты), международные отношения, военные конфликты и др. Однако приоритетными объектами воздействия выступают силовые ведомства Российской Федерации. Особенностью такого воздействия является его программный или операционный характер, предполагающий не только постановку и обоснование реальных и измеряемых целей, расчёт необходимых сил и средств, выделение конкретных целевых аудиторий и мишеней воздействия, определение согласованных и преемственных этапов, но и последующую всестороннюю оценку полученного результата.

Так, по данным известной аналитической группы «Берегини», в целях дискредитации ВС РФ реализуются информационно-психологические операции под шифрами «Рупор», «Степной ветер» и «Заслон», против Росгвардии – операция под шифром «Факел-1», против органов внутренних дел операции – «Факел-2», «Москвабад» и др. [2; 6]. В рамках перечисленных операций деструктивное воздействие на сотрудников российских силовых ведомств ведётся с целями их дезинформации, деморализации, дезорганизации, дезинтеграции и дискредитации.

Судя по методическому пособию, разработанному в 2018 г. специально для подготовки специалистов сил ИПСО, своеобразной методологической моделью человека как объекта воздействия избрана пятикомпонентная информационная модель личности. В этой модели выделяются пять информационных пространств личности:

- 1) пространство индивидуального сознания, родного языка, картины мира. Это – главное пространство и конечный целевой объект воздействия;
- 2) пространство ближайшего окружения (жена, дети, дом);
- 3) пространство родных, близких, организации, клуба, нации, секты;
- 4) пространство повседневной жизни, медиа, кибер-, виртуальное пространство, массовое сознание;
- 5) пространство неизвестной реальности, не укладывающаяся в современную картину мира (парапсихологические явления, тонкие материи и т.д.) [3].

По мнению наших противников, в каждом из этих пространств могут быть уязвимости, слабые места, своеобразные «психологические крючки», которые можно целенаправленно использовать для ИПВ. Они полагают, что порой через косвенное воздействие, например, через группу интересов, можно достичь большего эффекта, чем прямым воздействием.

Основными темами деструктивных информационно-психологических акций против сотрудников Росгвардии и ОВД РФ являются следующие вопросы: сотрудники нарушают закон – принимают участие в преступных схемах, фабрикуют уголовные дела против невинных граждан, нарушают их права и свободы, в том числе и осуществляют пытки; среди руководства и простых сотрудников процветает коррупция, взяточничество, мародёрство; среди сотрудников широко распространены алкоголизм, наркомания и аморальное поведение; сотрудники не отличаются высоким уровнем интеллекта и профессиональных знаний; сотрудники не поддерживают акцию, что вызывает их увольнение, отказ, дезертирство и самоубийства) [4].

Состав ЦИПСО, подотчётная им группировка государственных и частных СМИ, социальных медиа и медиа-технологических структур позволяют им использовать широкий арсенал технологий деструктивного информационно-психологического воздействия: медиа-атаки, агитация, пропаганда, дезинформация, фейки, создание ложной реальности; информационные провокации; воздействие на культуру и идентичность; вербовка должностных лиц противника; слухи и др. Также заявляется о готовности к использованию паранормального воздействия (экстрасенсорное воздействие, психотронные генераторы, операторы центрального и локального уровней, метафизическая разведка, парапсихологическое обеспечение информационных и военных операций) [3].

Кроме этого, специалисты ИПСО организуют телефонный терроризм, мошенничество с банковскими картами, многочисленные информационные вбросы, массовый дубляж комментариев под популярными постами в социальных сетях с помощью ботов и др. [6].

В схемах осуществления информационно-психологических операций украинских специалистов просматриваются такие мощные технологии информационно-психологического воздействия, как «Окно Овертона», «Социальный лазер» [10], технология «дизруптивного события» [9], технология создания «модифицирующей онлайн среды», а также технология «бэндваген-эффекта» при провоцировании протестных акций в России и Белоруссии.

В последнее время в акциях, нацеленных на отвлечение органов правопорядка от важных направлений деятельности, распыление их сил, дискредитацию сотрудников в сознании россиян, применяется метод психологического воздействия «нога в двери». Его суть состоит в последовательном, поэтапном вовлечении российских граждан в противоправную, граничащую с терроризмом деятельность.

В публикациях международной хакерской группы Beregini описываются следующая последовательность реализации такого метода:

1) сотрудники ЦИПСО находят в соцсетях желающего быстро заработать,

2) ставят ему задачу написать аэрозольной краской на стене данные телеграм-канала наркоторговца,

3) организуют энергичное обсуждение в сети ВКонтакте того, что наркотики продают безнаказанно прямо среди бела дня,

4) звонят в дежурную часть местного отделения полиции с информацией «об открытой торговле наркотиками и требованиям прекратить её»,

5) звонят на телефон доверия городской полиции с возмущением «бездействия» сотрудников,

6) размещают в сети аудиозаписи переговоров с полицией с комментариями о том, что полиция бездействует, потому что «крышует» наркоторговцев,

7) подключают к обсуждению сотни фейковых аккаунтов, интернет-ботов ИПсО, а затем и обычных граждан.

Также для отвлечения сотрудников от выполнения жизненно важных задач, распыления их сил, утомления, порождения недоверия к официальной информации, а также для создания в обществе обстановки нервозности и недовольство работой правоохранительных органов в последнее время активизировано использование такого метода деструктивного воздействия, как «сваттинг», то есть ложных сообщений о минировании организаций и учреждений. Так, в 2021 году были «заминированы» около 20 тысяч школ по всей России – от Москвы до Чукотки. 12 января 2022 г. в Москве эвакуировали около 600 объектов, в Екатеринбурге эвакуировали 151 школу, в Саратове – 109, в Красноярске – 111, в Архангельска 51, в Новгороде 20 школ и т.д. [1].

20 января 2022 года телефонные преступники домой отправили школьников Тюмени, Челябинска, Магадана, Барнаула и Сахалина. 4 и 16 мая были эвакуированы практически все школы, детские сады и больницы Хабаровска и Петропавловска-Камчатского. Эвакуировались не только учебные заведения, но и банки, мэрии, больницы, аэропорты и даже Останкино. Одновременно через социальные сети психологически «накручивались» родители и подталкивались к пикетированию зданий силовых ведомств.

Как неоднократно отмечалось в сообщениях пресс-службы ФСБ, большинство этих звонков совершалось с территории Украины. В интернет-публикациях отмечается, что вооружённые силы «незалежной» проводили набор в центры телефонного терроризма, распространяющие ложную информацию о минировании. Среди требований было два пункта: знание русского языка и желание «отомстить России» [6].

По аналогичной схеме на территории нашей страны осуществляется террористическая и информационно-психологическая акция «Маньяки культ убийства», которая сопряжена с реальными убийствами и избиениями людей.

В 2022 г. информационно-психологические акции против российских силовых ведомств стали приобретать ярко выраженный террористический характер. Хакерская группа *Beregini* описывает схему рекрутирования через социальные сети и мессенджеры российских подростков на совершение атак на военные комиссариаты и отделения ОВД с помощью «коктейлей Молотова». Здесь также используется метод «нога в двери». Сначала подростку, нуждающемуся в деньгах, предлагается сфотографировать здание ОВД или военкомата, а у себя дома смастерить «коктейль Молотова». За высланные по указанному адресу фото ему выплачивается 10000 руб. Затем уже эмоционально и мотивационно «разгорячённому» подростку предлагается бросить бутылку с коктейлем в окно сфотографированного здания. Если бутылка загорится, террористу выплачивается сумма в 5 тыс. долл., если пожар будет заметным – 7,5 тыс. долл, если здание сгорит полностью – 15 тыс. долл. Подобные террористические акции уже состоялись или были пресечены в Балашихе, Щелково, Смоленске, Волгограде, Минеральных водах, Нижневартовске, Череповце, Мелитополе, Омске, Владивостоке и других городах России.

Ясно, что против такого массированного и комплексного информационно-психологического воздействия на сотрудников силовых ведомств необходима целостная система противодействия. Такая система видится в согласованной реализации правовых, информационных, организационных и психолого-педагогических мер, осуществляемых не в одной отдельно взятой силовой структуре, а в масштабах всей страны.

Сегодня является очевидной необходимость создания федерального органа, определяющего информационную политику и регулирующего информационные потоки. Также представляется целесообразным широкое привлечение волонтеров для мониторинга интернет-пространства.

В условиях осуществления специальной военной операции представляется необходимой переоценка правонарушений, осуществляемых, по существу, во взаимодействии с спецслужбами недружественных государств.

Одновременно необходимо формировать у сотрудников информационно-психологическую устойчивость, посредством развития у них критического мышления, знания тематики, основных схем и технологий негативного информационно-психологического воздействия, навыков безопасного присутствия в интернет-пространстве. Это особенно важно потому, что наши информационные противники меняют свою тактику: от тактики целенаправленных информационно-психологических ударов по целевым аудиториям к тактике формирования модифицирующей информационной среды.

Литература:

1. В городах России начали массово эвакуировать школы из-за сообщений о минировании. <https://lenta.ru/news/2022/01/13/schoolslozh>.
2. «Инструкторы за спинами»: кто стоит за информационными атаками в адрес российских граждан. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/972021-ukraina-britaniya-feiki-ataka-kiev>.
3. Информационные операции: курс специальной подготовки /под ред. Д.О. Богуша. Киев, 2018.
4. Информационно-психологическая операция «Факел-2» 72ГЦИПсО ССО ВСУ. URL: <https://telega.ph/Informacionno-psihologicheskaya-operaciya-Fakel-2-72GCIPsO-SSO-VSU-02-24>.
5. Крапивин А. В центры информационно-психологических операций набирают людей с улицы по объявлению. <https://ukrsow.wordpress.com/2018/05/11/v-tsentry-informatsionno-psikhologicheskikh-operatsiy-nabirayut-lyudey-s-ulitsy-po-obyavleniyu/>
6. Лазаренко Н. Инфодиверсанты. Как действовал Центр инфопсихологических операций ВСУ. <https://ria.ru/20220513/tsipso-1788372942.html>.
7. Огромная проукраинская «армия ботов» создана для влияния на западных политиков. <https://aftershock.news/?q=node/1152950&full>.
8. Путин заявил, что против России развязана война в киберпространстве. URL: <https://tass.ru/politika/14686131> (дата обращения 1.11.2022).
9. Corman S.R., Trethewey A., Goodall B. A 21st Century Model for Communication in the Global War of Ideas. From Simplistic Influence to Pragmatic Complexity / Consortium for Strategic Communication, Arizona State University. Report #0701. April 3, 2007. URL: <https://csc.asu.edu/wp-content/uploads/pdf/114.pdf>.
10. Khrennikov, A. (2018). Social laser model: from color revolutions to Brexit and election of Donald Trump. *Kybernetes*, 47(2), 273–278.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.П. Криворучко

«Вторая мировая война перешла в сражение на военно-историческом фронте», –

М.А. Гареев

Западные идеологи, боясь правды об истинных причинах начала, ходе и результатах Второй мировой войны, пытаются переписать историю в свою пользу, принизить роль Советского Союза в достижении великой победы над фашистской Германией. Запад всячески подчеркивает свое значение в ходе и исходе войны. Он пытается вырвать от нас то, что объединяет все народы России. Речь идет о патриотизме, массовом героизме советских людей. Именно это пугает Запад. В связи с этим Вторая мировая война, по мнению генерала армии М.А. Гареева, перешла в сражение на военно-историческом фронте. Для того чтобы успешно вести это сражение, надо знать, во-первых, основные направления фальсификации истории Второй мировой войны, а во-вторых, следует глубоко изучить истинную историю этой войны. В этом заключается актуальность данной статьи для офицеров нашей части, находящихся на передних рубежах сражения на военно-историческом фронте.

Фальсификация или переписывание истории – сознательное искажение исторических событий либо историческое мифотворчество. Цели и мотивы фальсификаций могут быть самыми разнообразными: идеологическими, политическими, создание общественного или коммерческого интереса к той или иной проблеме, событию или ученому и т.д. Примеры исторических фальсификаций известны со времен Древнего Египта [6].

Термин «фальсификация» несет дополнительную смысловую нагрузку: говоря о фальсификации, мы чаще всего имеем в виду сознательный отказ от стремления к истинному описанию прошлого. Для фальсификатора главными оказываются ненаучные цели: внушение читателю каких-то идеологических или политических идей, пропаганда определенного отношения к прошлым событиям или вообще разрушение исторической памяти, а вовсе не поиск истины и объективности.

«Кампания по фальсификации истории» направлена в первую очередь на молодых людей России, которые, по мнению М.А. Гареева, не

«отягчены» знаниями и мало интересуются прошлым своей страны. Именно поэтому такого рода фальсификации очень опасны [6].

Прибегая к фальсификации, источники тех или иных «фактических» суждений могут не указываться вообще, либо со ссылкой на несуществующие издания, либо явно не относящиеся к первичным источникам работы (обычно публицистические), в которых эти «факты» были впервые озвучены. В этом случае правильнее говорить не столько о фальсификации (подлоге известного), сколько о мифотворчестве (дописывание неизвестного). Наиболее тонким способом фальсификации является подделка первичных источников («сенсационные» археологические открытия, ранее «неизвестные» и «не публиковавшиеся» летописные материалы, мемуары, дневники и т. д.). В этом случае для опровержения ложных данных необходима специальная экспертиза, которая либо не проводится, либо проводится с заранее известным результатом.

В годы Второй мировой войны ожесточенная борьба велась не только на полях сражений, но и в духовной сфере, за умы и сердца миллионов людей на всей планете. Идеологическая борьба велась по самым различным вопросам политики, международных отношений, хода и исхода войны, преследуя при этом принципиально разные цели.

Если фашистское руководство открыто звало свой народ к порабощению других народов, к мировому господству, то советское руководство всегда выступало за справедливую освободительную борьбу и защиту Отечества.

Уже в ходе войны появились политики, историки, пропагандировавшие мифы о «превентивном характере» войны фашистской Германии против СССР, о «случайности поражения» немецко-фашистских войск в крупных сражениях на советско-германском фронте и т. д.

Победа в войне выдвинула Советский Союз в разряд ведущих держав мира, способствовала росту его авторитета и престижа на международной арене. Это никак не входило в планы реакционных международных сил, вызывало у них откровенную злобу и ненависть, приведшую к холодной войне, к яростным идеологическим атакам против СССР.

На протяжении всего послевоенного периода события Великой Отечественной войны являлись одним из основных направлений острого идеологического противостояния западных идеологических центров и Советского Союза.

Главным объектом нападок стали важнейшие проблемы войны – история предвоенного периода, военное искусство командования Красной Армии, роль и значение различных фронтов, советские потери в войне, цена победы и т.п.

Фальсифицированные концепции, взгляды по этим и другим проблемам распространялись миллионными тиражами книг, статей, отражались в теле- и радиопередачах, в произведениях киноискусства.

Цель всего этого – скрыть подлинные причины того, что Вторая мировая война была порождена самой капиталистической системой; представить Советский Союз, наряду с Германией, ответственным за развязывание войны; принизить вклад СССР и его Вооруженных Сил в разгром фашистского блока и одновременно возвеличить роль западных союзников по антигитлеровской коалиции в достижении победы.

Приведем некоторые приемы, к которым прибегают фальсификаторы истории Великой Отечественной войны.

1) На протяжении всего послевоенного периода, включая и последнее десятилетие, некоторые западные историки распространяют версии о том, будто СССР в 1941 году хотел первым начать войну против Германии. Суть этой версии в том, что в 1941 г. якобы готовилось вторжение Красной Армии в Европу, что представляло «смертельную угрозу» **Германии**, которая в целях «защиты себя и других западных стран» **вынуждена была начать превентивную войну против СССР**. Миф о готовности Москвы развязать превентивную войну против Германии присутствует и в книгах русскоязычных историков. Они ссылаются даже на резолюцию, которую якобы наложил тогдашний первый заместитель начальника Генерального штаба Н.Ф. Ватутин на план стратегического развертывания на Западе, принятый в марте 1941 года. Однако известно, что решение подобного рода принимает политическое руководство государства, а не Генеральный штаб.

Убедительных документов и фактов подготовки Советским Союзом нападения на Германию этими авторами не приводится, ибо их нет в действительности.

Миф о «превентивном нападении» был разоблачен еще на Нюрнбергском процессе.

2) Другим приемом, с помощью которого западные фальсификаторы также пытаются обосновать подготовку СССР к «наступательной превентивной войне» против Германии, служит **произвольная интерпретация речи Сталина перед выпускниками военных академий Красной Армии 5 мая 1941 года**, которую называют «агрессивной», «призывающей к войне с Германией». Эту версию активно пропагандирует и ряд российских историков [8, 451].

Безапелляционность и надуманность указанных выводов очевидна. Факты свидетельствуют о том, что в 1941 году ни Гитлер, ни командование вермахта не имели повода думать, что СССР может напасть на Германию. В Берлин не поступало никакой информации об агрессивных замыслах Советского Союза. Напротив, германские дипломаты и гер-

манская разведка постоянно докладывали о желании СССР сохранить мир с Германией, не допустить возникновения в отношениях с этой страной серьезных конфликтных ситуаций, о готовности нашего государства ради этого пойти на определенные экономические уступки. СССР до самого последнего момента отправлял промышленные и сельскохозяйственные товары в Германию.

3) Фальсификаторы предпринимают немало сил к **преуменьшению потерь немецкой стороны и преувеличению потерь Красной Армии в некоторых крупных сражениях**, чем стремятся принизить значение последних. Так, немецкий историк К.Г. Фризер, ссылаясь на данные германских архивов, утверждает, что в ходе танкового сражения под Прохоровкой 12 июля 1943 года потери немецкой стороны свелись лишь к 5 танкам. Еще 38 танков и 12 штурмовых орудий были повреждены.

Однако, по данным российских военных архивов, следует, что немецкая сторона потеряла от 300 до 400 танков и штурмовых орудий безвозвратно. При этом и советская 5-я гвардейская танковая армия (ТА), принимавшая основное участие в Прохоровском сражении, понесла тяжелые потери – около 350 танков и САУ. Оказалось, что немецкий историк привел данные о потерях лишь 2-го танкового корпуса СС, умолчав о потерях 48-го и 3-го немецких танковых корпусов, также принимавших участие в сражении [6].

Подобным образом действуют не только отдельные исследователи, но и серьезные государственные организации. Например, в 1991 году в США был создан Национальный комитет по празднованию 50-й годовщины победы во Второй мировой войне. Вскоре эта организация издала огромным тиражом красочный юбилейный буклет, подготовленный с участием историков. Он открывается «Хроникой важнейших событий Второй мировой войны». И в этом весьма подробном перечне не названа ни одна из крупных битв, ни одна из операций, выигранных или проведенных советскими войсками против немецко-фашистских захватчиков. Как будто не было Московской, Сталинградской, Курской и других битв, после которых гитлеровская армия понесла невосполнимые потери и окончательно утратила стратегическую инициативу.

4) В послевоенные годы на Западе вышло в свет огромное количество исторической литературы, в которой искажались подлинные события Второй мировой войны, и всячески **принижалась роль СССР в разгроме фашистских агрессоров**.

Этот прием фальсификации используется и по сей день, хотя во время войны наши западные союзники более объективно оценивали ведущую роль СССР в борьбе против общего врага.

Отечественная война была Великой как по своему размаху, так и по привлекаемым на советско-германский фронт силам и средствам.

Общее количество личного состава с обеих сторон только в действующей армии доходило до 12 млн человек.

Одновременно в разные периоды действовало от 800 до 900 расчетных дивизий на фронте от 3 до 6,2 тыс. км, который приковывал подавляющую часть вооруженных сил Германии, ее союзников и Советского Союза, оказывая тем самым решающее влияние на обстановку на других фронтах Второй мировой войны.

В то же время президент США Ф. Рузвельт отмечал, что «...русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые». С трибуны палаты общин У. Черчилль заявил 2 августа 1944 года, что «именно Русская армия выпустила кишки из германской военной машины».

В те годы было немало подобных оценок. И в этом нет ничего удивительного. Очень трудно было не видеть очевидной истины: решающий вклад Советского Союза в Победу, его выдающаяся роль в спасении мировой цивилизации от гитлеровской чумы представлялись бесспорными.

Но вскоре после разгрома фашизма недавние союзники СССР начали говорить по-другому, высокие оценки роли нашей страны в войне были забыты и появились суждения совсем иного рода.

С особой настойчивостью в послевоенной историографии проводилась идея, будто важнейшие сражения Второй мировой войны происходили не на советско-германском фронте, и исход вооруженного противоборства двух коалиций решался не на суше, а главным образом на море и в воздушном пространстве, где вооруженные силы США и Англии осуществляли интенсивные боевые действия. Англичане считают, что битва под Эль-Аламейном (23.10–5.11.1942) была решающей в годы Второй мировой войны, а, по мнению США, исход войны решался в ходе сражения у атолла Мидуэй (4.6–6.6.1942).

Западные идеологи не упоминают об обороне Брестской крепости, битве под Ельней, Смоленском сражении. Запад «забыл» о битвах под Москвой (30.09.1941–20.4.1942), где был развеян миф о непобедимости фашистской Германии, Сталинградской битве (17.4.1942–2.2.1943), положившей начало коренному перелому в войне, победе наших войск в Курской битве (5.7–23.8.1943), после которой гитлеровцы только отступали, а стратегическая инициатива перешла полностью на сторону СССР. Запад «забыл» о битве за р. Днепр (вторая половина 1943), Корсунь–Шевченковской битве (24.1–17.2.1944), битве за Ленинград (10.7.1941–9.8.1944) а также операциях «Багратион» (23.06–29.08.1944), Висло-Одерской, (12.1–3.2.1945), Берлинской (16.4–8.5.1945), где была поставлена точка в войне. Особенно Запад не любит вспоминать об Ар-

денской операции (16.12.1944–28.01.1945). Получив сокрушительный удар со стороны гитлеровской Германии, наши союзники, опасаясь полного разгрома, обратились к Советскому командованию начать на 8 дней раньше запланированного срока Висло-Одерскую операцию [5].

Западные авторы утверждают, что ведущей силой антигитлеровской коалиции были США, поскольку они имели наиболее мощные среди капиталистических стран вооруженные силы.

Подобные взгляды на роль стран антигитлеровской коалиции в достижении победы над фашизмом прослеживаются, например, в 85-томной «Истории Второй мировой войны», подготовленной исторической секцией при кабинете министров Великобритании, 25-томной американской «Иллюстрированной энциклопедии Второй мировой войны» и многих других изданиях.

Наш народ по достоинству оценивает большой вклад в победу над фашизмом народов США, Великобритании, Франции, Китая и других стран антигитлеровской коалиции. Но именно на советско-германском фронте происходили главные битвы Второй мировой войны, здесь были сосредоточены основные силы гитлеровского вермахта. Так, с июня 1941 года до открытия второго фронта 6 июня 1944 на советско-германском фронте воевали 92–95% сухопутных войск фашистской Германии и ее сателлитов, а затем – от 74 до 65%.

На советско-германском фронте враг понес три четверти своих людских потерь. Урон в личном составе фашистской армии, нанесенный Красной Армией, был в 4 раза больше, чем на западноевропейском и средиземноморском театрах военных действий, вместе взятых, а по числу убитых и раненых – в 6 раз.

История второго фронта достаточно освещена в советской историографии, но ее, как правило, искажают западные историки, стараясь оправдать невыполнение англо-американскими союзниками своих обязательств по политическим мотивам военно-стратегическими факторами

5) Выражаются сомнения вообще о значимости достигнутой победы из-за наших больших потерь. При оценке итогов Великой Отечественной войны особенно пристальное внимание западные историки уделяют вопросу о цене победы, о наших жертвах во время войны. Из-за наших больших потерь ставится под сомнение вообще значимость достигнутой победы.

Известно, что общие потери СССР в войне составляют 26,5 млн человек, из них 18 млн – это мирное население, погибшее в результате фашистских зверств на оккупированной территории. Однако ряд историков утверждают, что совокупные потери СССР во Второй мировой войне составили 46 млн человек. Общие безвозвратные потери (убиты, пропали без вести, попали в плен и не вернулись из него, умерли от ран,

болезней и в результате несчастных случаев) Советских Вооруженных Сил вместе с пограничными и внутренними войсками составили 8 млн 668 тыс. 400 чел.

Потери фашистского блока составили 9,3 млн чел. (7,4 млн человек потеряла фашистская Германия, 1,2 млн – ее сателлиты в Европе, 0,7 млн – Япония в Маньчжурской операции), не считая потерь вспомогательных частей из числа иностранных формирований, воевавших на стороне фашистов (по некоторым данным – до 500–600 тыс. чел.).

В общей сложности безвозвратные потери Советских Вооруженных Сил на 1–1,5 млн чел. превышают соответствующие германские потери. Но это за счет того, что в фашистском плену были 4,5 млн советских военнопленных, а возвратились в СССР после войны только 2 млн человек. Остальные погибли в результате фашистских злодеяний. В советском плену из 3,8 млн немецких военнопленных умерли 450 тыс. человек.

Попытки представить потери агрессора меньшими, чем они были в действительности, искажают историческую правду, свидетельствуют о предвзятости тех, кто стремится сознательно умалить подвиг советского народа в Великой Отечественной войне.

б) Широко распространяется миф: **единственным виновником Второй мировой войны, с одной стороны, «назначается» Гитлер, а с другой, – СССР в лице Сталина как соучастника в ее развязывании.**

Основная фальсификация – утверждение о «соучастии» Советского Союза или «равной ответственности СССР и Германии» за развязывание Второй мировой войны. **Данная фальсификация «подтверждается» пактом Молотова – Риббентропа 23 августа 1939 года [6].**

Делая попытки представить СССР зачинщиком Второй мировой войны или, в крайнем случае, возложить равную ответственность за ее развязывание на «двух кровавых диктаторов» – Сталина и Гитлера, современные фальсификаторы используют в качестве своего излюбленного аргумента подписание 23 августа 1939 года договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, то есть за неделю до начала Второй мировой войны (1 сентября 1939 г.).

В аргументации сторонников отделения прибалтийских республик от СССР как в 1990-е годы, так и в настоящее время наиболее часто используется утверждение, что договор от 23 августа 1939 года привел к «советской аннексии» Эстонии, Латвии и Литвы, то есть активно эксплуатируется тезис о советской оккупации.

При оценке факта ввода советских войск на территорию прибалтийских государств следует учитывать, что мировым сообществом в то время происшедшее было воспринято с пониманием – как объективно

вынужденная мера, а не проявление экспансионистских замыслов. Фактически такое развитие событий было predetermined тем, что на протяжении всех 1930-х годов ведущие европейские державы отказывались предоставлять государствам Балтии какие-либо гарантии, считая неизбежной их абсорбцию либо Германией, либо СССР. Отстраненно наблюдать, как Прибалтика быстро превращается в зону исключительно германского влияния со всеми вытекающими из этого последствиями, советское политическое руководство не могло.

Здесь следует учитывать и фактор пространства, который неразрывно связан с фактором времени. Чем с большего расстояния начинали бы свое наступление немецкие войска, тем больше должны были снижаться возможности его продолжения. Ход Великой Отечественной войны показал, что этот фактор способствовал срыву планов гитлеровцев.

Советско-германский договор от 23 августа 1939 года, используемый в прибалтийских государствах в качестве основы для претензий к Российской Федерации как правопреемнице СССР в тайном сговоре, в результате которого Эстония, Латвия и Литва вошли в его состав (следует отметить – по просьбам правительств и парламентов этих государств абсолютно добровольно), с точки зрения международного права был достаточно правомочен. Все договоры, в том числе и этот, внесены в реестр Лиги Наций, членами которой могли являться только суверенные государства – субъекты международного права.

Наиболее характерной схемой фальсификации, широко используемой в идеолого-психологической борьбе против СССР, стали утверждения: «Сговор Гитлера и Сталина 23 августа 1939 г. привел ко Второй мировой войне». При этом западные державы представляются защитниками свободы и демократии и главными победителями (в первую очередь США) во Второй мировой войне [5, 462].

Таким образом, тезис: «Сговор Гитлера и Сталина развязал мировую войну» – абсолютно ложный. Советско-германский договор о ненападении 23 августа 1939 не развязывал войну, а лишь уравнивал положение СССР в отношениях с Германией с положением Великобритании и Франции, подписавших такие декларации с Гитлером в итоге мюнхенского сговора в 1938 г. Нападение Германии на Польшу также не зависело от заключения этого договора, ибо оно планировалось заранее и проводилось бы в любых условиях, кроме совместного англо-франко-советского отпора этой агрессии. Отказ Англии и Франции от такого союза сорвал эту единственную возможность, а вся их длительная антисоветская политика способствовала агрессии Германии.

Заключение советско-германского договора о ненападении вывело Советский Союз из-под угрозы наиболее опасного варианта вовлечения в мировую войну – агрессии фашистских государств с запада и востока

и в условиях международной изоляции страны. СССР почти на два года оказался вне схватки империалистических государств, что позволило существенно увеличить военную мощь. Сталин предусмотрительно обусловил заключение договора разграничительными линиями сфер интересов, ограничив зону господства фашистской Германии в Восточной Европе за 300 км от существующих границ СССР, что имело важное стратегическое значение.

В целом, этот договор юридически правомерен и исторически оправдан. К развязыванию войны в Европе, как следует из документов стратегического планирования, он не причастен. Развязывание войны определено агрессией Германии против Польши и решением англо-французского руководства в ответ на это вступить в войну с Германией.

Следует указать: **заключение советско-германского пакта о ненападении имело большое значение для национальной безопасности СССР.**

Во-первых, оказалась перечеркнутой угроза развязывания войны Германией против СССР в 1939 г., т.е. нападение было отодвинуто на два года.

Во-вторых, заключение договора от 23 августа 1939 г., укрепив стартовые позиции Германии в войне и дав ей некоторые другие тактические плюсы, нанесло ей невосполнимый стратегический урон, т.к. границы СССР отодвинулись в сентябре 1939 г. далеко на запад к немецким границам. Началось обустройство передовых рубежей новых границ.

В-третьих, СССР смог избежать войны на два фронта.

В-четвертых, у Японии была подорвана вера в своего стратегического союзника, т.к. пакт был заключен в дни боев на Халхин-Голе, и в последующем это сыграло свою роль, когда Япония не выступила против СССР, когда немцы рвались к Москве.

В-пятых, СССР смог начать приобретать необходимые ему материалы, оборудование и технологии, недоступные в то время на других рынках.

В-шестых, Советский Союз показал всем, что он намерен и впредь отстаивать свои интересы [6].

Когда и где на самом деле началась Вторая мировая?

По сути, версия о начале Второй мировой войны только 1 сентября 1939 года – версия прозападная. Советская историография, приняв ее еще в 1950-е годы, незаметно для себя солидаризировалась с нашими геополитическими противниками.

А они руководствовались тем же стремлением, что и сейчас – взвалить на СССР ответственность за развязывание Второй мировой войны, а ее отправной точкой поставить заключение пресловутого пакта Молотова-Риббентропа.

Почему отсчет Второй мировой войны следует начинать с военных действий именно в Европе? Здесь мы опять видим предвзятый европоцентризм, которым, к сожалению, сильно страдает наша историческая наука. Тем более, что событие, всеми признаваемое концом Второй мировой, никак с войной в Европе не связано. Да и в самой Европе между 11 ноября 1918-го и 1 сентября 1939 года происходили военные действия. Вспомним хотя бы Гражданскую войну в России и советско-польскую войну. Та же Польша только 18 марта 1921 года заключила мирный договор с Советской Россией. А последняя из войн, порожденных Первой мировой – греко-турецкая – завершилась только в 1922 году.

1-му сентября 1939-го предшествовали локальные конфликты в Европе. Начнем с того, что с июля 1936-го по март 1939-го в Испании полыхало пламя гражданской войны, где некоторые будущие противники по Второй мировой уже стояли по разные стороны линии фронта: Советский Союз помогал Испанской Республике, Германия и Италия – диктатору Франко. А в апреле 1939 года Италия совершила военную оккупацию Албании.

Вспомним, наконец, агрессивные войны стран фашистского блока на других континентах, начиная с нападения Италии на Эфиопию в 1935 году.

Китайские историки уверены, что Вторая мировая война началась с нападения Японии на Китай 7 июля 1937 года. Эта война закончилась 9 сентября 1945 года, то есть продолжалась 8 лет и 2 месяца. И это выглядит убедительно, если учесть, что война разгорелась между странами с общим населением (в тот момент) свыше полумиллиарда человек – больше, чем во всей Европе. Следовательно, Вторая мировая война началась задолго до 1 сентября 1939. Однако это Западу не выгодно. Следует всем прогрессивным ученым всего мира пересмотреть дату начала Второй мировой войны.

Был ли И.В. Сталин в прострации?

По-прежнему бытует мнение, что в первые дни войны И.В. Сталин находился в прострации, отстранился от руководства страной, покинул Кремль, укрывшись на Ближней даче. Поводом данного мифа стало обращение В.М. Молотова, а не вождя к народам СССР в связи с вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз. В этой связи следует заметить, что И.В. Сталин Кремль не покидал, а усиленно работал. Секретарь вождя Александр Николаевич Поскребышев вел запись лиц, принятых И.В. Сталиным в кремлевском кабинете. 22 июня в кабинете И.В. Сталина было 29 чел., включая членов Политбюро ВКП(б), Советского правительства, руководителей Красной Армии, а 23 июня – 21 чел. Это слишком много для прострации! [6]

Что касается объявления войны министром иностранных дел В.М. Молотовым, то следует подчеркнуть: И.В. Сталин выступал перед народом один-два раза в году по наиболее актуальным проблемам. Вождю надо было не просто объявить о начале войны, необходимо было дать развернутую программу ведения боевых действий. Нужно было поставить четкие задачи по переводу всей экономики страны на военные рельсы, сплочению народа, развертыванию партизанской войны, вселить уверенность в победу над фашистской Германией. Вождь призывал, что земля должна гореть под ногами противника. И.В. Сталин психологически рассчитал, когда следует выступить перед народом: именно через 10 дней 3 июля, когда немного улягутся страсти, когда пройдет психологический стресс. Вспомним, что диктует Дисциплинарный устав командиру при нарушении дисциплины подчиненным. Согласно Уставу командиру предоставляется 10 суток на обдумывание о мере наказания подчиненного. Командир не должен рубить с плеча, узнав о нарушении дисциплины, а обдумать о причинах происшедшего поступка, мере вины подчиненного. В самом деле народ лучше воспринял указания вождя 3 июля.

Красная Армия добилась успеха в годы войны благодаря штрафбатам, штрафротам и заградотрядам?

Действительно, приказ Верховного Главнокомандующего от 28 июля 1942 г. № 227 «Ни шагу назад» сыграл большую роль в повышении воинской дисциплины в Красной Армии. За нарушение приказа офицеры подвергались наказанию: лишению воинского звания и отправкой в штрафные батальоны, а рядовой и сержантский состав – в штрафные роты. После ранения и гибели наказание снималось, возвращались воинские звания, и бывший нарушитель воинской дисциплины возвращался в свою часть для продолжения дальнейшей службы. Как правило, в каждом фронте имелось один-два штрафбата, а в армии – три-четыре штрафроты.

За войну было создано 65 штрафбатов (офицерский состав) и 1037 штрафрот (рядовой и сержантский состав).

Говорят, войну выиграли штрафники. В этой связи следует подчеркнуть: за всю войну через армию прошли 34,5 млн чел., а штрафников было 428 тыс. чел., что составило менее 1,5%. Как говорится, комментарии излишни.

Этим же приказом от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад» учреждались **заградотряды**.

Впервые заградотряды в Русской армии применил Петр I в 1709 г. в Полтавской битве со шведами. Ставя задачу заградотряду, царь Петр приказывал стрелять в отступающих, не делая никаких исключений, в

том числе и для него. Однако моральный дух Русской армии был настолько высок, что заградотрядам не пришлось выполнять свои прямые обязанности, они ринулись в бой против противника, оказывая помощь наступающим войскам.

То же произошло во время Великой Отечественной войны. Несмотря на наличие советских заградотрядов, фактов практического их использования не найдено.

Что касается немцев, то у них «особые подразделения» появились еще в 1936 г., которые активно и повсеместно применялись.

Сталин бросил советских военнопленных на произвол судьбы?

В этом отношении существуют следующие мифы:

1) СССР отрекся от своих солдат, попавших в плен, и обрек их на гибель, отказавшись подписывать Женевскую конвенцию, чтобы не платить за их содержание.

2) Все пленные, вернувшиеся на Родину, попали в ГУЛАГ.

3) Солдаты должны бояться сдаваться в плен, ибо нет конвенции.

4) Немцы – гуманные, но поскольку Сталин не подписал Женевскую конвенцию, поэтому они вынуждены отправлять пленных в лагеря смерти.

Действительно, советских военнопленных погибло 57%. Однако причина этого кроется не в том, что Советское правительство не подписало Женевскую конвенцию. Главное – антигуманная идеология фашизма, согласно которой все пленные подлежали уничтожению и зверскому обращению. Конечно, Женевская конвенция предписывала от 27 июля 1929 года гуманное отношение к пленным, но гитлеровцы действовали по своим неписаным законам.

Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию по идеологическим соображениям. В ней предписывалось, как необходимо обращаться с рядовым, сержантским и офицерским составом. На тот период времени в Красной Армии офицерского состава не было, что и послужило причиной уклониться от подписания данного документа.

Вместе с тем основные положения о пленных были подписаны Россией в более ранней Гаагской конвенции (1907 г.) и строго ею соблюдались.

Мы подписали собственную внутреннюю «Женевскую конвенцию» «Положение о военнопленных и придерживались ее.

СССР в ходе войны захватил в плен 2,4 млн немцев, из них умерло 356,7 тыс. (14,9%), а наших умерло – 57% [6].

Американцы подписали конвенцию, но в японском плену мерли как мухи.

Кстати, Женевская конвенция требует ее соблюдения, не зависимо от того, подписала противоположная сторона или нет. Она требует кормить и одевать пленных, а наши соотечественники ели кору.

«Победил не Сталин, победил ленд-лиз»?

Ленд-лиз – государственная программа, по которой Соединенные Штаты Америки передавали своим союзникам во Второй мировой войне: боеприпасы, технику, продовольствие и стратегическое сырье, включая нефтепродукты.

Концепция этой программы давала президенту Соединенных Штатов полномочия помогать любой стране, чья оборона признавалась жизненно важной для его страны.

Закон о ленд-лизе, принятый Конгрессом США 11 марта 1941 года, предусматривал следующие условия:

поставленные материалы (машины, различная военная техника, оружие, сырье, другие предметы), уничтоженные, утраченные и использованные во время войны, не подлежат оплате;

переданное в рамках ленд-лиза имущество, оставшееся после окончания войны и пригодное для гражданских целей, будет оплачено полностью или частично;

в случае заинтересованности американской стороны, неразрушенные и неутраченные техника и оборудование должны быть возвращены после войны в США.

Всего поставки по ленд-лизу составили около 50,1 млрд долларов США (эквивалентно примерно 610 млрд долларам в ценах 2018 года), из которых 31,4 млрд долларов было поставлено в Великобританию, 11,3 млрд – в СССР, 3,2 млрд – во Францию и 1,6 млрд – в Китайскую Республику.

Закон о ленд-лизе был распространен на СССР 28 октября 1941 года, в результате чего Союзу был предоставлен заем на 1 млрд долларов. В течение войны было подписано еще три протокола: Вашингтонский, Лондонский и Оттавский, посредством которых поставки были продлены до конца войны. Официально поставки по ленд-лизу в СССР прекратились 12 мая 1945 года. Однако вплоть до августа 1945 г. поставки продолжались по списку «Молотова-Микояна» [4].

Оборудование, техника, материалы по ленд-лизу доставлялись в Советский Союз по трем маршрутам – тихоокеанским, трансиранским и арктическим. Конвои этих маршрутов обеспечили в сумме 93,5% общих поставок. Ни один из этих маршрутов не являлся полностью безопасным.

Номенклатура поставок по ленд-лизу определялась советским правительством: летательных аппаратов – 22 тыс., танков – 13 тыс., грузовых

машин – 376 тыс., мотоциклов – 35 тыс., автоматического оружия – 132 тыс., взрывчатых веществ – 346 тыс. тонн, противолодочных кораблей – 105, сахара – 610 тыс. тонн, мясных консервов – 665 тыс. тонн и др.

Не стоит забывать и о множестве благотворительных фондов, созданных для сбора средств в пользу СССР по всему миру. Оказывали помощь СССР и частные лица. Причем, помощь такая шла даже из Ближнего Востока и Африки. Например, в Бейруте была создана «Русская патриотическая группа», в Конго – Общество медицинской помощи России. Иранский купец Рахимьян Гулам Гусейн отправил в Сталинград 3 тонны сушеного винограда. А купцы Юсуф Гафурик и Мамед Ждалиди передали СССР 285 голов скота.

Каково значение поставок по ленд-лизу?

Историки до сих пор не перестают спорить о том, какую роль сыграли поставки военного оборудования и материалов из США их союзникам и как они отразились на общем ходе войны.

Поставки вооружений и сырья являлись насущной необходимостью.

Уже в ноябре 1941 года в своем письме к президенту США Рузвельту И.В. Сталин писал: «Ваше решение, господин Президент, предоставить Советскому Союзу беспроцентный кредит в размере одного млн долларов в обеспечение поставок военного снаряжения и сырья Советскому Союзу было принято Советским правительством с сердечной признательностью, как насущная помощь Советскому Союзу в его огромной и тяжелой борьбе с общим врагом – кровавым гитлеризмом» [6].

Первую официальную историческую оценку роли ленд-лиза дал председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский в своей книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», опубликованной в 1948 году. По его мнению, удельный вес этих поставок по отношению к отечественному производству в период войны составил всего лишь около 4 процента.

Эта цифра говорит сама за себя. СССР мог победить Германию и без американской помощи. Правда, в этом случае война затянулась бы еще на год-полтора, пока СССР развертывал бы свои военные производства на пространствах Сибири и Урала.

Высоко оценивал роль ленд-лиза А.И. Микоян, во время войны отвечавший за работу семи союзных наркоматов (торговли, заготовок, пищевой, рыбной и мясомолочной промышленности, морского транспорта и речного флота) и в качестве наркома внешней торговли страны с 1942 года руководивший приемом союзных поставок по ленд-лизу.

По его мнению, если бы этой помощи не было, наши жертвы были бы еще большими. Безусловно, она укоротила дорогу к Победе [5, 479].

Ради справедливости следует заметить: американская помощь по ленд-лизу сыграла важную роль в победе над гитлеровской Германией и ее союзниками, но не она решила исход войны, как это пытаются утверждать некоторые западные историки.

Только военные ответственны за катастрофу начального периода войны?

Западные идеологи стремятся возложить всю ответственность за катастрофу начального периода войны исключительно на военных, которые якобы «прошляпили» вторжение.

Цель этого мифа – во-первых, извратить внешнюю политику СССР и те мероприятия, которые Советское правительство проводило по укреплению обороны и обеспечению безопасности своих границ; во-вторых, оправдать вероломное нападение Германии на СССР; а в-третьих, найти «козлов отпущения» в лице военных.

Какова истинная роль Европы?

В советской историографии было хорошим тоном отмечать заслуги движения Сопротивления в странах Европы. В результате создавалось впечатление, будто чуть ли не все народы Европы сопротивлялись нацистской агрессии и оккупации. Это тоже был политический посыл.

На этом искусственно созданном фоне как-то терялись истинные характер и масштаб Великой Отечественной войны, которая на самом деле была войной России против почти всей Европы, дружно шедшей завоевывать «варварский Восток».

Кроме Германии, официально воевали с нами Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия, марионеточные правительства Хорватии и Словакии. Испания, не объявляя войны, прислала на Восточный фронт дивизию добровольцев. А сколько было в вермахте добровольцев других наций Европы! В СС создавались дивизии и бригады французские, валлонские, голландско-фламандские, скандинавские, хорватские, албанские, прибалтийские, западно-украинские. Если итальянцев мы с 22 июня 1941 года по конец войны взяли в плен в общей сложности 49 тысяч человек, то служивших в вермахте поляков – 60 тысяч, а чехов и словаков вместе – 70 тысяч [4].

Ради исторической правды надо сказать, что значительная доля ответственности за провал усилий по созданию коллективного противовеса фашистской агрессии лежит и на «малых» странах Европы. Романтическая вера в справедливость и защиту со стороны западных демократий, заигрывание вместе с тем с гитлеровской Германией, антисоветская зашоренность (нередко с антирусскими элементами) превратили их на не-

которое время в фишки на мировой политической доске, где они не могли повлиять на ход событий.

Причины Второй мировой войны – один из основных вопросов истории XX в., имеющий важное идеологическое и политическое значение, так как выявляет виновников этой трагедии, унесшей свыше 55 млн человеческих жизней. Более 60 лет западная пропаганда и историография, выполняющие социально-политический заказ, скрывают подлинные причины этой войны и фальсифицируют ее историю, стремясь оправдать политику Великобритании, Франции и США в пособничестве агрессии фашизма, а ответственность западных держав за развязывание войны переложить на советское руководство.

Подписание в Мюнхене 30 сентября 1938 г. соглашения Великобританией, Францией, Германией и Италией о разделе Чехословакии вполне можно назвать ныне «Днем пособничества западных держав фашизму и развязыванию Второй мировой войны».

Остановить агрессию и развязывание глобальной военной схватки в Европе могло лишь заключение военного союза СССР, Англии и Франции, что резко меняло соотношение сил сторон.

У всех фальшивок недолгий век, и вскоре они будут забыты?

Однако фальшивки способны нанести непоправимый вред сознанию молодежи, разрушить связь поколений, посеять в душах людей вражду и недоверие к своим отцам и дедам.

Ложь, независимо от ее цвета, не способна объединить общество. Согласие и уважение к прошлому возможны лишь на основе исторической правды, какой бы сложной, неудобной или неприятной для кого-то она ни была. Как больному порой нужны горькие лекарства, так и нам нужна правда, пусть и горькая. И хватит разглагольствовать о «переписывании» истории, потому что нечего переписывать! Полную и правдивую историю войны еще нужно написать, собрав все факты, все свидетельства, все документы, не пропуская «ни титлы, ни той же запятой».

Разве история должна учить ненавидеть и обвинять?

История, как и физика, не признает авторитетов. Они бесстрастны. Служить идеологии не могут. История – великий учитель, учитель мудрости. Ее уроки подчас бывают страшными и жестокими. Но именно поэтому их надо помнить, именно поэтому нельзя ни на минуту забывать о прошлом, беречь историческую память народа.

Память о прошлом должна быть великой созидательной силой, она должна примирять нас в общих несчастьях, предостерегать будущие поколения от, подчас, непоправимых ошибок. Уважение к прошлому – надежная основа для будущего продуктивного партнерства и дружбы.

Таким образом, основные направления фальсификации истории Второй мировой войны являются в центре идеологической борьбы между Западом и Россией.

Фальсификация истории Второй мировой войны идёт по двум основным направлениям: первое – это искажение фактов и реалий войны, пересмотр всех итогов Второй мировой войны, и второе – умалчивание или сокрытие основных событий и тех же фактов.

Запад всячески стремится к тому, чтобы принизить роль Советских Вооруженных Сил в победе над фашистской Германией и возвеличить себя. Запад забыл оценку, данную нашим Вооруженным Силам премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, который сказал, что именно Красная Армия выпустила кишки у германской военной машины. С точки зрения большой стратегии, – подчеркивал еще в мае 1942 года президент США Ф. Рузвельт, – трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые [6].

Обо всем этом не должен забывать офицер нашей части. Для него – это источник патриотизма и гордости за нашу Родину, источник борьбы с фальсификаторами истории Второй мировой войны, которым со знанием нашей истории надо давать решительный отпор, защищая честь и достоинство нашей великой Родины.

Победа в войне – предмет нашей гордости, и нам нечего стыдиться и оправдываться в наших действиях те годы. Не надо больше делать никому политических реверансов и не надо никого щадить, затушевывая одни и приукрашивая другие страницы истории. Как показал опыт, такая политкорректность принимается адресатами за слабость и к хорошим последствиям не ведет.

Именно наша Родина в настоящее время дала всему человечеству надежду на окончание эпохи вседозволенности со стороны США. Россия вернулась на международную арену навсегда, доказав, что она не является региональной державой, а занимает достойное место в мире. С ней необходимо считаться. Без России нельзя решить ни одной международной проблемы.

Литература и источники:

1. Бочарников И.В. Политика «умиротворения» нацизма как фактор развязывания Второй мировой войны (к 80-летию начала второй мировой войны) // Человеческий капитал. 2019. № 9 (129). С. 29–37.
2. Бочарников И.В. Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне как высшее проявление патриотизма и служения Отечеству // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 2. С. 72–86.

3. Великая победа Великого народа. О противодействии фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн / Бочарников И.В., Зеленков М.Ю., Кандыбович С.Л., Криворучко А.А., Марченков В.И., Овсянникова О.А., Петренко А.И., Разина Т.В., Суздалева Т.Р., Трипольский В.Б., Федоров К.В. (2-е издание). Москва, 2020.
4. Величие подвига советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Гришин В.И., Гареев М.А., Гушер А.И., Емец В.С., Кошкин А.П., Бочарников И.В., Казаков А.В. Москва, 2015.
5. Военно-энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 2007.
6. Гареев М.А. Священный долг нашей памяти // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 20. С. 2–6.
7. Гареев М.А. Фальсификация истории Второй мировой войны // ВПК. 2015. 25 июля.
8. Криворучко А.П. Воспоминания участников штурма Берлина. М.: Проспект, 2015. С. 451.
9. Лавренов С.Я., Попов И.М. Крах Третьего рейха. М.: Изд-во АСТ, 2000. С. 301–302.
10. Микрюков В.Ю. Традиции и инновации в военно-патриотическом образовании учащихся в современной России. М.: АВН, 2005. 166 с.
11. Морозов Ю.В. Влияние военной политики США на обеспечение стабильности в Центральной Азии и на национальные интересы России в регионе // Россия и Америка в XXI веке. 2010. № 2. С. 21–34.
12. Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны и армии Академии военных наук. Том 2. Москва, 2020.
13. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001. 611 с. С. 347–349.
14. Уразова С.А. Особенности организации банковской деятельности на территории СССР в период Великой Отечественной войны // Финансы и кредит. 2009. № 47. С. 81–91.
15. Ческидов Б.М. Финансовое обеспечение Победы в Великой Отечественной войне // Финансы и кредит. 2010. № 23. С. 75–79.

ОБ АВТОРАХ

Бартош Александр Александрович – член-корреспондент Академии военных наук РФ, эксперт Лиги военных дипломатов

Бочарников Игорь Валентинович – руководитель отделения Общего учения о войне и армии Академии военных наук, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана, доктор политических наук, действительный член Академии военных наук.

Герейханов Гаджи Пирмурадович – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии военных наук.

Гончаренко Анна Романовна – старший аналитик российской Ассоциации специалистов по информационным операциям.

Емец Валерий Сергеевич – заместитель руководителя отделения Общего учения о войне и армии Академии военных наук, директор Рязанского института (филиала) Московского политехнического университета, доктор политических наук, профессор, действительный член Академии военных наук.

Идилов Ибрагим Ирагиевич – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента, инноваций и бизнеса ГГНТУ им. академика М.Д. Миллионщикова, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, г. Грозный, Россия, действительный член Академии военных наук.

Кандыбович Сергей Львович – руководитель секции психологии Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», действительный член Академии военных наук.

Караяни Александр Григорьевич – профессор кафедры психологии служебной деятельности Санкт-Петербургского военного ордена Жукова университета войск национальной гвардии Российской Федерации, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, действительный член Академии военных наук.

Карпович Олег Геннадьевич – руководитель секции Анализа геополитических и геоэкономических проблем Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, действительный член Академии военных наук.

Криворучко Анатолий Петрович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук.

Кулаков Андрей Анатольевич – ученый секретарь Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук, кандидат философских наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук.

Манойло Андрей Викторович – профессор кафедры международных отношений и внешней политики России факультета международных отношений МГИМО (У) МИД России, доктор политических наук, действительный член Академии военных наук.

Овсянникова Ольга Александровна – исполнительный директор Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук.

Петренко Анатолий Иванович – руководитель направления журналистских расследований проекта «Вбросам.нет», кандидат психологических наук, доцент.

Разина Татьяна Валерьевна – доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент РАО, проректор по развитию АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского».

Ремарчук Валерий Николаевич – руководитель секции военно-политического анализа и прогнозирования Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук, декан факультета «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор, действительный член Академии военных наук.

Смагина Любовь Александровна – старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук.

Тымчик Владимир Ильич – руководитель секции предотвращения войн и вооруженных конфликтов Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук, профессор кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, действительный член Академии военных наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Бочарников И.В. Генерал армии Гареев Махмут Ахметович. Первый президент Академии военных наук	3
Карпович О.Г., Смагина Л.А. Положение российских соотечественников за рубежом в условиях современных глобальных изменений	32
Овсянникова О.А. Истоки и эволюция формирования национальных интересов России	42
Герейханов Г.П. Угрозы национальной безопасности России на постсоветском пространстве	56
Бартош А.А. Гибридная война как фактор нарушения стратегической стабильности	67
Манойло А.В., Гончаренко А.Р. «Доктрина Герасимова»: российский ответ на западные концепции гибридной войны	80
Тымчик В.И. Санкционная политика Европейского союза в отношении России и ее последствия	90
Идилов И.И. Экономические санкции стран Запада как инструмент доминирования в мировой политике	98
Бочарников И.В., Ремарчук В.Н. Каспийские направление геополитики России	103
Кулаков А.А. Внешняя политика Российской Федерации в условиях открытой враждебности Запада	111
Кулаков А.А. «Гибридные методы», используемые США для дестабилизации обстановки в постсоветских странах	125
Петренко А.И. Толпа как инструмент реализации целей психологических операций	139
Кандыбович С.Л., Разина Т.В. Историческая память ее сохранение и формирование в педагогическом процессе	154
Караяни А.Г. Новые технологии негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников российских силовых ведомств	163
Криворучко А.П. Основные направления фальсификации истории Второй мировой войны	170
Об авторах	188

Для заметок

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
УЧЕНЫХ 1 ОТДЕЛЕНИЯ –
ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩИХ ПРОБЛЕМ
ВОЙНЫ, МИРА И АРМИИ
АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК**

Том 5

Подписано в печать 17.07.2023 г. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,0. Заказ 3402. Тираж 100 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. +7 (916) 692-13-55
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru